

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АЭРОКОСМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ имени академика С.П. КОРОЛЕВА»

Т. Ю. Депцова

ТЕХНОЛОГИЯ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СВЕРТЫВАНИЯ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИИ

*Утверждено Редакционно-издательским советом университета
в качестве монографии*

САМАРА
Издательство СГАУ
2008

УДК 016
ББК 78.5
Д 359

Рецензенты: д-р филол. наук, проф. В.И. Рогачев,
канд. пед. наук, доц. А.С. Кочеулова.

Депцова Т.Ю.

Д359 **Технология библиографического свертывания художественной информации:** монография / *Т.Ю. Депцова.* - Самара: Изд-во Самар. гос. аэрокосм. ун-та, 2008. - 160 с.

ISBN 978-5-7883-0600-1

Монография посвящена разработке теоретических и методологических основ библиографического свертывания художественной информации. Исследуется феномен свертывания текста, специфика аннотирования художественных произведений, раскрываются технологические практические приемы библиографирования художественных текстов.

Книга предназначена ученым и специалистам книжного дела, студентам, аспирантам, издателям, библиографам.

УДК 016
ББК 78.5

ISBN 978-5-7883-0600-1 © Самарский государственный
аэрокосмический университет, 2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
Глава 1. СПЕЦИФИКА БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СВЕРТЫВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИИ.....	10
1.1. Эволюция форм библиографического свертывания художественной информации.....	10
1.2. Понятие «библиографический метатекст» к художественному произведению.....	17
1.3. Функциональные возможности библиографических метатекстов.....	23
1.4. Жанровая типология библиографических метатекстов.....	28
Глава 2. МЕТОДЫ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СВЕРТЫВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИИ.....	51
2.1 Библиографическая интерпретация художественного текста.....	51
2.2 Герменевтические приемы свертывания художественной информации.....	55
2.3. Технологический алгоритм создания художественной информации по способу декодирования смыслов художественного текста.....	66
2.4. Формирование умений по свертыванию художественной информации.....	83
2.5 Динамика уровней сформированности умений составления библиографического метатекста.....	96
2.6. Особенности читательского восприятия библиографического метатекста в ценностном аспекте.....	106
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	126
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	130

ВВЕДЕНИЕ

Духовная культура человека складывается под влиянием различных факторов, в том числе и в содержательном пространстве художественных текстов. Произведение искусства слова есть одно из самых сложных явлений мира, что объясняет неоднозначность его понимания. Прочитать художественное произведение, постичь его смысл, получить художественное наслаждение и оценить шедевр – значит стать конгениальным автору шедевра, стать его сотворцом.

Происходящие в настоящее время коммуникативные процессы и духовное воспроизводство объективно нуждаются в продуктах деятельности библиографа, способного к переносу художественной информации в современный социокультурный контекст. Уникальный склад человеческого ума ищет опоры на механизмы рационального интеллектуального поведения. Помочь человеку воспринять, понять и объяснить необходимую информацию призвана библиографическая деятельность. Противоречие между принципиальной неисчерпаемостью художественных произведений и задачей библиографа дать некую завершенную модель современного видения анализируемого текста преодолевается в результате преобразования художественной информации в библиографический метатекст – текст, содержащий свернутое знание о первоисточнике.

Духовные ценности создаются, хранятся и развиваются в лоне культуры. Для того, чтобы перевести познанную и лично оцененную художником действительность в другой ценностный контекст, библиографический метатекст должен создавать возможность диалога между переживаемым сейчас (без этой непосредственной эмоциональности воздействие искусства невозможно) и теми культурными смыслами, которые связаны с основаниями человеческого бытия.

В библиографировании художественных текстов внешние эстетические оценки, приписываемые произведению, эмпирический характер суждений уступают место научно обоснованному, глубинному анализу. Природа художественного феномена требует особого подхода, путь к которому пролегает через выявление ценностей ху-

дожественного произведения, возможностей их переживания человеком в рамках новой исторической эпохи. Принципиально новый, отличный от сложившегося в библиографической практике подход к анализу содержания литературного произведения диктуется современной социокультурной ситуацией, оказывающей серьезное влияние на систему человеческих ценностей. Противоречия, возникшие между мотивом и результатом поступка, препятствуют нравственному развитию личности, оказавшейся под воздействием внеморальных факторов. Реформация общества вызвала пересмотр этических ценностей, учет которых необходим и библиографу, чтобы приблизить ренессанс литературной библиографии.

Текст произведения художественной культуры есть многогранный объект исследования различных наук (философия текста, филология, культурология, семиотика, коммуникативная, когнитивная и структурная лингвистика, структурная и генеративная поэтика, герменевтика, психология, неориторика).

Информационная хаотичность, многогранность, смысловая многозначность и многочисленность вариантов толкований позволяют определить текст произведения как некий «хаосмос» (У. Эко), обладающий удивительной, уникальной и специфической морфологией. В то же время для художественного текста характерна диалектика единого и множественного, поскольку, являясь полифоничным, он все-таки сохраняет единство структуры и выступает одновременно в качестве закрытой и открытой системы.

Базируясь на информационно-семиотическом подходе, стоит полагать, что инноватируемые художниками тексты произведений представляют собой информационно емкие, информационно насыщенные субъекты (или культурные формы, или информационные ресурсы, или информационные объекты) духовных всплесков их создателей, заключающие в себе сильнейшую энергетику и, вместе с тем, смысловую нагрузку.

Это лишний раз подтверждает, что отправной точкой, или так называемой единицей, или элементом морфологического строения текстов произведений является знак. Вслед за Ю.М. Лотманом

мы утверждаем, что художественный текст олицетворяет собой некий «целостный знак», а все иные, «отдельные знаки» общезыкового текста, связаны в нем до уровня элементов знака [175]. Этим объясняется уникальность, сконструированность знака – текста произведения художественной культуры как «особым образом устроенного механизма», который способен заключать в себе высокосконцентрированную информацию.

Все это усложняет социально-коммуникативную функцию текста, которая включает в себя пять процессов: 1) «общение между адресантом – и адресатом» – функция сообщения от носителя информации к аудитории; 2) «общение между аудиторией и культурной традицией» – функция коллективной культурной памяти; 3) «общение читателя с самим собою», когда посредством текста произведения медиатора происходит актуализация конкретных сторон личности адресата; 4) «общение читателя с текстом» – «беседа с книгой» выступает для потребителя информации одним из важнейших и существеннейших актов интеллектуального взаимодействия; 5) «общение между текстом и культурным контекстом», когда текст уже полноправный участник, субъект-источник или получатель информации.

Текст художественного произведения обладает и социальной, или социокультурной, функцией, которая свидетельствует о роли и значении текста для культурогенеза в целом, а также удовлетворения конкретных информационных потребностей определенных социальных страт. Эта функция текста произведения художественной культуры способствует как возникновению множества дискурсов, присущих различным социальным индивидам, так и порождению бесчисленного количества метатекстов.

В целом, как мы полагаем, текст художественного произведения выполняет три основных функции: выработка новой информации; ее передача; хранение информации (функция памяти). Последняя проявляется в отношении художественного текста к предыдущей, например, культурной традиции («память жанра» по определению Бахтина). При этом художественный текст является материа-

лом для интеллектуальных реконструкций, которые соединяют культуру с ее предшествующими этапами развития и восстанавливают возможные разрывы и лакуны в традиции.

Взаимодействие и накопление художественных тестов, их существование в виде переводов и многочисленных интерпретаций в системе различных культур способствуют обогащению мировой художественной культуры. В соответствии с этим «строится» его существование в мире художественной культуры (атмосфере), ноосфере и инфосфере. Согласно одной из функций текста художественного произведения – порождения новых смыслов – в качестве ведущего структурного признака текста выступает его внутренняя неоднородность, при которой он представляет собой «устройство, образование как система разнородных семиотических пространств, в континууме которых циркулирует некоторое исходное сообщение».

При этом текст есть некая пассивная емкость, своего рода носитель извне вложенного в него содержания и, прежде всего, генератор информации, понимания, смыслов и т.д. Сущность этой генерации состоит не только в развертывании, но и самом процессе взаимодействия существующих и возникающих структур. Их сложное взаимодействие в закрытом мире текста является действительным фактором генезиса художественной культуры как информационной, в том числе семиотической системы. Отсюда и сам текст художественного произведения есть целостное, информационно емкое семиотическое пространство, где генерируются, взаимодействуют, интерферируют, а также иерархически самоорганизуются как различного рода языки, так и их структуры.

Структура художественного текста включает в себя художественные образы, состоящие из целого спектра разноопределяемых и разнотрактуемых знаков, а также ряда информационно-смысловых высказываний, являющихся сообщениями. С позиций семиотического подхода мы утверждаем, что собственно художественное произведение есть минимальная единица, знак или, точнее, метазнак художественной культуры как знак наиболее высокой информационной, смысловой и предметной значимости, нежели традиционные знаки, выстраивающие какой-либо образ.

Отсюда и собственно художественная культура, на наш взгляд, есть целостная информационная система со сложной семиотической структурой, находящаяся в гармоничном единстве с ноосферой и инфосферой. Она включает некоторую совокупность метазнаков, т.е. текстов художественных произведений, которые представляют собой целостный информационный мир, или своего рода информационную систему смыслов, знаков, кодов информации, что и становится конкретной ценностью для социума, человечества.

Тексты конечны, наблюдаемы, структурированы, поддаются механическому воспроизведению. Однако им присущ особый дух, сознание, мышление, значение, смысл. Художественный текст занимает особое место, ибо его ценность и делимитация основываются не на строгой логике рассуждений, а на такой речемыслительной деятельности автора, которая несмотря на наличие смыслового ядра воплощается в определенной структуре. Эта структура диктуется мотивами внелингвистического характера или индивидуально-психологического восприятия того или иного сюжета.

Концептуальной основой настоящей работы явились культурологические взгляды на библиографоведение М.Г. Вохрышевой, на библиографию как систему свернутого знания и особую область духовного воспроизводства Ю.С. Зубова, В.А. Фокеева.

Основанием для применения аксиологического подхода в библиографировании художественных текстов стали труды Ю.С. Зубова, Т.Х. Невструевой, С.А. Трубникова, В.А. Фокеева.

Предпосылками исследования явились также идеи, сформулированные в различных отраслях знания. Это философские взгляды на проблему ценностей, представленные в работах С.А. Анисимова, М.М. Бахтина, О.Г. Дробницкого, А.Г. Здравомыслова, М.С. Кагана, Д.А. Леонтьева.

Для отражения процесса понимания художественных текстов послужили труды по герменевтике Х.Г. Гадамера, М. Хайдеггера, Ф. Шлейермахера и современное видение герменевтических идей, представленное в работах А.А. Брудного, В.Г. Кузнецова и др.

Основополагающими для осмысления природы библиографического метатекста явились работы по литературоведению, языкознанию, структурной лингвистике.

При построении технологического алгоритма библиографирования художественной прозы были использованы труды по педагогической технологии. Для исследования читательского восприятия библиографических метатекстов послужили работы по социологии и психологии чтения И.А. Бутенко, М.Б. Набатовой, Л.В. Солоненко, Ю.А. Сорокина, С.Г. Хмельницкой и др.

Практическая значимость введения метатекстовых категорий в процесс свертывания художественной информации определяется тем, что это в них содержатся теоретические положения и выводы, а также методические рекомендации, которые позволяют осмыслить и совершенствовать процесс библиографирования художественных текстов. Результаты исследования могут быть применены в системе высшего книговедческого образования от профессионального самоопределения до саморазвития, самореализации креативного потенциала будущего специалиста.

Введение понятия "библиографический метатекст" в теорию и практику библиографирования художественных текстов способствует выявлению новых возможностей интерпретации первоисточника, отвечает потребностям современной социокультурной ситуации в объективной информации и свободе читательского выбора. Технологический алгоритм создания библиографического метатекста по способу декодирования смыслов художественного произведения позволяет совершенствовать методику библиографирования. Анализ изучения процесса создания библиографического метатекста студентами в аспекте выявления затруднений даёт возможность коррекции в рекомендательном библиографировании художественной литературы.

ГЛАВА 1. СПЕЦИФИКА БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СВЕРТЫВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИИ

1.1 Эволюция форм библиографического свертывания художественной информации

В отечественном книговедении и библиографоведении представляется возможным выделить несколько этапов в становлении теории и методики библиографирования художественной литературы, т.е. свертывания художественной информации.

В конце 20-х и начале 30-х годов наметились новые тенденции в рекомендательно-библиографическом аннотировании художественной литературы. Итогом определенного этапа в этой области стала книга А.Г.Фомина “Аннотации. Теория и практика их составления” [Л., 1929]. Говоря о принципиальном различии аннотации и литературной рецензии, автор подчеркивает, что аннотация должна дать предварительное представление о книге, в то время как основная цель рецензии – отзыв, критический разбор и оценка художественного произведения. Упоминая о раскрытии главной мысли, основной идеи произведения, автор рекомендовал рассматривать идею лишь в том случае, если она высказана вполне определенно, как это бывает в явно тенденциозных произведениях.

Вопросам аннотирования была посвящена значительная часть книги Е.И. Шамурина «Методика библиографической работы» [М., 1933]. Автор относил аннотации на художественные произведения, как правило, к описательным аннотациям, считая, что в них следует обращать внимание на жанр, литературную историю произведения, раскрывать его тематику, при этом он отвергал стремление к передаче сюжета или фабулы. В своем труде ученый не касался раскрытия идейно-тематической основы произведения, поэтому его исследование не нашло применения при аннотировании художественной литературы.

Именно с середины 20-х годов закладываются теоретико-методологические основы свертывания информации посредством

аннотаций и рефератов. Своеобразным итогом методических решений в этой области в 30-е годы явилась статья Е.И.Рыскина “Аннотирование художественной литературы” – первая работа, специально посвященная данной проблеме. Заслугой Е.И.Рыскина является то, что он ввел дифференцированный подход к аннотированию художественной литературы, определил существенные черты, объединяющие аннотирование и художественное произведение с позиции литературоведения. “Главное для аннотации, – утверждал он, – раскрыть идею художественного произведения, что неизбежно перерастает в оценку книги. Специфическим для аннотации является обслуживание момента выбора читателем художественного произведения. При ее помощи он “опознает” произведение как художественную индивидуальность” [252,с.28]. Таким образом аннотирование должно опираться на литературную критику. Идея в художественном произведении выражается иначе, чем в научном труде, поэтому и аннотация, раскрывающая воплощенную в художественных образах идею, должна быть специфичной, отличной от аннотации к научному произведению. На этих двух выводах – о связи аннотации с критикой и о специфике аннотирования художественной литературы, по мнению автора, должна строиться вся методика аннотирования художественной литературы в рекомендательных указателях. К главным элементам аннотации Е.И.Рыскин относит сюжет и образы, так как посредством их, конечно, легче осуществить конкретизацию содержания, чем, допустим, при композиции. Небезынтересны суждения исследователя и тогда, когда выбор варианта аннотации он ставит в зависимость от характера аннотируемой книги и литературной подготовки читателя.

В основе статьи Д.А.Волошина “О рекомендательной аннотации” [97,с.49] лежал аксиологический аспект. Автор утверждал, что рекомендательная аннотация прежде всего должна быть оценочной, поскольку только в этом случае способна показать, чем может быть полезна читателю аннотируемая книга. Д.А.Волошин подчеркивал, что аннотатор должен развернуть оценку в процессе характеристики книги, наглядно и убедительно изложить ее, дать анализ содержания.

В 40 – 50 годы в связи с появлением в практике библиографирования разнообразных форм раскрытия содержания художественного произведения С.А.Трубников вводит термин “рекомендательная характеристика”. Автором отражены новые моменты, которые появились в практике библиографии, ее теории и методике во второй половине 50-х годов, в частности, стремление выйти за рамки традиционных форм рекомендательной характеристики художественных произведений.

Ученый отмечал, что одна из важнейших задач рекомендательной литературной библиографии – снятие ограниченности краткой аннотации (типа аннотации на печатной аннотированной карточке) для активной рекомендации литературно-художественных произведений, отказ от шаблонных, опровергаемых практикой представлений о характеристике литературно-художественных произведений, которая сводится к краткому, в несколько строчек, обозначению их идейно-тематической основы.

Глубже своих предшественников С.А.Трубников анализирует проблему учета специфики содержания литературы и интереса к ней читателей, вопросы конкретной методики характеристики образов персонажей, особенности раскрытия сюжета произведения, важнейшие черты рекомендательной характеристики произведений различных жанров. Говоря о соответствии рекомендательной характеристики специфике художественного произведения, автор показывает, что она проявляется в трех тесно связанных между собой аспектах: в специфике содержания художественной литературы, в специфике ее формы и в своеобразии её эстетического восприятия читателями. Соответствие специфике содержания и формы художественной литературы – основное методическое требование к рекомендательной характеристике художественных произведений. Развернутые аннотации, беседы о книгах, устные обзоры – наиболее благоприятные формы для такой характеристики. Ученый отмечал необходимость учета в рекомендательной характеристике тех или других сторон художественной формы произведений. Конкретные замечания о художественной форме, об особенностях мастерства писателя,

считает он, во-первых, должны даваться в тесной связи с характеристикой темы и идеи произведения, его основных образов, сюжета, конфликта, во-вторых, касаться таких сторон, которые читатель может представить по аналогии с другими произведениями, в-третьих, подкрепляться художественным материалом произведения, в-четвертых, преследовать цель – помочь читателю глубже разобраться в содержании произведения, направить его внимание на эстетическую содержательность художественной формы произведения. К особенностям художественной формы, о которых следует говорить в рекомендательной библиографической характеристике, С.А. Трубников относит также жанровые особенности произведения, своеобразие метода типизации, характер обрисовки социально-психологического облика персонажей, своеобразие конфликта, особенности сюжета, композиции и языка.

Останавливается автор и на соотношении между рекомендательной характеристикой и спецификой эстетического восприятия художественной литературы. Рекомендательная библиографическая характеристика не должна мешать непосредственности идейно-эстетического восприятия художественного произведения, снижать интерес к разворачиванию событий, описываемых в нем, поэтому недопустим пересказ фабулы или сюжета произведения. Если первые проблемы в той или иной мере, пусть не так развернуто, освещались предшественниками С.А. Трубникова, то последняя была затронута только в его исследованиях. Новое состояло в рассмотрении соотношения ценностного, как ведущего, с другими элементами аннотации.

Многоаспектное рассмотрение библиографической характеристики художественного произведения было продолжено и развито в 70 – 80 годы в работах Н.И.Гусевой и А.П.Куликовой, в которых наряду с теоретическими положениями содержится материал экспериментов, дающий возможность судить об особенностях читательского восприятия библиографических характеристик различного типа. По мнению авторов формирование представления о художественном произведении и принятие решения о его чтении – два свое-

образных, неразрывно связанных процесса, и представление о книге, сформированное с помощью рекомендательной библиографической характеристики, является предпосылкой выбора.

В работах А.П.Куликовой особое внимание уделяется методике проблемного аннотирования. Она исходила из следующих положений. В практике рекомендательного библиографирования, в частности в библиографической характеристике (аннотации, обзоре, беседе о книгах), еще встречается много случаев описательности, поверхностного пересказа содержания, кратких характеристик. Читательский интерес к книге при этом может не возникнуть или не закрепиться; читатель не вводится в активную поисковую и познавательную деятельность. Расширение методического арсенала рекомендательного библиографирования возможно на основе использования достижений современной педагогики, дидактики, например, методики проблемного обучения. Кроме того, эффективен метод создания проблемной ситуации в библиографической характеристике документа. Характеристика книги в рекомендательном указателе может быть не описательной, а проблемной, возбуждающей мысль читателя и желание получить ответ на заинтересовавшую проблему из книги. В отличие от процесса обучения проблемная ситуация в аннотации создается, но не разрешается. Ее задача – активизировать читательский интерес, сформировать потребности, мотивы чтения, установку на проблемное восприятие произведения, что способствует лучшему усвоению и запоминанию. Проблемная ситуация в характеристике книги создается методом постановки вопроса, направленного на показ драмы идей, столкновений характеров героев, различных точек зрения на достоинства и недостатки произведения.

Рассматривая проблемы соответствия рекомендательной характеристики художественного произведения психологическим особенностям интереса, Н.И.Гусева утверждает, что на основную информацию о книге должна накладываться дополнительная информация об отношении к ней рекомендующего, ставит вопрос об оптимальном соотношении познавательного и экспрессивного моментов в библиографической характеристике, рассматривает влияние

отдельных элементов аннотации на интерес читателя по отношению к художественному произведению [99,с.87].

Существенные особенности представления о книге подметил Ю.М. Тугов (по его терминологии “образ” произведения печати). Под этим он понимает “элементы знания”, отраженные в сознании читателя и “несущие содержательную информацию”. В них воспроизводятся свойства и отношения самого произведения печати, а не состояния читателя. По мнению Ю.М. Тугова образы произведений печати выполняют двоякую функцию. “Во-первых, с помощью образов читатель открывает произведения печати до их чтения, что позволяет ему ориентироваться в их свойствах и отношениях. Во-вторых, произведения печати в виде их образов предстают как условия действия с ними, а не как непосредственный источник информации. Читатель получает возможности выбора, активного и целенаправленного управления своим чтением” [253,с.32]. Тем самым он увязал характеристику книги не только с объектом – книгой, но и с читателем, процессом его восприятия книги и управлением его чтением.

Тенденцией современного библиографирования художественных текстов является разработка новых жанров: популярных библиографических энциклопедий, антологий, хрестоматий, библиографических очерков, эссе и т.д. При этом их составители используют различные элементы критики, литературоведения, информатики и собственно библиографии.

Так С.П. Бавин в своей монографии “Популярная библиография и информационная культура личности” ставит вопрос о наличии в современных библиографических изданиях избыточной, т.е. формально превышающей объем вторично-документальной информации, необходимой для идентификации документа. Существуют мнения, что подобная избыточность чревата утратой библиографической специфики, растворением популярной библиографии в популярном литературоведении. Однако автор предпочитает говорить не об избыточности, а о самодостаточности информации как об одном из принципов, оказывающем существенное влияние на динамику ее функционального содержания [22,с. 92].

Следует отметить, что Ю.М.Лауфер, утверждая, что “для литературно-библиографической информации, в том числе и рекомендательной, не характерна в качестве определяющей ориентация на элементы, которые имеют непосредственное образовательное, воспитательное, эстетическое значение” и что “основополагающее ее качество – вторичность, а все первичное, непосредственно познавательное и образовательное, обусловлено вторичностью”, не мог не признать, что “общий прогресс” в этой области привел в конце 1980-х гг. к тому, что начала формироваться “новая литературная библиография – библиография, содержащая в себе различные аспекты критики и литературоведения”, в которой “сливается в нерасторжимое единство библиография, информатика, литературоведение” [155, с.44].

Предшествующие нашему термину аналоги несли в себе различные функции: рекомендовать книгу, дать характеристику художественному произведению, дать вторичную информацию. Не отрицая заложенных в данной терминологии интенций и не отменяя их, тем не менее можно утверждать об определенном обогащении представлений о способах раскрытия смыслов художественного произведения, которое дает введение понятия “метатекст”, включенного в структуру исходного, ключевого понятия “текст”.

Текст – и в этом одно из его принципиальных семантических отличий от языковых единиц – наиболее подвижная в смысловом отношении область, отличающаяся ярко выраженной спецификой. Целостность текста как знака зависит не только от тематической связности его частей, но и в значительной степени от его коммуникативной целеустановки, которая может по-разному проявляться в смысловой взаимосвязанности фрагментов текста. Такой установкой является библиографический метатекст. Коммуникативная природа библиографического метатекста сказывается в его динамической организации (как в содержании, так и в форме). В направленности передачи сообщения от одного субъекта к другому свертывание текста не должно проходить по правилам, свойственным чисто грамматическим единицам. Если для высказывания граница задана струк-

турной завершенностью (субъектно-предикативные отношения), то для библиографического метатекста заданность границ перемещается из сферы структурной в сферу коммуникативной протяженности, дискретная организация которой устанавливается смысловым заданием в некоторой информационной цепи. Интенция построения библиографического метатекста распространяется не на задачу формирования отдельных высказываний, а на передачу цельного смысла. Именно цельность и глобальность смысла, определяющая выбор тех или иных конкретных высказываний, и скрепляет всю совокупность высказываний в некоторую единицу, цельность которой должна обеспечивать как завершенность, информативность, так и неоднозначность восприятия.

1.2 Понятие “библиографический метатекст” к художественному произведению

Литературная библиография, решая на современном этапе проблему проникновения в содержательную природу художественных текстов, обращается к новым понятиям и определениям. Для теории и практики современного библиографирования важно исследование закономерностей развертывания и свертывания текста как внелингвистической категории.

Феномен свертывания текста в наибольшей степени отвечает библиографическим потребностям в сжатой, лаконичной информации. Целостность и членимость текста, как две полярные категории, в равной степени составляют сущность текста. Ориентация на текстовые категории позволяет интегрировать их со специфическими задачами библиографического анализа, при этом становится естественным учет той необходимой связи, которая существует между текстом и его библиографическим отражением. При определении понятия «текст» ученые исходят из признаков, присущих всем текстам. Текст – «это источник информации, который характеризуется смысловой и структурной завершенностью и определенным отношением автора к сообщаемому» [174,с.10].

Текст является объектом гуманитарного знания, в том числе и библиографического. Так, по справедливому замечанию В.А. Фокеева, " ... библиографическое познание текста осложнено тем обстоятельством, к сожалению, плохо осознаваемым, что это сложное устройство, хранящее многообразные коды, способные трансформировать полученные сообщения и порождать новые; информационный генератор, обладающий чертами интеллектуальной личности. Именно поэтому, очевидно, содержательный анализ текстов – самая слабая сторона библиографии" [261,с.96].

Библиограф, работающий с художественным текстом, привлекает знания по теории текста, необходимые для толкования литературного творения, через которые просвечивает картина мира и находит отражение культурный контекст, вне которого невозможно истинное понимание текста. Очень часто идеологическая заданность и жесткая социальная детерминированность мешали библиографам объективно отразить своеобразное, исторически обусловленное содержание и неповторимость творческого выражения автора. Это связано с отсутствием живой диалогической связи интерпретатора с произведением, так как художественный текст очень сложное соединение избранной темы и сознательного выбора средств образного воздействия на читателя. Реализации оценочной функции на основе выработанных критериев служит метод рекомендательной библиографической характеристики. Сущность метода заключается прежде всего в отборе документов с точки зрения их полезности для определенных категорий потребителей, дифференцированном подходе к интересам пользователей информации. Рекомендательная характеристика может существовать в рамках рекомендательно-библиографических пособий, самостоятельно – в виде аннотаций, обзоров, рецензий и т.д. Она также может выступать как особая форма рекомендательно-библиографического пособия и служить отдельным видом библиографической работы и т.д. Не отрицая достоинств рекомендательной характеристики, мы предлагаем иной подход для адекватного истолкования первоисточника на основе теории текста, чему способствует обращение к новому текстовому

образованию – метатексту. Понятие метатекста с достаточной определенностью и научной обоснованностью используется в структурной лингвистике, информатике, психолингвистике, филологии, герменевтике, текстологии и других науках. Данное понятие с полным правом может быть применено и в библиографии, рассматривающей структуру, смысловое, синтаксическое и стилистическое своеобразие текстов. В последние десятилетия метатекст является объектом пристального внимания разных гуманитарных наук. В лингвистической литературе метатекст определяется по-разному, что свидетельствует о явной актуальности предмета исследования.

Для решения проблем понимания художественного текста мы обратились к определению, которое, на наш взгляд, наиболее соответствует специфике библиографического свертывания: «метатекст – это текст о тексте, смоделированный по образцу объекта (текста первоисточника) и выявляющий его семантическую, структурную, системную и стилистическую сущность». Понятие метатекста является производным и соотносится с понятиями: метакритика, металингвистика, метаязык, метаречь и другими. Универсальность данных понятий и четкость сущностных характеристик позволяют экстраполировать их в другие области гуманитарного знания, составляющей которого является и библиографическое знание. Метатекст возникает как извлечение семантического корня, перенос признаков текста, составляющих его смысловое ядро. Создание метатекста возможно благодаря знанию закономерностей свертывания текста и осуществляется как познавательно-речевая деятельность. По мере накопления знаний о тексте уточняется и содержание понятия "метатекст" – от характеристики первичных, лежащих на поверхности признаков, до определения сущностных свойств первоисточника, заложенных в нем как в структурно организованной системе. По мнению Ю.М.Лотмана "литература не представляет собой аморфно-однородной суммы текстов: она не только организация, но самоорганизующийся организм. На самой высокой ступени организации она выделяет группу текстов более абстрактного уровня, чем вся остальная группа текстов, то есть метатекстов" [175,с.775].

При этом он считал, что к метатекстам относятся нормы, правила, теоретические трактаты и критические статьи, которые возвращают литературу в нее самое, но в организованном, построенном и оцененном виде. Эти задачи- оценки, хотя и с другими целями, ставятся и в процессе библиографирования художественных произведений. Метатекст в аспекте библиографической прагматики рассматривается как явление социолингвистического, психологического, коммуникативного, риторического характера. Его задача состоит в том, чтобы обозначить целевое назначение, помочь толкователю правильно понять, воспринять объект (художественный текст), каким-либо образом отнестись к нему. В таком понимании метатекст – вторичный текст с вербализованным прагматическим содержанием.

Назрела необходимость наполнить собственно библиографическим содержанием понятие "метатекст", выявив его специфические функциональные возможности. Для осмысления методологических и технологических проблем раскрытия смыслов художественного текста как средства формирования ценностного отношения к произведению необходимо, на наш взгляд, введение понятия библиографического метатекста. Введение нового понятия вызвано тем, что часто толкователи художественных текстов стремились привнести в созданную ими интерпретацию субъективные суждения извне, исходя из логики здравого смысла или каких-либо конъюнктурных соображений. Литературовед, библиограф, критик являются носителями определенного жизненного опыта, ценностных представлений, способов категоризации действительности, в свете которых они объективируют произведение. По сути своей деятельности критик всегда высказывает некое утверждение о произведении, и это имеет решающее значение. Тем самым он устанавливает между субъектом и объектом критического дискурса смысловую дистанцию. При этом какими бы извилистыми ни были пути литературной теории, в ней всегда признается, что художник говорит о вещах и явлениях мира, существующих и вымышленных. У библиографии совсем другой "мир" – это слово о слове, которое может быть выражено в рамках библиографического метатекста и на метаязыке, который накладывает

вается на язык первичный (язык-объект). Задача составителя библиографического метатекста – выработать такой язык, который в силу своей связности, логичности, систематичности мог вобрать в себя язык и стиль первоисточника, то есть адекватно отразить его.

Словосочетание «библиографический метатекст» объединяет два весьма простых по семантике и распространенных в научной практике слова. Понятие «библиографический» отражает специфику термина. Категория « текст» является базисной для нашего определения, так как метатекст генетически связан с текстом, несет в себе его сущностные характеристики. «Мета» – обозначает "описание какого-либо объекта, высшего по отношению к предложенному описанию, т.е. описание описания" [223,с.111]. Создаваемый по внутренним законам текста, метатекст является результатом сотворчества – диалога творца художественного произведения и профессионала-аналитика. Внелингвистический, коммуникативный характер этого взаимодействия присущ такому сотворчеству, которое не может быть отстраненной внешней характеристикой вербального материала и особенно художественных достоинств произведения. Тенденцией литературной библиографии последних десятилетий является то, что она направлена не на рекомендацию отдельных произведений, а на информацию достаточно обширного массива и предложение свободного выбора книг для чтения, предварительно интерпретированного специалистами-библиографами. Поэтому термин “рекомендательная характеристика” стал недостаточно адекватным для библиографирования первоисточника. Выявление смысла и раскрытие кодов художественной информации – сложный психологический процесс, включающий наряду с сознательными интуитивные компоненты и тесно связанный со степенью сформированности специализированных познавательных структур личности. Уровень изученности законов развития текста и обратного ему процесса свертывания позволяет внести в сферу библиографии понятие метатекста, что открывает широкие возможности для развития и совершенствования процессов библиографирования.

Исходя из вышесказанного, мы можем определить библиографический метатекст как **текст, смоделированный по образцу объекта библиографирования и интерпретирующий смыслы первоисточника, необходимые для читательского восприятия и понимания.** Таким образом, библиографический метатекст представляет собой познавательно-речевое единство с художественным текстом, сохраняющее и несущее в себе его смысловые признаки. Это единство объективировано генетической связью с анализируемым текстом. В литературной рекомендательной библиографии к метатекстам следует отнести следующие формы раскрытия смыслов художественного текста: аннотацию, библиографический очерк, обзор, беседы о книгах, библиографическое эссе и т.д.

В соотношении “смысл – текст” смысл – это понятие, описывающее глобальное содержание высказывания, не сводимое к значению составляющих его частей и элементов, но само определяющее его значения. Так, например, М.М.Бахтин считал, что “целое высказывание – это уже не единица языка, а единица общения, имеющего не значение, а смысл (имеющий отношение к ценности – к истине, красоте и требующий ответного понимания, включающего в себя оценку)” [33,с.86]. Это утверждение может быть отнесено к смыслам библиографического метатекста, который должен содержать в себе не отстраненную оценку, а именно усвоение смыслов.

Объективное отношение к чужому смыслу невозможно – возможно лишь его диалогическое отрицание или, напротив, принятие. Создание библиографического метатекста должно исходить из самой природы прочтения произведения искусства слова, ибо в акте чтения субъект должен в определенном смысле отрешиться от самого себя. “Читать – значит желать произведение, желать превращаться в него, это значит отказаться от всякой попытки продублировать произведение на любом другом языке помимо языка самого произведения: единственная, навеки данная форма комментария, на которую способен читатель как толкователь, – это подражание” [29,с.18].

1.3 Функциональные возможности библиографических метатекстов

Появлению данного понятия предшествовала длительная эволюция, в качестве аналогов в рекомендательной литературной библиографии выступали: аннотация, рекомендательная характеристика, вторичная информация.

В процессе создания библиографического метатекста между ним и литературным произведением возникают диалогические взаимоотношения, т.е. функционально между текстом и метатекстом образуются прямые и обратные связи, которые можно определить как представительную функцию, замещающую функцию, функцию концентрации смысла.

Представительная функция определяется востребованностью метатекста «третьим», читателем, значимостью добытого смысла для реципиента. Декодирование смыслов первоисточника осуществляется по правилам воспроизводства – отражения. Такое воспроизводство отвечает структуре научного познания, которое включает в себя восприятие, осмысление, понимание, раскрытие представленных смыслов, выбор произведения. От того, как представлено произведение, будет зависеть принятие или непринятие первоисточника реципиентом.

Замещающая функция не должна пониматься упрощенно как замена самого произведения метатекстом – эта функция выявляется в процессе замещения иными знаками и символами ведущих смыслов произведения, в возможности кодирования и декодирования художественной информации, в тождестве с этими замещающими толкованиями. Деятельность по библиографированию художественных произведений состоит в том, чтобы был установлен момент совпадения в движении от замысла автора к естественному опосредованному осмыслению в свернутом словесном выражении. Смыслы текста-первоисточника не поглощаются библиографическим метатекстом, так как в постоянном движении осмысления и истолкования они порождают символ – полноправный представитель авторского текста, не подменяющий, но представляющий творца в диалогической ситуации принятия или отрицания.

Функция концентрации смысла отвечает потребности читателя в движении мысли от самого общего представления о художественной ценности произведения к конкретике значений, слов, образов, мыслей, составляющих его содержание. В сжатой, концентрированной форме смысла кроется загадка поступка, духовных поисков автора и его героев. Здесь заложен момент интуитивного постижения скрытых в подтексте произведения движений духа, различных форм его существования. Смыслы восходят к общечеловеческим ценностям. Они обращены к психологическому мышледействию читателя, к сформировавшимся моделям поведения и личностным новообразованиям. Среда распространения художественного текста – это анонимное смысловое пространство, в котором смысловые волны создают интерференционные картины – конкретные осмысления (каждое из которых имеет шанс стать новым текстом, породить новую смысловую волну). Взятая во временном аспекте, эта смысловая среда и будет служить ядром библиографического метатекста.

Важным для нашего исследования является определение системы и средств библиографических метатекстов, формирующих ценностное отношение к художественному произведению. Природа ценностей трактуется различным образом. Ценности рассматриваются либо как внесоциальные феномены, не зависящие от человека предметные мифы, либо как «порождение чувств субъектов» (В.Вундт). Выявление специфических особенностей художественной ценности основывается на общефилософском понимании ценностей. В современной литературе выработаны различные подходы к определению понятия ценности. Весьма часто ценность отождествляется с благом, нередко – с интересом. В теории и методике чтения художественной литературы нет работ, в которых проблема художественной ценности была бы предметом специального анализа, хотя понятие широко используется в соответствующих публикациях. Использование в качестве критерия оценки литературных явлений в рекомендательной литературной библиографии категории ценностей является заслугой С.А. Трубникова. В своей статье “Про-

блемы рекомендательной библиографии в свете марксистско-ленинского учения о ценности” он утверждал, что “оценка произведения должна учитывать такие аспекты аксиологического анализа книг, как важность темы, характер ее разработки, степень новизны научной и эстетической информации, оригинальность, соответствие книги уровню подготовки и запросам читателя, воздействие на выбор” [252, с. 21]. С.А. Трубников решительно настаивал на самостоятельности библиографа в оценке книг в рекомендательных пособиях, убедительном и аргументированном выявлении их ценности, непосредственном образовательно-воспитательном значении этих оценок.

К проблеме литературной библиографии как средству ценностной ориентации обращалась М.И. Давыдова, которая отмечала: “...Ориентация в мире художественной литературы, предлагаемая библиографами, является ценностной ориентацией, поскольку каждое рекомендуемое литературное явление обладает большей или меньшей эстетической ценностью, и библиограф призван убедить в этом читателя” [104, с. 76].

На наш взгляд, средством ценностной ориентации может служить рекомендательная библиография, совершенствующая жанрово-стилистическую структуру библиографического метатекста.

Поскольку отношение к произведению искусства слова как к ценности всегда сопряжено с интересом, с потребностями субъекта, отделяясь от насущных интересов и потребностей субъекта, художественное произведение перестает быть объектом ориентации и теряет для человека аксиологический характер. Субъективное избирательное право реципиента проявляется в ценностном отношении, которое, в частности в библиографоведении, В.А. Фокеев рассматривает как “специфический способ освоения людьми мира текстов” [263, с. 42].

В качестве такого способа выступает библиографический метатекст. Специфическая система связи реципиента и библиографического метатекста, которая складывается в эстетической ситуации, требует, чтобы духовная культура субъекта соответствовала

характеру объекта – носителя эстетической ценности. Отвечая этому требованию, эстетическое восприятие становится особого рода переживанием. Всякая эстетическая оценка есть более или менее четко осознаваемое и более или менее точно формулируемое выражение чувства, испытанного человеком при восприятии некоего предмета. В эстетическом отношении реципиента к художественному произведению именно непосредственное переживание, характер и сила испытанного чувства становятся единственно необходимым и достаточным основанием ценностного отношения. Не рассудок, не логический анализ, не обращение к авторитетам, а голос собственного чувства диктует воспринимающему оценку: “восхитительно”, “волнующе”, “красиво” или “уродливо”, “отталкивающе”, “дисгармонично”. И кто бы ни стал оспаривать суждение реципиента, он останется при своем мнении, потому что оно выражает его собственное переживание. Поэтому нельзя логически доказать несостоятельность непосредственного эмоционального восприятия библиографического метатекста – такое восприятие можно отвергнуть, но нельзя опровергнуть.

Ценность и ценностная оценка (“отнесение к ценности”, ибо “оценка” может иметь и иной, чисто познавательный характер) являются двумя полюсами субъектно-объектного отношения. На одном полюсе находится объект (библиографический метатекст), а на другом – отношение субъекта к данному объекту (отношение осмысления). Поэтому эстетической ценностью библиографического метатекста является не объект в его “в – себе и для – себя – бытии”, а “субъективированный объект”, и потому ценностная оценка есть акт выявления этой субъективации. История ценностного сознания существенно отличается от истории познавательной деятельности: ее развитие кумулятивно, а развитие ценностного сознания протекает в противоборстве ценностных позиций разных субъектов (библиографов, реципиентов) и современных друг другу, и друг друга сменяющих, что приводит к постоянной переоценке ценностей. Именно этим обстоятельством объясняется особая специфика библиографических метатекстов к художественному произведению.

Действенная сила библиографического метатекста опирается на другой психологический инструмент эстетической культуры – на эстетическую установку. Теоретическая ценность понятия “установка” состоит в том, что оно помогает высветить и точно обозначить переход от эстетически ценностного сознания к действию, к выбору. Понятие эстетической установки с полным правом может быть отнесено и к библиографическому метатексту, особенно к аннотациям и обзорам. Эвристическая ценность метатекста как установки состоит в том, что он является первоначально бессознательным стимулом и ориентиром, которые складываются у реципиента в процессе “опознавания” произведения. Здесь мы согласны с мнением М.Г. Вохрышевой, которая, в частности, считает, что “...аксиологический момент библиографического пособия может быть выражен явно или в скрытом виде, но в любом случае он устанавливает контакт с потребителем, служит возникновению программы будущей деятельности” [68, с. 24]. Заметим, что эстетическая установка не может быть единственной и верной. В недрах читательского сознания она осмысливается и корректируется, становясь отрефлексированной, сознательной установкой на ценностно значимое, эстетически насыщенное действие.

Итак, в современной социокультурной ситуации библиографический метатекст сможет, на наш взгляд, оказать влияние на формирование культуры восприятия художественных текстов в системе “текст – библиографический метатекст – читатель”.

К созданию библиографического метатекста и правомерности его функционирования ведет потребность интерактивного познания, учитывающего современные информационные потребности.

Поскольку тексты являются первичной данностью гуманитарных наук, библиографический метатекст гармонично согласуется с достижениями в области различных отраслей знания и духовным потенциалом общества. Накопленные знания и современные технологии создают возможности научной интерпретации художественных текстов с учетом их эмоциональной, экспрессивной природы.

Выделив сущностные характеристики библиографического метатекста, постараемся раскрыть генетическую связь метатекста с первоисточником, проследить процесс свертывания художественной информации в библиографических целях. Исследуя жанрово-стилистические особенности библиографического метатекста, обратимся к смысловой, функциональной направленности и вариативности библиографического метатекста. Следуя законам художественной логики, проследим движение авторской мысли в тематическом, проблемном, идейном, образно-выразительном плане, отражающем содержание художественного произведения.

1.4. Жанровая типология библиографических метатекстов

Основным жанром библиографического метатекста является традиционная аннотация. Прежде чем вступить в диалог с книгой, реципиент знакомится с аннотацией. Обратимся к особенностям аннотационного текста, исходя из специфики библиографического метатекста. Являясь новым текстовым образованием, аннотация, в свою очередь, строится по законам текста, имеет смысловую законченность, структурное оформление, соотнесенную с первичным текстом лексику и т.д. Аннотация выполняет задачи экстралингвистического характера и рассматривается в содержательно-информационном плане с ориентацией на живое эмоционально-эстетическое восприятие реципиента.

Ценностные ориентиры, идеалы, нормы жизни, почерпнутые читателем в мире художественной литературы, могут носить как созидательный, так и разрушительный характер. Каждый читает, понимает и оценивает книгу по-своему. Аннотация стремится соединить в себе логику и эмоцию, понятие и образ, ценностную ориентацию и приглашение к читательскому наслаждению.

ГОСТ 7.9-95 "Реферат и аннотация" дает следующее определение аннотации на произведение художественной литературы: "Аннотация – краткая характеристика документа с точки зрения его

назначения, содержания, вида, формы и других особенностей. В аннотации должны быть указаны сведения о литературном жанре, период, к которому относится творчество автора, место и время действия описываемых событий".

Каждый элемент аннотации: сведения об авторе, жанре произведения, времени написания и происходящих событий; проблемно-тематическое содержание; презентация главных героев; цитирование несут в себе оценочную функцию, формируют вкусовые предпочтения, взгляды, интересы читателей. Исходя из специфики библиографического метатекста, мы определяем аннотацию как библиографический метатекст, представляющий собой краткую словесную формулу, которая организует и предвосхищает процесс восприятия первоисточника.

Начиная с периода развития рекомендательного библиографирования, все авторы писали о необходимости отражения сведений, дающих представление о создателе произведения. Ряд авторов (Я.Е.Киперман, Е.И.Рыскин) выделение автора как элемента характеристики художественного произведения обосновывали необходимостью обеспечить момент выбора книги. На проблему формирования интереса к творчеству писателя особое внимание обратил в библиографоведении С.А.Трубников, чья позиция в этом вопросе наиболее последовательна. Он, в частности, отмечал: "Мы позволим утверждать на основании имеющегося опыта, что углубление интереса к писателю это наиболее типичный и во многом незаменимый путь расширения интереса к литературе вообще, средство совершенствования литературно-художественного вкуса" [252,с.25].

Переход к историко-художественному уровню познания явлений и процессов художественной культуры Ю.С.Зубов связывает с выделением группы произведений одного автора. По его мнению "индивид начинает отличать авторскую индивидуальность и, помимо самих произведений, проявляет живой интерес к личности их творца" [120,с.37]. Увидеть и понять автора произведения – значит увидеть и понять другое, чужое сознание и его мир, то есть другой субъект.

Сведения об авторе являются существенным элементом аннотационного текста, но не всегда обязательным. По мнению М.И.Давыдовой, "... сведения об авторе уместны тогда, когда он является участником или свидетелем событий, известен другими произведениями, занимает определенное место в истории национальной литературы" [103,с.82]. Однако сведения об авторе не менее интересны тогда, когда его имя мало известно читающей публике. Так, в современной социокультурной ситуации читательский интерес связан с "возвращенной литературой". При анализе ежегодника "Литература и искусство" можно проследить тенденцию к увеличению объема сведений о мало известных авторах, особенно писателях русского зарубежья. Так, в аннотации на роман В.Рыбакова "Тень топора" даны следующие сведения об авторе: *"Писатель Владимир Рыбаков (Щетинский) родился в 1947 г., во Франции. Будучи коммунистами, родители Володи в 1956 г. переехали в Советский Союз, где он окончил школу, сочинил свои первые рассказы. В 1966 г. после исключения из Черновицкого университета "за плохое поведение и критические высказывания" был призван в Советскую Армию, демобилизовавшись, продолжал писать без надежды увидеть свои произведения напечатанными. В 1972 г. эмигрировал; в настоящее время живет в ФРГ"*. Приведенный пример построен по принципу жизнеописания и, несмотря на большой объем данного элемента, библиографический метатекст не дает представлений о творческой судьбе художника.

Обратившись к библиографическому справочнику «Литература и искусство», в аннотационном тексте на повесть А. Гостевой "Дочь самурая" мы не нашли вообще никаких сведений о данном авторе. Однако данная аннотация почти полностью состоит из цитаты, отражающей, по мнению ее автора, сознание героини, москвички, студентки МГУ: *" Мы зарабатываем деньги, кропаем дипломы, диссертации, собираемся поехать в Тибет, в Мексику, на Валаам, уйти в монастырь, ждем звонков, рефлекслируем, рассуждаем о смысле и предназначении, ищем новые джинсы, не находим времени встретиться, садимся на диету, выстраиваем социальную ситуа-*

цию, суеتمدся, участвуем в конгрессах, ищем шторы под цвет глаз, читаем умные книжки, курум марихуану, боремся за место под солнцем, учим санскрит, обеспокоены состоянием здоровья президента, жаждем признания, занимаемся у-шу... не высыпаемся, сходим с ума, смотрим боевики, экономим, удаляем аппендицит и гланды, коллекционируем нэцке, плетем интриги, исповедуемся перед Пасхой, рождаем детей и не понимаем, что в жизни бывают, может быть, одна-две настоящие встречи" [164,с.83]. Приведенные выше примеры говорят о нарушении специфики жанра и несоответствии принятым стандартам. Развернутую биографическую справку, а также широко представленное цитирование уместнее, по нашему мнению, использовать в более объемных библиографических метатекстах (очерках, обзорах).

Всегда существует определенный читатель, который впервые читает то или иное классическое произведение, однако составители современных библиографических пособий стараются не аннотировать классику.

"Признаться, неловко давать на известные произведения пространные аннотации. Ну что уж мы с умным видом будем толковать о "Двенадцати стульях": "Два авантюриста в поисках драгоценностей отправляются из южного города в Москву"... Заметим лишь, что книга по праву вышла в серии "Литературная летопись Москвы": И.Ильф, Е.Петров "Двенадцать стульев. Золотой теленок". Такая аннотация помещена в библиографической энциклопедии В.М.Мешкова "Москва вековечная". Позволим себе не согласиться с авторами энциклопедии, так как очень много молодых читателей, у которых еще не произошло текстуального знакомства с произведением И.Ильфа и Е.Петрова. И задача именно библиографов – пробудить интерес к нему.

Уникальная возможность господства над реальным временем и пространством в искусстве фиксируется понятием "художественное пространство – время". Выделение пространственно-временного континуума в отдельный элемент библиографического метатекста вызвано самой структурой художественного произведения, которое

первично и всецело пронизывают временная и пространственная стихии.

Частных проблем исследования художественного времени множество (философско-эстетические, структурно-функциональные, психологические и т.д.). Остановимся на положении М.А.Сапарова, чьи исследования пространственно-временного континуума художественного произведения отличаются методологической четкостью: "... говоря о времени художественного произведения, мы имеем в виду не "внешнее" по отношению к произведению метрическое время, а собственное имманентное время произведения как эстетического феномена. Время, в котором находится произведение искусства слова как вещь, непосредственно не соотносится с изображенным (смоделированным) в нём временем" [228,с.36]. Если ньютоновское время по своей сути экстенсивно, линейно и симметрично, то время художественного произведения интенсивно, не линейно и не симметрично. Художественное время теснейшим образом связано с реальным (физическим) временем. Эту связь мы можем проследить в библиографическом метатексте. Особенно ярко в нем видно взаимодействие художественного и социального (социально-исторического) времени, которое, будучи своего рода отражением объективных явлений, характерных для каждого этапа развития общества, выступает как условие, определяющее специфику его воплощения в произведении искусства слова.

Примером такого библиографического метатекста является аннотация в библиографическом справочнике "Литература и искусство" на роман И.Головкиной (Римской-Корсаковой) "Побежденные".

"Ирина Головкина – внучка русского композитора Н.А.Римского-Корсакова пишет о людях "своего круга", о тех тяготах и бедах, которые выпали на долю русской интеллигенции в 1914-1937 гг. Роман очень велик по объему; по существу это эпопея, посвященная трагическому периоду русской истории, когда цвет нации оказался побежденным и гонимым своим же народом" [164,с.6].

По сравнению с художественным временем художественное пространство менее изучено. Очевидно, оно не может определяться только как копия пространства реального мира. На этом много раз акцентировал внимание, в частности, Ю.М.Лотман: "... представление о том, что художественное пространство представляет собой всегда модель некоего естественного пространства же, оправдывается далеко не всегда. Пространство в художественном произведении моделирует разные связи, картины мира: временные, социальные, этнические и т.п. В художественной модели мира "пространство" подчас метафорически принимает на себя выражение совсем не пространственных отношений в моделируемой структуре мира" [175,с.777]. Исследователь определяет художественное пространство как модель мира автора, выраженную на языке его пространственных представлений, называя его одним из компонентов общего языка, на котором говорит художественное произведение. Это утверждение будет справедливо и по отношению к художественному времени, которое, как и пространство, является средством и способом художественного выражения. И пространство, и время заключают в себе значение, оформляют его. Поскольку в духовном мире человека господствует логика смыслов, а не логика пространственно-временных отношений, представления о пространстве-времени служат именно логике смыслов. Однако пространство и время в образной системе художественного произведения могут быть условными, как и другие его компоненты, построенные по принципу подобия с реальной действительностью или, наоборот, контрастного выделения отдельных сторон. Условны (в теоретическом плане) все внутренние градации понятия: событийное художественное время, сюжетное время, структурное время произведения искусства, фабульное время и т.д. Примером того, что время и пространство условны, может служить следующий аннотационный текст на произведение А.Бородыни "Парадный мундир кисти Малевича": *"Три социальные идеи-лозунга, идеи-мечты легли в основу фантастической хроники Александра Бородыни, действие которой происходит в Москве 2020 года. Две из них принадлежат ученым – автору "филосо-*

фии общего дела" Николаю Федорову (воскрешение мертвых) и теоретика космонавтики Константину Циолковскому (освоение людьми космического пространства), третья – поэту Эжену Потье ("весь мир насилья мы разрушим... новый мир построим..."). Первые двое – "основоположники новой эпохи", о которой пишет автор; двухсотметровые памятники им украшают столицы "всех обитаемых миров"; знаменитая строка коммунистического гимна – руководство к действию строителей "нового мира". Сочетание этих идей, реализованное в манере "Невозвращенца" А.Кабакова, представляет читателю кошмарно-гротескное будущее землян, научившихся воскрешать людей и восстанавливать материальную культуру в улучшенном виде и любом количестве копий" [164,с.116].

Проблема художественного пространства-времени всегда актуальна для библиографирования художественных текстов, поскольку выдвигает продуктивный и нейтральный метод анализа художественной реальности, емко и многогранно описывающий ее структуру. В соответствии с этим методом произведение искусства слова предстает как целостная пространственно-временная организация, которая выражается понятием "хронотоп", введенным М.М.Бахтиным. Под хронотопом он понимает слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом. Уникальный художественный хронотоп обнимает пространственно-временную организацию определенного произведения. В творчестве М.М.Бахтина представления о времени занимают особое место. Для него время – это, прежде всего, человеческое, историческое и социальное время. Пользуясь понятиями веселого, карнавального, доброго, авантюрного, циклического, биографического, игрового, фольклорного времени, он постоянно имеет в виду их координацию с историческим временем. Многообразие временных понятий необходимо ученому для наиболее адекватного и целостного осмысления художественных творений прошлого и настоящего, а через них и всей мировой истории и культуры. Теорию хронотопа мы считаем целесообразным использовать при библиографическом свертывании художественной информации. Операциональное преимущество хро-

нотопы заключается в объемности и всеохватности исследования первоисточника, к которому оно прилагается. Благодаря своему качеству понятие как бы объединяет в себе все, что разрабатывалось в словесной культуре относительно пространства и времени. Именно хронотоп определяет структуру событий и поступков героев произведений, служит сводом законов, разрешающих либо запрещающих тот или иной поворот сюжета.

Одной из наиболее распространенных практических трудностей, возникающих при отражении проблемно-тематического содержания художественных произведений в метатексте, является отождествление темы, проблемы и идеи. Для того, чтобы эту трудность преодолеть, необходимо помнить, что художественная логика – это во многом последовательность движения авторской мысли и мысли реципиента от темы через проблему к идее. На уровне тематики речь идет исключительно о предмете отражения. В теме еще нет проблемности и оценочности, тема – это своего рода констатация: автор отразил какие-то характеры в данных ситуациях. Уровень проблематики – это уровень постановки вопросов, обсуждение той или иной системы ценностей, установления значимых связей между явлениями действительности, это та сторона художественного содержания, где читатель приглашается автором к активному размышлению. Наконец, область идей – это область решений и выводов.

Представленные ниже аннотации, на наш взгляд, наиболее удачно выражают проблемно-тематическое содержание анализируемых произведений.

1 аннотация. Ананьев А.Б. "Лики бессмертной власти. Царь Иоанн Грозный". *"Пафос произведения весьма созвучен проблемам, волнующим нас сегодня. Вечные темы – власть и общество, власть и нравственность, власть и религия, человек в мире – писатель рассматривает через систему сложных взаимоотношений и размышлений исторических персонажей. Особенность этого романа – доминирование внутренних монологов. Философские проблемы бытия, отношения человека с миром, с богом – главный двигатель развития сюжета. Это отличает книгу от привычных романов-хроник, где*

описание событий, действий героев составляет основу содержания" [4, с.76].

2 аннотация. Бальзак О. «Отец Горио». *Тема "Утраченных иллюзий", судьба-мышеловка, дающая все и отнимающая при этом самое главное, - тема центральная в творчестве не только Бальзака, но и в произведениях всех его современников. Велико было разочарование людей, провозглашавших лозунги свободы, равенства и братства и оказавшихся в обществе, чуждом элементарной человечности" [220, с.32].*

К жанрообразующим элементам, входящим в аннотацию, относится презентация главных героев произведения. Категорию персонажа можно определить по двум различным параметрам: первый – степень участия в сюжете и, соответственно, объем текста, который этому персонажу отводится. Второй – степень важности данного персонажа для раскрытия сторон художественного содержания. Отсутствие сведений о главных героях делает аннотационный текст безликим, не отражающим образности и поэтики художественного произведения. Примером такого подхода могут служить следующие аннотации:

на роман Г.П.Данилевского "Сожженная Москва": *"Большое место в романе занимают описания бесчинств наполеоновской армии, произвола французского командования, народных бедствий. Благодаря правдивым зарисовкам событий этой войны роман не утратил познавательного значения и в наши дни" [184,с.49];*

на роман А.Ф. Вельтмана "Соломея": *"Недавно переиздан роман А.Ф.Вельтмана "Соломея" – первый из цикла "Приключения, почерпнутые из моря житейского", созданный во второй половине 1840 г. и считающийся лучшим в творчестве полузабытого писателя (и историка). Белинский видел в "Соломее" "много поразительно верных картин современного русского быта", хотя и критиковал автора за "желание доказать превосходство старинных нравов перед нынешними" [220, с.15].*

Кажется, что авторы вышеуказанных аннотаций представляют читателю исторические хроники, а не художественный роман,

где действуют реальные персонажи со своими судьбами, мыслями, чувствами. Какое бы пространство ни описывал повествователь, он каждый раз оглядывается на своих героев. Поэтому, если аннотационный текст не называет персонажей произведения, то он обычно показывает только социальную сторону произведения. Такая аннотация не несет в себе эмоционального настроения и не вызывает интереса к произведению у читателей.

Современный читатель может получить совокупную метаинформацию о произведении искусства слова до его прочтения в различных аннотационных текстах: в библиографических пособиях, в рекламных изданиях и непосредственно в издательской аннотации, поэтому представляется возможным выделить следующие виды аннотаций.

Рекомендательная аннотация – по изначальному смыслу термина это выраженные в библиографической форме советы, что читать тем или иным категориям читателей в соответствии с уровнем подготовки, интересами, потребностями. Н.А. Рубакин, предложивший термин "рекомендательная библиография", настойчиво подчеркивал, что рекомендация книг должна быть ничем иным, как организованной свободой их выбора, ничего не должна навязывать и никого не должна стеснять. Однако границы рекомендательной аннотации были искусственно расширены. Часто ей приписывалась исключительно идеологическая роль, выполнение функций содействия всестороннему развитию личности.

Мы определяем рекомендательную аннотацию как разновидность оценки, сопровождаемой активным, но не авторитарным действием библиографа по отношению к читателю. Рекомендательная аннотация в этом смысле полезна и видимо потребность в ней будет всегда. Примером рекомендательной аннотации может служить аннотационный текст на «Иерусалимские хроники» М.Е.Федотова: *«Михаил Федотов – еще одно имя, которое приходит к нам из русского зарубежья. Молодой литератор, главный герой произведения – образ явно автобиографический. Под его едким ироническим пером оживают перед читателем колоритные фигуры*

разноплеменных обитателей бедных кварталов Святого города – Иерусалима, съехавшиеся сюда с разных концов света. Их пестрая, беспорядочная жизнь, кажется, движется по замкнутому кругу, без особых надежд на будущее и с безразличием к настоящему. С добросовестностью дотошного хроникера знакомит автор читателей с топографией Иерусалима, его большими и малыми улочками и основными достопримечательностями. На этом фоне заплетается клубок сложных интриг, в которые оказывается вовлеченным и главный герой – повествователь» [181,с.19].

Рекламной аннотацией мы называем аннотационные тексты, помещенные в буклетах издательств по художественной литературе, планах-проспектах "Книжной лавки", "Книжного клуба XX век" и т. д. Известно, что реклама – вид поисковой системы, где субъект библиографической деятельности апеллирует к сознанию приемника – читателя. Рекламная аннотация выполняет функции извещения, убеждения, побуждения к приобретению тех или иных документов. Однако принцип рекомендательности присутствует и в рекламных аннотациях. Его активно использует издательско-книготорговая библиография. Только на первый план вместо художественных достоинств выходит описание полиграфической базы, факторы "моды", "сенсации". Рекламируя книгу как товар, рекламная аннотация содействует снижению экономических барьеров между читателем и книгой. Тот, кто создает рекламную аннотацию, постоянно думает, как заинтересовать читателя, на каких побудительных мотивах строить жанр. Это предполагает краткость, разговорный стиль, применение тропов, метафор, гипербола, иронии. Примером такой аннотации может служить аннотационный текст на поэму В.Ерофеева "Москва-Петушки": *"Великое произведение, достойное пера Н.В.Гоголя! В прозаической поэме изображается путешествие героя, алкоголика Венечки, из Москвы в маленький городок, где "жасмин не отцветает и птичье пенье не умолкает". Это реальное путешествие герой совершает сквозь историю, мировую культуру и евангельскую мифологию" [138,с.7].*

Издательская (прикнижная) аннотация помещена непосредственно в издании. Один из ее существенных признаков – доступность, так как читатель может познакомиться с аннотацией непосредственно в издании. Издательская аннотация достаточно краткая, поэтому не всегда раскрывает в достаточной мере необходимые сведения о первоисточнике. Такая аннотация помещена в книге А. Збыха *"Ставка больше чем жизнь"*: *"Перед вами приключенческий роман о советском разведчике времен второй мировой войны, поляке Сташке Мочульском, работавшем в Германии под именем офицера абвера Ганса Клоса. Повести о непобедимом Клосе отличает лихо закрученная детективная интрига"*.

Тенденцией современных интерпретаторов художественных произведений является частое слияние рекомендательной и издательской аннотаций.

Так, в аннотационном тексте на книгу Д.Л. Мордовцева *"Москва слезам не верит"* в библиографической энциклопедии В.М.Мешкова *"Москва вековая"* встречаем: *"... как говорится в аннотации, в этом произведении отражено отношение автора к той трагедии, которая совершалась в отечественной истории, начиная с XV века, в период объединения российских земель вокруг Москвы"* [184, с. 44].

Повторение издательской аннотации в рекомендательной, на наш взгляд, неуместно, с ней реципиент может ознакомиться непосредственно при восприятии книги.

Другим библиографическим метатекстом, более аналитическим, более личным, более широким по объему и охвату материала является **библиографический очерк**. Это наиболее свободный по своему построению жанр, композиция которого полифонична и включает в себя элементы литературоведения и беллетристики, стилистические приемы публицистического и даже научного стиля.

Очерк ставит перед составителем ряд задач. Главнейшая из них – приоткрыть с помощью внешнего портрета, подробностей биографии, деталей жизни многомерный духовный мир художника, творца. Другая задача – воссоздать зримый, чувственно осязаемый,

индивидуально-неповторимый авторский стиль. Следующая задача – ввести читателя в центр описываемых событий и проблем через типичную сюжетную картину, удачно найденный эпизод или выразительную сцену.

Очерк носит авторский характер. Четкое выражение отношения автора к описываемым личностям, явлениям, событиям – один из главных признаков очеркового характера. Самая общая особенность жанра – это пристальное и заинтересованное внимание составителя к авторскому "Я". Заинтересованность исследователя прямо направлена на запросы реципиента и вызывает раздумья, чувства, размышления, приглашая к выделению художественных достоинств и определению ценности анализируемых произведений.

Характерной чертой очерка является также его динамичность. Очерк вмещает в себя несколько пространственно-временных параметров, связанных с отдельными периодами жизни художника и его произведений. Кажущаяся вольность изложения в очерке на самом деле несет в себе художественную целостность, являясь способом организации материала. Задача автора – умело скомпоновать подобранный фактологический материал, выделив и усилив наиболее яркие существенные моменты, умело и тонко вводя собственные впечатления и раздумья, находя своеобразный ход выражения и связи фактов и мыслей. Психологический портрет – один из приемов создания образа таланта творческой личности. Мысль о неразрывности творца-художника и человека-художника должна быть в очерке доминирующей. Отсутствие жесткой рубрикации не означает отсутствия определенной структуры в библиографическом очерке. Важной конструктивной особенностью очерка является монофигурность, однако невозможно представить личность художника, не соотнося ее с современниками его жизни и творчества. Все они присутствуют в художественном пространстве очерка номинативно. Их имена названы, но характеры не обрисованы, судьбы не рассказаны, исключение составляют те личности, которые являются активными участниками судьбы героя очерка. Отсюда трехчастная структура очерка, состоящего из вступления, биографического сюжета и заключения.

Биографический элемент выполняет в очерке вспомогательную функцию: биография призвана воссоздать предпосылки и условия формирования того или иного типа творческого сознания, повествование должно быть сжатым, концентрированным. По тонкому замечанию Ю.М.Лотмана, "...чем больше в очерке вынесено за скобки, тем резче подчеркнута специфика творчества героя. Чем скупее, тем характеристичнее – совсем не парадокс, а очевидная истина. Вынесение за скобки не есть простое отбрасывание. Только в сопоставлении изображаемого и неизображаемого первое приобретает истинный смысл" [175,с.775]. Данное высказывание ученый относит к литературному очерку, но оно, по нашему мнению, точно и образно отображает специфику и библиографического очерка.

Библиограф-очеркист выполняет большую психологическую нагрузку, создавая документально точный, но вместе с тем оригинальный и глубоко неповторимый образ художника, выделяя и определяя ценностные ориентации, стиль и тональность произведений автора. Например, в библиографических очерках С.П.Бавина и И.В.Семибратовой "Судьбы поэтов серебряного века" за кажущейся простотой и доступностью изложения исследуемого материала явственно ощущается серьезная документальная и научная основа. Воссоздаваемые картины из жизни писателей, факты, детали биографии открывают новые пласты в сознании читателей, побуждая к более глубокому и всестороннему изучению творческой судьбы художника. В представленном ниже отрывке, посвященном Б.Пастернаку, прослеживается высокая информационная насыщенность и специфика очерка как библиографического метатекста: *"История развернувшейся беспрецедентной травли писателя, вынудившей его отказаться от Нобелевской премии, слишком хорошо известна, чтобы повторять ее в этом очерке. Время все расставило на свои места, роман "Доктор Живаго" после десятков переизданий за рубежом опубликован на родине. Имена тех, кто поддержал Пастернака в эти трудные не дни, а годы, и тех, кто "поднял руку", сохранились... Интересующимся этой страницей биографии поэта можно порекомендовать сборник "Доктор Живаго" Бориса Пастернака: с разных то-*

чек зрения" [М., 1990], где собраны все документы и ряд статей, связанных с романом, а также главу "Горсть русской земли" из сборника библиографических очерков С.Бавина, О.Гурболиковой "Книги, которые читают все" [М., 1989].

Очерк завершается высказыванием В.Каверина: *"Жизнь Пастернака, растворенная в книге, превратила ее в историю поколения. Другой такой книги о русской интеллигенции пока что нет"* [24, с.120].

Даже строгие хронологические рамки очерка дают возможность представить пространственно-временную картину произведения и его автора через высказывания современников, критиков, литературоведов.

Синтетическим библиографическим метатекстом можно назвать **обзор**. Сложность синтеза обзора как библиографического метатекста определяется тем, что в нем участвует ряд постепенно или параллельно включаемых жанров. Обзор может сочетать в себе элементы и библиографического очерка, и аннотации, и беседы о книгах. Жанр обзора применяется в тех случаях, когда библиографу важно представить ряд отдельных произведений и при этом показать, что они в совокупности отражают более широкую литературную или социокультурную ситуацию, или тему. Цель обзора – дать реципиенту обобщенное представление о предмете обзора, избавляя его от поиска, сбора, систематизации и анализа первоисточников. Из текстообразующих признаков обзора как библиографического метатекста наиболее важными являются целостность и связанность. Библиографический обзор как сложный многомерный объект представляет собой целостную систему, состоящую из компонентов, каждый из которых являет собой особую структуру. Отобранные с целью реализации авторского замысла, эти компоненты структурируются так, чтобы адекватным образом обеспечить передачу смыслов художественных творений и логичность их изложения. Структура обзора как библиографического метатекста создается содержанием каждой из его единиц, их взаимодействием, последовательностью их расположения, контактной, дистантной связью между ними, отсылками к

другим частям содержания – всем тем, что делает метатекст не распадающимся на отдельные, независимые высказывания. Таким путем обеспечивается необходимая связь между последовательно сменяющимися в обзоре названиями объектов и их признаков, временными пространственными и модельными рамками, в которых осуществляется передача художественной информации. По меткому замечанию С.А. Трубникова "... настоящей целостности библиографического обзора невозможно достичь не только тогда, когда обзор рассыпается на отдельные не связанные друг с другом характеристики произведений, но и когда он сливается в некую обобщенную характеристику творчества писателя, в которой порой неразделимы многие важные его произведения" [252,с.20]. Целостность является ведущей категорией обзора как инструмента коммуникации. Категория целостности не имеет специальных языковых средств выражения. Ее психологическая сущность связана с единым смыслом библиографического метатекста, не вытекающим из компонентов, а как бы надстраивающимся над ними, объединяющим их в иерархическое целое. При таком подходе становится очевидным функциональный характер целостности обзора: она является продуктом взаимодействия библиографа и читателя. Несмотря на зависимость категории целостности от реципиента, ее предпосылки закладываются при создании обзора: при ориентации на понимание библиографом проецируется в обзор не только выраженная им информация, но и информация, имеющаяся в опыте воспринимающего.

Целостность обзора достигается с помощью такого текстообразующего признака, как связность, которую можно рассматривать в любом тексте на разных уровнях: семантическом, грамматическом, коммуникативном. Обзор – функциональная система, целостность и завершенность которой определяется интеграцией и иерархическим вхождением в нее смыслов анализируемых первоисточников. На семантическом уровне обзор организуется единством темы. Последующая информация библиографического обзора вбирает в себя содержание предшествующей части и развивает его новой информацией. Примером развития темы может служить отрыв-

вок из обзора «Русь под игом»: «... Английский историк Д.Феннел в своем труде «Кризис средневековой Руси» высказывает мысль, что Русь вовсе не была сокрушена, разорена и деморализована.

А видный представитель отечественной гуманитарной мысли конца XX столетия Л.Н.Гумилев был уверен, что Русь монголами не была ни подчинена, ни покорена. Создатель теории этногенеза и науки этнологии пытался увидеть внутреннюю логику действий народа-завоевателя, а не просто назвать их кровожадными дикарями.

Писатель В.А Чивилихин в романе-эссе «Память» противопоставлял свою точку зрения на историю России глобальной концепции истории Л.Н.Гумилева... » [225, с. 20]. На коммуникативном уровне связанность обзора проявляется как сведение различных первоисточников в одну целостную систему – библиографический метатекст. В процессе обзора важно в каждом конкретном произведении показать те смыслы, которые отвечают направленности обзора. Преимущество библиографического обзора состоит в том, что он дает возможность систематизировать литературу по тематическому сходству и хронологической преемственности гораздо глубже и свободнее, чем это может сделать указатель посредством формулировки рубрик. Обзор дает возможность более глубоко проникнуть в творчество писателя, так как данный жанр позволяет сравнить произведения художника, провести ассоциации, показать отношение автора к своим героям. Примером точности и глубины проникновения в творчество писателя может служить отрывок из обзора, посвященного прозе И.А.Бунина: «Один из персонажей "Чаши жизни" поставил своей целью достижение долголетия и наслаждение им. В понимании Бунина, фальшь этой теории – в сознательности наслаждения. Жизнь может быть прекрасна, когда она беспечна, бесцельна, когда мы не осознаем свое счастье. Так могут жить очень немногие, одаренные легким дыханием, подобно Оленьке Мецгерской из рассказа "Легкое дыхание". У других моменты счастья, бессознательного наслаждения жизнью – это только прекрасные мгновения, но они навсегда остаются в памяти» [168, с. 15].

Таким образом, обзор позволяет сделать обобщения, определенные выводы. Однако при раскрытии конкретной темы или творчества писателя библиографам не всегда удастся сохранить границы жанра. Важность следования условиям жанра в обзоре можно сравнить с необходимостью соблюдения норм языка: при нарушении того или другого утрачивается коммуникативность сообщения. Восприятие реципиента настроено на получение необходимой информации и, следовательно, соблюдение рамок жанра обеспечивает в психологическом аспекте эффективность приема информации. Библиографический метатекст-обзор призван обеспечить оптимальную информативность сведений об авторе и смыслах первоисточников, поэтому библиограф должен быть истинным знатоком жанра.

Представленные особенности библиографических метатекстов позволяют сделать вывод о собственном стиле жанров, складывающемся в процессуальном поле свертывания художественной информации. Стил, как известно, проявляется в любом элементе текста, является концептом, который выполняет функцию коммуникации и не ограничивается только языковыми средствами.

Библиографический стил вбирает в себя элементы публицистического, аналитико-критического и непосредственно авторского стили библиографируемого произведения. Эстетическое и эмоциональное воздействие библиографического метатекста на реципиента в момент антиципации обусловлено именно наличием стили.

Различные свойства библиографического стили пробуждают в воспринимающем либо гармоничную, либо негативную эстетическую эмоцию. Один читатель предпочитает яркость и красочность в тексте (в том числе в библиографическом), другой – спокойную сдержанность, а третий, наоборот, – сложность и даже запутанность.

Библиографический стил есть выражение эстетической целостности библиографического метатекста. Этот организующий принцип как бы пронизывает всю структуру формы, определяя характер и функции любого его элемента.

Основные функции библиографического стили: информационно-содержательная и воздействующая. Спецификой информаци-

онно-содержательной функции является то, что информация в области произведений искусства слова адресуется широкому кругу читателей, всем носителям языка; кроме того, она связана с необходимостью быстроты передачи информации, что заложено в самой природе библиографии. Воздействующая функция имеет в литературной библиографии особый характер: если научным стилем говорящий (пишущий) апеллирует лишь к разуму воспринимающего, аргументирует какие-то положения с помощью логических доводов и точных расчетов, то библиограф убеждает путем эмоционального воздействия на читателя и поэтому в явной форме выражает свое отношение к сообщаемому.

Функция воздействия отражается прежде всего в присущей библиографическому стилю особой экспрессии и оценочной эмоциональности. Функциональная роль экспрессии в библиографическом стиле состоит в использовании и выделении главного в библиографическом метатексте, привлечении внимания читателей оригинальностью слово- и формоупотребления, особым синтаксическим строем. Экспрессия библиографического стиля подчинена задаче сделать библиографический метатекст компактным, но одновременно информационно насыщенным, запоминаемым.

Проблема компактности связана со структурными содержательными особенностями текста. На компактность влияют закономерности создания вторичных текстов, проявляющие себя в логике смысл – сущность – структура – форма. Но, несмотря на сжатость художественной информации, представленной в библиографическом метатексте, она несет в себе концепт авторского замысла и дает представление о художественном произведении на более тонком ценностно-ментальном уровне, в диалогической взаимосвязи с реципиентом.

Задача сберечь экспрессивную силу произведения искусства слова наиболее сложная. Она решается на лексическом уровне простым повтором авторского слова, на синтаксическом – повтором синтаксического строя предложения как авторского стиля. Примером такого библиографического метатекста является издательская

аннотация на книгу В.М.Шукшина "Калина красная": *"Нет покоя русскому человеку. Вечно тянет его в даль светлую, вечно болит и чего-то просит его душа, до третьих петухов не дают спать беспокойные думы. Что там за горизонтом? Как жить правильно? Во что верить? Он ищет ответа на эти вопросы и никогда не бывает доволен им. Таков герой произведений В.Шукина – озорной и грустный, талантливый и чудаковатый. Такими людьми жива Россия, они соль ее земли, надежда и опора"*.

Иными словами, экспрессивное своеобразие передается не усечением или представительством, а эквивалентом. Логические операции сравнения, уподобления, отождествления, включения, исключения и т.д. приводят к выявлению особенности и неповторимости авторского слова, оберегающего исключительность произведения через экспрессивную силу языка художника.

Апеллируя к экспрессивной стороне художественного произведения, составители библиографического метатекста усиливают его "рекламный" эффект.

Одному из недавних изданий известной книги Джеффри Триза "Фиалковый венец" предпослана такая аннотация: *"Прочитав эту повесть, ты погрузишься в мир Древней Греции, что позволит тебе с интересом расширить знания, полученные на уроках истории древнего мира"*. Что сделает нормальный ребенок? Захлопнет книгу! Он не хочет повторять уроки, он хочет, чтобы было интересно читать. Однако в списке литературы, предлагаемой одной из фирм для заказа по почте, аннотация на тот же "Фиалковый венец" звучит так: *"Читая эту замечательную повесть, ребенок перенесется в Древнюю Грецию и переживет много волнующих событий вместе с ее героями"*. Экспрессивная лексика второго аннотационного текста пробуждает в читателе совершенно иные эмоции, а главное – желание ознакомиться с данным произведением.

Анализ функций библиографического стиля определяет речевые особенности библиографического метатекста, способ и тип изложения. Речь библиографического метатекста должна быть общепринятой и понятной, построенной в соответствии с нормами ли-

тературного языка, исключаяющей применение языковых средств, которые имеют узкую сферу распространения.

Что касается таких экстралингвистических факторов, как вид речи, выражение авторской позиции и проявление авторской индивидуальности, то они полностью зависят от жанра. В целом в библиографическом метатексте все подчинено задаче свертывания, обобщения или сжатия. Что в подлиннике дано в конкретной развернутой форме, подлежит замене эквивалентом, равнозначным по смыслу и соответствующим авторскому замыслу.

По мнению авторов монографии Л.Н.Мурзина и А.С.Штерна "Текст и его восприятие", "... разворачивается то, что представляется актуальным в данный момент, информационно важным, а свертывается то, что перестало быть актуальным, потеряло свою информационную значимость. Свертывание означает в первую очередь такое смыслообразование текста, когда его вербализованное выражение заменяется затем на более краткое по объему, вплоть до нулевого, при этом тематизированные компоненты могут исчезать, не оставляя следов в тексте и памяти коммуникантов" [194, с.135]. Однако позволим себе не согласиться с авторами, так как свертывание является самодостаточным процессом библиографирования и обладает насыщенным информационным потенциалом. Библиографический метатекст генетически взаимосвязан с первоисточником и образуется по законам текста путем свертывания на экстралингвистическом уровне. Прежде всего – это уровень смыслового взаимодействия. Смысл не может быть привнесен извне, он органически вытекает из концепта авторского замысла.

Процесс свертывания текста имеет сложную природу, обусловленную сложностью человеческого мышления. Диалектика перехода от внешнего диалога с книгой и ее первой характеристикой – метатекстом – заключена в особой знаковой форме, выходящей за пределы внешнего и непосредственного предметного действия. Это внутренняя деятельность "про себя", имеющая словесно-дискурсивную форму. Фактические и чувственные сведения, соединяясь, концентрируются во внутренней речи. Генетически этот про-

цесс прослеживается Гегелем в его суждениях о трех ступенях сознания – чувственном, воспринимающем и рассудочном сознании. Чувственное сознание, основу содержания которого составляют ощущения, раскрывает человеку предмет в его непосредственности и единичности. В воспринимающем сознании единичное становится в определенные отношения к всеобщему. Смещение единичного и всеобщего в восприятии приводит к противоречиям, которые разрешаются в рассудочном сознании. Оно постигает единство единичного и всеобщего как абстрактное тождество. "Одухотворенное, истинное созерцание схватывает субстанцию предмета во всей ее полноте" [80,с.245].

Основные функции библиографического стиля определили его основные черты и способствуют выделению характерных особенностей: лаконичности, замены подлинного содержания равнозначным по смыслу и соответствующим авторскому замыслу, повышенной эмоциональности, открыто или неоткрыто выраженного оценочного отношения к сообщаемому факту, явлению, событию.

На наш взгляд, представленный ниже аннотационный текст, помещенный в сборнике "Литература и искусство", наиболее соответствует подлинно библиографическому стилю.

Осоргин М. Вольный каменщик: повесть, рассказы.

"Высланный из родной страны в 1922 г. и проживший во Франции долгие годы, Михаил Осоргин (1878-1942) писал в основном о России. Лишь повесть "Вольный каменщик" (1937) и несколько рассказов посвящены эмигрантской теме. Они и составили эту книгу. Сюжетная коллизия произведения необычна: русский эмигрант, усталый пятидесятилетний провинциальный чиновник неожиданно для себя вступает в масонскую ложу. Впрочем, как сказано в предисловии, "того, кто ищет сенсаций, ждет разочарование: не внешние события, а история души, история нравственных поисков скромного и доброго русского человека интересовала автора". Серьезный пласт произведения – художественно-философское осмысление масонства, с которым был связан и Осоргин; не случайно автор называл эту повесть очень ему дорогой. В целом эта

сложная и внутренне значительная книга, впервые публикуемая на родине автора, ждет своего внимательного читателя" [164,с.17].

Библиографический метатекст стоит между внешним миром и пространством художественного произведения и первым берет на себя основную нагрузку по преодолению этой границы. При знакомстве с библиографическим метатекстом происходит выяснение смысла и назначения произведения искусства слова. Психологически предвосхищающий момент проявляется как содержательная рефлексия, связанная с поиском ответов на поставленные вопросы. Библиографический метатекст как сжатая словесная формула подлинного текста требует раскрытия авторского замысла и открывает будущее поле возможных интерпретаций.

Глава 2. МЕТОДЫ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО

СВЕРТЫВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИИ

2.1 Библиографическая интерпретация художественного текста

Применительно к художественному произведению термин "интерпретация" означает толкование, постижение смысла художественного текста. Различают интерпретацию читательскую (первичную), научную и творчески-образную. Первичная интерпретация базируется на общем впечатлении и понимании художественного произведения, которое получает читатель при его прочтении; первичная интерпретация не всегда оформляется в сознании реципиента в логические конструкции, оставаясь часто в виде переживания, настроения, чувства. Библиограф, отправляясь от своих читательских впечатлений (первичной интерпретации), формирует их достаточно четко и затем проверяет анализом, в результате чего рождается научная интерпретация – библиографический метатекст, который претендует на статус объективности и от которого поэтому требуется фактическая, логическая и эмоциональная доказательность.

Интерпретация присутствует на всех уровнях познавательной деятельности, начиная от восприятия и заканчивая сложными теоретическими и философскими построениями, предполагает решение, прежде всего, эпистемологических проблем интерпретации, таких как объективность, обоснование, нормативные принципы и правила, критерии оценки и выбора конкурирующих вариантов. Возможность некоторого множества истолкований одного текста, связанная, в частности, с лексической и текстуальной полисемией, ставит проблемы автора и текста, гипотетичности, вероятностного характера знания, а также возможности (невозможности) оценки интерпретируемого знания с точки зрения истинности (правильности). Все эти проблемы в той или иной степени стоят и перед интерпретацией, осуществляемой в библиографической деятельности, проявляясь специфически и выявляя новые значения и смыслы этого феномена. Необходимо различать аспекты и уровни анализа этой про-

блематики, что предполагает, во-первых, экспликацию собственно библиографического понимания интерпретации, в отличие, скажем, от филологической; во-вторых, выявление специфики интерпретации художественных текстов на фоне общих принципов и норм, присущих вообще интерпретации как способу работы с любым текстом, его значениями и смыслами.

В силу присущей художественному образу сложности, а часто и многозначности, многие художественные произведения могут порождать различные, зачастую прямо противоположные интерпретации. Поэтому центральной проблемой теории и практики интерпретации была и остается проблема ее верности, адекватности. "К деятельности интерпретатора приложим критерий правильности – ложности", – полагает современный литературовед В.Б. Катаев [133, с.19].

В отличие от текста его библиографическая интерпретация не истинна, не ложна, она не верифицируема, но может и должна быть обоснована, оправдана, что, прежде всего, предполагает экспликацию и осмысление неявных, скрытых элементов текста, выяснение их влияния на его значение и смыслы.

Проблемы верности, правильности интерпретации всегда были в центре внимания интерпретаторов, являясь предметом критических дискуссий. Познавательные задачи интерпретации нельзя подменить никакими другими целями, ни самовыражением, ни стремлением выигрышно продемонстрировать концепцию, ни стремлением дать свое оригинальное прочтение. "Свое" – для библиографического метатекста "лично пережитое", но вовсе не в смысле противопоставленности "чужому" авторскому.

"Интерпретация, – пишет М.Эпштейн, – основана на принципиальной открытости, многозначности художественного образа, который требует неограниченного множества толкований для полного выявления своей сути" [289, с. 225]. Наличие множества равноправных толкований исследователь связывает в основном с исторической жизнью произведения, так как интерпретация – толкование

смысла произведения в определенной культурно-исторической ситуации его прочтения. Акцентируя внимание на исторической изменчивости интерпретаций, автор на первый план выдвигает момент своего прочтения, открывающий в произведении новые пласты смысла.

Но многие литературоведы, в частности Е.Д.Сергеев, не согласны с теорией многозначности образа. "Трудно определить, чем вызваны отклонения от первоисточника – желанием переосмыслить и дополнить, либо неумением осмыслить и сохранить? Что перед тобой – вынесенное на суд читателя видение или публичное признание в непонимании глубины первоисточника» [234, с. 84]. Эти сомнения можно отнести и к библиографическому метатексту как способу интерпретации произведения искусства слова. Однако библиографические тексты не только интерпретируют художественное произведение, но как бы "развертывают" смысл художественного текста в современном социокультурном контексте.

Интерпретация, истолкование экзистенциально основывается на понимании, поэтому в библиографической интерпретации художественных текстов одним из приоритетных должен стать герменевтический метод. Противоречие между принципиальной неисчерпаемостью художественных творений и необходимостью библиографа дать некую завершенную модель современного видения анализируемого текста (т.е. перевести его в метатекст) разрешается и преодолевается на герменевтическом уровне, позволяющем интерпретировать текст по законам диалогического осмысления. Герменевтика не притязает на истинное, но дает исключительно осмысленное прочтение текста, оставляя вопрос об истине в состоянии неопределенности в ее подлинной и изначальной сущности. Поэтому любой метатекст есть вариант прочтения, испытание возможности такого видения, такого проявления смысла, которое есть нечто большее, чем простое воспроизведение чужого мнения. Мы рассматриваем метатекст не как абстрактную схему, которая одна толь-

ко и способна раскрыть содержание и под которую могут быть подведены все вопросы, сообщающие смысловую значимость и мотивацию. Мы смотрим на этот вопрос диалектически, в смысловом генезисе учета альтернативных мнений и неограниченных возможностей прочтения текста.

Для герменевтического феномена характерна знаково-языковая природа выражения. Библиограф как опытный читатель создает метатекст, являющийся посредником (переводчиком), позволяющим достигнуть взаимопонимания в диалоге "текст – читатель".

Для герменевтической методологии актуальна проблема смысла и метода его постижения, поэтому обращение к герменевтике интерпретаторов произведений искусства слова, в том числе библиографов, выглядит вполне естественным.

Центральной задачей герменевтического познания какого-либо текста является построение его модели. Такой моделью для нас выступает библиографический метатекст. Модель представляет собой теоретическую реконструкцию текста с целью наиболее точного воспроизведения смысла, вложенного в него автором, и придания ему дополнительного (нового) смысла. Новый смысл, привносимый библиографом в реконструкцию оригинала, является необходимым элементом "сотворчества" автора и интерпретатора. Сохранение объективно-истинного ядра модели текста является необходимым условием адекватной интерпретации. Но оно вовсе еще не является достаточным. Адекватной интерпретация становится тогда, когда интерпретатор даст новую жизнь созданной им модели, когда она будет воспринята современниками как произведение – оригинал.

2.2. Герменевтические приемы свертывания

Понимание текстов в герменевтической логике, для которой интерпретация выступает лишь средством достижения понимания, основано на определенных моделях. Модели автора текста, современников автора, интерпретаторов и современников интерпретаторов различны. Все четыре модели могут быть использованы при построении качественно новой модели – библиографического метатекста, построенного по канонам того или иного жанра. Однако эти модели могут выступать лишь вспомогательным материалом, основной задачей библиографического метатекста, исходя из герменевтической логики, является постижение "глубинного смысла" текста. Глубинный смысл всегда несколько завуалирован, скрыт. Его нельзя свести к чисто логическим или чисто предметным отношениям. Здесь герменевтика предлагает воспользоваться основным приемом исследования: **"выходом за пределы понимания"** (принцип внезапности), предложенный М. М. Бахтиным. Данный принцип должен быть основополагающим для создания смыслового поля библиографического метатекста.

Критерием адекватного понимания в концепции М.М.Бахтина является его "глубина", постижение глубинного смысла. Основным методом такого постижения является "восполняющее понимание", направленное на постижение бессознательных мотивов творческого процесса автора текста и на усвоение "многозначности", на "раскрытие многообразия смыслов" текста.

Точность в гуманитарных науках М.М.Бахтин связывает с "преодолением чуждости чужого без превращения его в чисто свое". "Преодоление чуждости чужого" возможно посредством использования приема **"вживания"** [30, с.171]. Вживание в чуждую культуру, анализ произведения с точки зрения этой чуждой культуры недостаточны для полного понимания смысла произведения. Если остановиться только на таком методе, то возможно лишь дублирование, которое никогда не было истолкованием, так как не несло в себе элемента новизны. "Вживание" ("переселение") в чуждую куль-

туру является необходимым, но недостаточным условием понимания. Творческое понимание не должно отказываться от современности, от своей культуры. Осознание нахождения исследователя в настоящем времени, в современной ему культуре дает возможность посмотреть на предмет интерпретации со стороны (еще одна точка вненахождения). Точность в гуманитарном познании связана не только с проникновением в глубинные пласты и постижением их с позиций "чуждой" культуры, но и с существенным ограничением. Субъективный фактор устранить в гуманитарном познании нельзя. Именно он определяет диалогическую природу гуманитарных наук. Но нельзя превращать интерпретируемый текст в "чисто свой", поэтому библиографический метатекст должен следовать только за смыслами первоисточника. Абсолютизация субъективного фактора ведет к релятивизму и, в конце концов, к агностицизму, выхолащивает понятие объективной истины и делает его неприменимым в гуманитарных науках.

М.М.Бахтин выделяет три этапа диалогического движения понимания. Эти этапы могут быть использованы и в качестве алгоритма при понимании художественного творения для построения технологии порождения библиографического метатекста. На первом этапе исходным моментом является данный текст. Точнее было бы сказать, что перенесение исследуемого текста в настоящее время (возможно, даже его перевод на современный язык) является исходной точкой движения понимания, так как тексты всегда принадлежат прошлому, сколь бы малый промежуток времени не отделял их от настоящего. Содержание второго этапа составляет движение назад – изучение данного произведения в прошлых контекстах. Третий этап характеризуется движением вперед, стремлением к "предвосхищению будущего контекста". "Понимание есть синтез многих интерпретаций на всех трех этапах. Полнота произведения раскрывается только в большом времени" [33, с. 49].

Одна из традиционно обсуждаемых проблем интерпретации – временная диспозиция текста (автора) и интерпретатора, или проблема оценки плодотворности истолкования в связи с **временным**

отстоянием. Эта проблема стоит и перед библиографом в процессе библиографирования художественного текста. Необходимо преодолевать границы времени для получения объективности погружения в "дух изучаемой эпохи", в ее образы, представления и язык. Необходимо позитивно оценить отстояние во времени как продуктивную возможность интерпретации и понимания, поскольку время – это непрерывность обычаев и традиций, в свете которых предстает любой текст. Исследователи истории даже усиливают оценку значимости временного отстояния, полагая, в отличие от "наивного историзма", что временная дистанция является условием объективности исторического познания. Для успешного понимания и интерпретации историческое событие должно быть относительно завершенным, обретшим целостность, освободившимся от преходящих случайностей, что позволяет достичь обозримости, преодолеть сиюминутность и личный характер оценок. Собственно герменевтическое видение проблемы отстояния во времени состоит в том, что дистанция позволяет проявиться подлинному смыслу события. Таким образом, "временное отстояние, осуществляющее фильтрацию, является не какой-то минутной величиной, – оно вовлечено в процесс постоянного движения и расширения. Именно это временное отстояние, и только оно, позволяет решить собственно критический вопрос герменевтики: как отделить истинные предрассудки, благодаря которым мы понимаем, от ложных, в силу которых мы понимаем превратно" [73, с.345].

Причина в том, что любой интерпретатор находится в ситуации своеобразного диалога по отношению к произведению: он обладает определенным кругозором, системой определенных координат, в которые произведения включаются как в свой контекст. В зависимости от контекста метатекст позволяет выявить такие аспекты смысла, которые интенционально никем не фокализованы. Позиция библиографа по отношению к художественному произведению двойственна: он должен уметь видеть действительность глазами произведения (только в этом случае цель художественной коммуникации может считаться достигнутой). Но в то же время он должен

видеть произведение как объект, находящийся в окружении других аналогичных объектов, видеть его пространство в поле культуры, исторический фон, видеть то, что стоит за интенцией произведения.

Библиографический метатекст есть результат диалогического взаимодействия "автор-библиограф", где все процессуальные элементы направлены на "другого" – читателя, нуждающегося в посреднике, несущем информацию о первоисточнике. Временные и пространственные характеристики мы черпаем в герменевтическом подходе, позволяющем извлекать смысловые тенденции исследуемого текста. Автор в силу своего таланта закладывает в тексты различные смыслы, отвечающие потребностям разных времен и народов. Менее всего эти смыслы могут совпадать с субъективными представлениями аналитика. Поэтому важно учитывать требование герменевтического подхода, которое состоит в том, что следует в первую очередь обращаться не к мыслям и переживаниям автора, но исключительно к смыслу самого текста. Герменевтика восстает против субъективизма рекомендаций и подачи намерений автора как единственно правильной точки зрения. Тогда эта авторская позиция становится сильно упрощенной и редуцированной. Она может отвечать потребностям короткого отрезка времени, но ведь истинно художественные произведения переживают века и отвечают на философские вопросы бытия, общечеловеческие, духовные запросы и потребности новых и новых поколений.

Любой исследователь, любой историк и критик должны считаться с "принципиальной незавершенностью того смыслового горизонта, в котором он движется" [76, с. 438]. Человек, имеющий дело с художественными текстами, знает об их неисчерпаемости.

Герменевтическая дедукция столь же неуместна, как и искажение намерений тех, кто участвовал непосредственно в описываемых событиях, принадлежащих самой истории. Герменевтика всегда должна быть выше простой реконструкции, поэтому она закрывает двери перед произволом интерпретатора, позволяя лишь описывать и переводить произведение в некую относительно завершенную данность (в нашем случае – метатекст).

Библиографические задачи описания и объективирования

проблематики произведения искусства слова наиболее точны и близки герменевтическому опыту. Остальные продукты непонимания, сомнительности, проблематичности придают открытость и принципиальную незавершенность тексту. Открывается простор и свобода читателю на этапе предвосхищения – истинного наслаждения от встречи с прекрасным и возможности получения ответа на мучительные вопросы бытия. В этой тесной связи вопрошающего – жаждущего ответа, и понимающего – опытного посредника и есть истинное измерение герменевтики как диалогической теории.

Уже в силу самого факта движения истории каждому новому поколению, новой эпохе, культурному образованию произведение является в совокупно специфическом ракурсе, которого никогда не было раньше и не будет позже. Этот ракурс присущ библиографическому метатексту, ибо он выражает заинтересованное отношение к произведению, стремится включить его в духовную работу современников. Будучи порождением своего времени, произведение отнюдь не замыкается в нем; оно активно вовлекается в орбиту всех последующих времен и культур.

Так, различны аннотационные тексты на мемуары А.И.Герцена "Былое и думы", составленные в 1965г. (издательская аннотация) и представленная в 1997 г. аннотация в библиографической энциклопедии В.М.Мешкова "Москва вековая". Сравним эти аннотации.

1. *"Былое и думы" охватывают период с 1840 по 1862гг., участие в общественно-политических кружках того времени, споры "славянофилов" и "западников", отъезд Герцена за границу, Европа накануне и во время революции 1848г.*

2. *"Былое и думы" проходят в школе. "Проходят", но, как правило, не читают. А жаль. Особенно необходимо прочесть эту книгу любителю истории Москвы. Книга состоит из 4-х частей. Глава "Наши" посвящена единомышленникам, "западникам", глава "Не наши" – "славянофилам" и Чаадаеву. Да, мы были противниками их, но очень странными. У нас одна любовь, но не одинаковая – и мы, как Янус или двуглавый орел, смотрели в разные стороны и в то*

время, как сердце билось одно". Эти слова тем более важны, что живо еще деление на "наших" и "не наших", на "славянофилов" и "западников", на "недостаточно славян" и "слишком патриотов". А любовь-то одна" [195,с.79].

Произведение исторично, но в то же время "анахронично", ибо, порвав историческую плоскость, оно немедленно начинает бесконечное "путешествие сквозь историю", оно символично, ибо никакая история не способна исчерпать его бесконечной смысловой полноты. Задачей библиографического метатекста является эксплицирование скрытых означаемых произведения, которыми как раз являются смыслы, не входящие в интенциональную структуру этого произведения. Интерпретационные поля библиографического метатекста не могут претендовать на "окончательное" истолкование художественного произведения, на монопольное владение его истинным смыслом, ибо "...стремление свести смысл к тому или иному означаемому смыслу – это такая же крайность, как и упорное нежелание видеть в нем что-либо, кроме буквального значения" [73,с.87].

Только при сохранении "многослойности" произведения библиографический метатекст способен адекватно уловить скрытые потайные смыслы художественного текста. От библиографической интерпретации требуется познать художественное целое, не утратив при этом ни эмоциональной насыщенности, ни художественной специфической убедительности, ни прочих свойств эстетического объекта.

Один из существенных вопросов интерпретации художественного произведения – **отношение к автору**, понимание его роли в бытии художественного текста. Доверие к автору может выступать приемом для свертывания художественной информации. Часто интерпретаторы придерживаются следующей позиции: не имеет значения, что хотел сказать автор, авторские смыслы могут быть недоступны, а значение текста может изменяться даже для самого автора. Но на наш взгляд, эти аргументы, будучи эмпирически возможными, не являются убедительными и коренятся прежде всего в традицион-

ном понимании объективности знания как его "бессубъектности".

Кроме того, библиограф-интерпретатор, "изгоняя" автора, сам становится на его место и присваивает право на авторские смыслы, что и поддерживает "беспредел" интерпретации. Чтобы избежать регресса в "бесконечность" толкования смыслов художественного текста, необходимо восстановить и сохранять роль автора как определителя значений и смыслов текста из своего "единственного места" в мире. Изгнание автора, пренебрежение заданными им смыслами означает утрату главного нормативного принципа – прежде всего текст "значит" то, что "значит". Доверие к автору, соблюдение по отношению к его тексту не только семантических, эпистемологических, но и моральных норм – вот кардинальные условия корректности и обоснованности в работе интерпретатора – блюстителя авторской позиции.

Описанные нами выше герменевтические приемы "вживания", "выхода за пределы понимания", "временного отстояния", "доверия автору" могут быть использованы библиографом в процессе библиографирования художественных текстов с целью наиболее адекватного проникновения в смыслы первоисточника.

Созданию библиографического метатекста предшествует библиографический анализ текста. Поскольку художественный текст представляет сложное образование, которое включает одновременно в себя языковые, логические, психологические, речевые, мыслительные, стилистические, экспрессивные, историко-культурные и другие компоненты, эффективный библиографический анализ невозможен без учета каждой из этих сторон. Также необходимо определить, что составляет семантическую сферу текста, его содержания, как они соотносятся с другими свойствами текста. Исследование данного круга вопросов входит в задачи библиографического анализа, который мы рассматриваем как **специфическое прочтение первоисточника с выделением тех уровней текста, которые необходимы и достаточны для создания библиографического метатекста**. В процессе анализа мы пытаемся выявить ценность художественного произведения в современной со-

циокультурной ситуации.

Как считает В.А. Фокеев, "библиографический анализ документированных текстов как ценности предполагает выявление совокупности объективных ценностных свойств; таких, например, как оригинальность, полнота, точность, достоверность, понятность, доступность, соответствие содержательным и функциональным читательским потребностям. Ценностные свойства документированных текстов, с одной стороны, объективны, ибо если произведение не обладает необходимыми для людей свойствами, то оно не может стать ценностью. С другой стороны – эти свойства относительны, подвижны, изменчивы, зависят от времени использования текстов, от менталитетов, психологических и других качеств, потребностей, интересов, уровня подготовки пользователей" [261, с.145].

Соглашаясь с мнением автора, мы полагаем, что, анализируя произведение искусства слова, необходимо исходить из специфики художественной информации, которую отличает ряд особенностей. Прежде всего, художественная информация включает в себя творческое отношение автора, который выступает как деятель и как транслятор, передающий свою деятельность реципиенту, формируя творческую направленность личности. Это происходит потому, что жизнь (изображаемое) для художника выступает объектом не только изучения, а главным образом непосредственного воздействия и преобразования.

Другая особенность художественной информации обусловлена образной передачей содержания произведения искусства слова, его ценности. Такие характеристики художественной информации, как символизм, метафоричность, неопределенность, незавершенность, активизируют в библиографическом метатексте пласт сегментов, обращенных к эмоционально-чувственной сфере реципиента.

Важнейшей задачей библиографического анализа является сочетание ценностного и интерпретационного аспектов прочтения произведения искусства слова. Произведение искусства слова не равно само себе, оно уменьшается или увеличивается в своей художественности. Постижение смысла произведения и его оценка со-

вершенствуются с помощью библиографического анализа. Библиографический анализ художественного текста должен охватить и стиль, и язык, и художественную концепцию, и эстетическую значимость, т.е. смысловые и ценностные аспекты произведения.

В ходе специфического прочтения мы прослеживаем смыслы художественного текста. Под смыслом мы понимаем не значение слов или словосочетаний, которое фиксируется в словарях. Мы имеем в виду нечто другое: коннотативные вторичные смыслы произведения искусства слова. Они могут иметь форму ассоциаций. Например, описание внешности персонажа, которое занимает несколько страниц романа или повести, в библиографическом метатексте может быть выражено одним словом: "добрый", "злой", "нервный", "спокойный" и т.д. Библиографический анализ строится по принципу постепенного продвижения по тексту. Поначалу ход нашего анализа совпадает с процессом обычного чтения, так как интерпретатор первично является читателем, а затем уже исследователем данного текста. Для специфически художественного восприятия представляется более важным процесс порождения смысла. Остановимся более подробно на особенностях процесса порождения смысла в рамках профессионального художественного восприятия. Важно понять, как это происходит. Процесс рождения смысла является стержневым в формировании художественного мира произведения, поскольку, как уже отмечалось, художник интерпретирует не действительность как таковую, а многоуровневую систему смыслов. Безусловно, понятие смысла применимо не только к художественной деятельности, любой акт человеческого мышления, так или иначе, можно определить как "рождение смысла". Однако может быть либо относительная рационализация смысла (обычный научный анализ), либо углубление его с помощью других смыслов (философско-художественная интерпретация). Это означает, что специфика реализации художественного смысла заключается в его подвижности и интерпретируемости в рамках уже имеющихся смыслов. Важно, что в произведении искусства слова интерпретатор имеет дело со сложившейся много-

уровневой и подвижной системой смыслов.

Смыслы, заложенные автором в произведении, являются мировоззренческим фундаментом, на котором базируется художественный мир произведения. Кроме того, существует множество смыслов, рождающихся внутри произведения искусства как результат внутреннего диалога. На этом уровне важнейшее значение приобретает процесс самодвижения образов, развития внутренней логики, возникает ограниченность влияния на эту сторону формирования смысла художника.

Для нас важны смыслы, складывающиеся в профессиональном сознании через взаимодействие с произведением искусства слова. Здесь на первый план выходит интерпретация смыслов, имеющих на других уровнях в сознании воспринимающего. Интерпретация во многом ограничивается личным опытом библиографа и в каждом конкретном случае не исчерпывает содержание произведения искусства. При этом следует оговориться: рождение смысла, происходящее на границе сознаний автора и воспринимающего, не означает полного субъективизма и свободы со стороны интерпретатора по отношению к художественному содержанию. Во-первых, художник, выстраивая реальность своего произведения, так или иначе "программирует" движение читательской эмоции и мысли. Во-вторых, при всей многоголосности значений художественного высказывания оно "не может до конца освободиться от власти тех конкретных контекстов, в которые оно входило". Другими словами, смыслы, вложенные автором в произведение искусства слова, являются устойчивым инвариантом, вокруг которого движется весь процесс смыслообразования при свертывании художественной информации. Это важно учитывать, когда речь идет о функционировании произведения искусства в другом социокультурном контексте. Любое действительно глубокое произведение находит свое место в системе нового духовно-ценностного отношения. Одни смыслы выходят на первый план, другие – становятся менее существенными. Многозначность художественного образа постигается только через

многочисленность контекстов его понимания. "Даже прошлые, то есть рожденные в диалоге прошедших веков, смыслы никогда не могут быть стабильными,— пишет М.М.Бахтин,— они всегда будут меняться (обновляясь) в процессе последующего, будущего развития диалога. По ходу его они вспомнятся и оживут в обновленном (в новом контексте) виде" [30, с.77].

Мы не должны в процессе анализа раскрывать все смыслы произведения. Нам важно показать отправные точки смыслообразования, а не его конечный результат, иначе мы столкнемся с давней, но существующей до сих пор проблемой пересказа. Данную проблему рассматривал еще С.А.Трубников, который, в частности, отмечал, что "... подобные аннотации не усиливают, а притупляют интерес к произведению" [252, с.28].

Итак, близость библиографических задач описания, толкования и объективирования проблематики художественного произведения герменевтическому опыту позволили адаптировать требования герменевтики к потребностям библиографического метатекста. Отвергая всяческий субъективизм, герменевтика показывает недостатки понятия "рекомендательная характеристика", редуцирующего и упрощающего до однозначности идейную направленность произведения искусства слова. Герменевтика не притязает на истинное, но дает осмысленное прочтение текста, поэтому библиографический метатекст – есть вариант прочтения. Метатекст не абстрактная схема, которая одна только и способна раскрыть содержание и под которую могут быть подведены все вопросы, сообщающие ей смысловую однозначность. Мы смотрим на этот вопрос диалектически, полагая в смысловом генезисе учет альтернативных мнений и неограниченных возможностей прочтения текста.

2.3 Технологический алгоритм создания художественной

информации по способу декодирования смыслов художественного текста

Проблема кодирования актуальна для библиографии, особенно при создании библиографических метатекстов. Адекватное понимание смысла текста требует наличия связного набора сведений. В свою очередь, понимание ранее неизвестного текста способно внести нечто новое в его осмысление. Художественная информация не дает готовых знаний. Они воплощены в сюжете, художественных образах, теме, проблеме произведения и т.д. Через эти категории автор как бы кодирует смысл своего творения. Неважно, сознательно ли писатель (то есть кодирующий) использует коды, чаще всего часть из них используется неосознанно, но профессиональное восприятие библиографа для построения технологии создания библиографического метатекста предполагает знание и использование следующих кодов.

1. **Код культуры** – включает в себя все необходимые сведения о культуре (в широком смысле) данной эпохи, опять-таки, необходимые для того, чтобы мысль повествователя была ясно понята.

2. **Код повествовательных действий, или акциональный код** – характеризует последовательность действий, описываемых событий, сюжетных линий.

3. **Код коммуникации, или адресации** – характеризует направленность на конкретного читателя.

4. **Символический код** – создает фон глубоких психологических мотивов, в скрытом виде заключенных в повествовании.

5. **Герменевтический код** – содержит в себе формулировку вопроса, который задается в повествовании, формулировки возможных ответов.

6. **Аксиологический код** – объединяет в себе содержание вышеназванных кодов, формирует оценочное суждение и ценностную ориентацию.

В рамках нашего исследования понятие "код" не должно по-

ниматься в строгом значении термина (в кибернетическом плане). Мы называем кодами ассоциативные поля, свертковую организацию значений, которые определяют представления о данной структуре; код принадлежит главным образом к сфере культуры, ибо коды – это определенные знаки уже виденного, уже сделанного, уже читанного. По убеждению М.Г.Вохрышевой, "именно знак, кодирующий человеческий опыт, входит в объектную сферу библиографии" [65, с.23].

Кодирование информации предполагает запечатление факта и особенностей переживания его автором (смысловая интерпретация); декодирование, восприятие факта, авторской интерпретации; построение своей системы с предварительным кодированием авторской. Свертываемость информации, ее кодирование и перекодирование – это основа библиографической деятельности, сущность которой и состоит в кодировании для других или перекодировании добытого знания, переводе его на язык более или менее широкого назначения. Система кодов включает и техническую, и духовную стороны, тесно связанные между собой. Необходимо правильно выбрать конкретный тип восприятия художественного произведения, чтобы код превратился в поступок, критерий которого лежит в плоскости "добро – зло" как нравственный параметр. Ключ к кодированию в библиографическом метатексте – сам интерпретатор художественного произведения вместе со своими нравственными критериями, пониманием духовности. Код не несет в себе концепта авторского замысла, а является лишь вспомогательной формой выражения смысла (технический контекст). Он не должен жестко ограничивать смысл, поскольку его авторская интерпретация накладывает отпечаток на смысловой результат; найденный смысл не будет являться единственно правильным, так как каждый читатель найдет в нем новые субкоды и смыслы. Код не сводим только к техническому контексту, он и есть сжатая до предела информационная вселенная художественного произведения. Этой информационной вселенной присущ и свой дух, и то живое творческое начало, без которого невозможно было бы говорить об истинной глубине понима-

ния. Для нашего исследования духовным сжатым контекстом произведения искусства слова является библиографический метатекст, который позволяет выйти на новый, целостный горизонт видения и понимания, для которого код является пусковым механизмом построения движущейся целостности смысла.

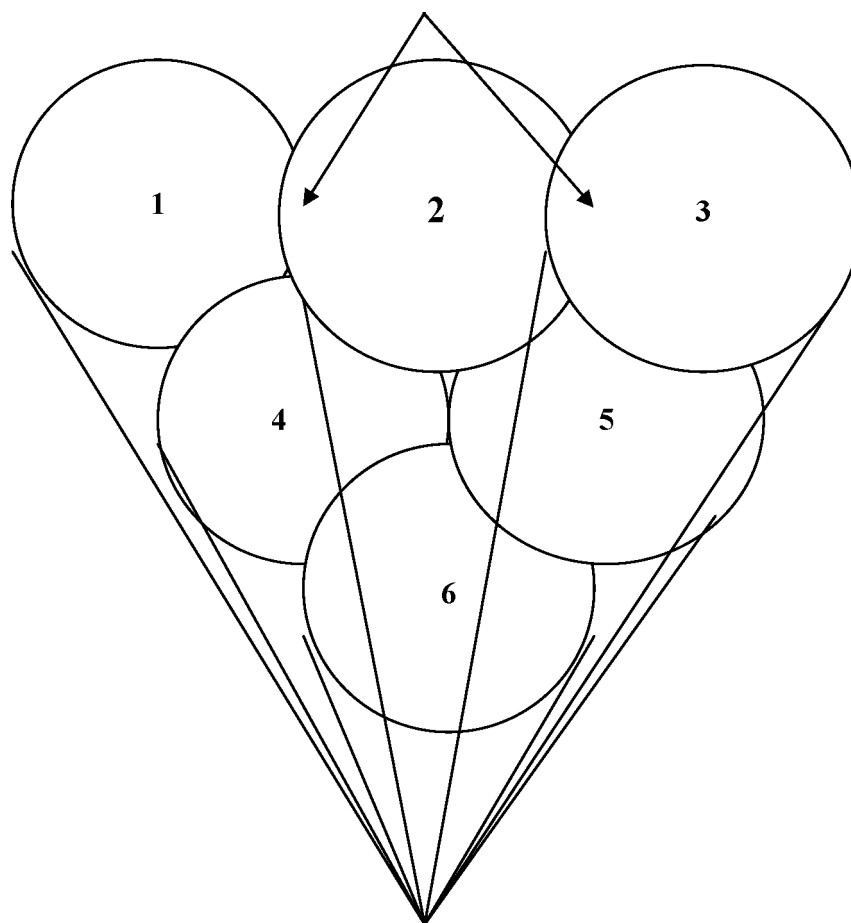
Коды являются составляющими частями художественного произведения, хотя и носят не ярко выраженный характер. Их отражением в библиографическом метатексте являются элементы того или иного жанра. Рассмотрим конструкцию кодов в виде графической модели. Если представить художественное произведение в виде сферы, то каждый код можно изобразить как конус, направленный острием в центр сферы, где он выступает в качестве составляющей другого кода. Итак, конические секторы, располагаясь рядом, пересекаются и образуют смежные зоны, которые служат основанием для порождения библиографического метатекста (рис 1).

На уровне читательского восприятия в условиях множественности художественных кодов органически сочетаются различия в толковании произведений искусства, чем и характеризуется способность различных интерпретаций произведений искусства.

Нельзя не согласиться с высказываем Ю.М.Лотмана о том, что "строго однозначное определение значения художественной модели возможно лишь в порядке перекодировки ее на язык нехудожественных моделирующих систем. Художественная модель всегда шире и жизненнее, чем ее истолкование, а истолкование всегда возможно лишь как приближение" [175,с.52]. С этим связан известный феномен, согласно которому при перекодировке художественной системы на нехудожественный язык всегда остается та непереуловленная свехинформация, которая возможна лишь в художественном тексте. Перекодирование специфически художественной информации на язык нехудожественных моделирующих систем не может быть осуществлено без определенных потерь, несмотря на это, оно практиковалось в истории культуры и будет практиковаться в дальнейшем, поскольку стремление соотнести эстетические модели с этическими, философскими, политическими, религиозными органи-

чески вытекает из самой социальной функции искусства.

Совмещенные зоны на стыках и пересечениях кодов

Основание библиографического метатекста

Рис. 1. Графическая модель кодирования художественной информации:

1 – акциональный код,	4 – символический код,
2 – код культуры,	5 – герменевтический код,
3 – код коммуникаций,	6 – аксиологический код

Библиограф применяет кодирование при создании библиографического метатекста, чтобы реально использовать принцип экономности мышления, обеспечивающий изложение информации предельно ясно, сжато и последовательно. Подробнее остановимся на кодах, которые автор метатекста сознательно или бессознательно, но обязательно использует при интерпретации произведения искусства слова. Отдельно взятый код дает возможность выявить определенные смыслы произведения (рис.2).

Культура дает код, позволяющий осмыслить, воспринять и понять произведение искусства слова. Одновременно она является ключом к интерпретации произведения, поскольку оно возникает на основе определенной культурной традиции и в её русле существует, движется, социально осуществляется. Именно в поле культуры художественное произведение выражает, закрепляет и передает воспринимавшему художественные идеи и образы.

Кроме того, код культуры – это код человеческого знания, общественных мнений, представлений культуры, так как они транслируются книгой. Знание как система правил, выработанных обществом, – вот референция этого кода, который включает в себя множество субкодов: научный, этический, риторический, хронологический, социоисторический и т.д. Так библиограф-интерпретатор, не удовлетворенный явным значением произведения, пытающийся заглянуть за его авансцену, открывающий в романе или поэме различные "реминисценции", литературные и нелитературные "заимствования", "влияния", неожиданные "источники", "скрытые цитаты", выходит на экстралингвистический уровень текста. Здесь его взору открываются многочисленные переходы, ведущие не только к авторской интенции, а к контексту культуры данного текста. Однако изучение "источников" и "влияний" раскрывает лишь ту незначительную часть текста, где сам автор еще не вполне утратил сознательную связь с культурным контекстом, между тем как на практике каждый контекст сплетён из необозримого числа культурных кодов, которые художник вложил в свое произведение порой бессознательно. Культурный код "... это перспектива множества цитаций, мираж,

сотканный из множества культур..., единицы, образуемые этим кодом, – не что иное, как параллели с тем, что уже было читано, пережито. Отсылая к уже написанному, к Книге (книге культуры, жизни, жизни как культуры), он превращает текст в каталог этой книги" [29,с.19].

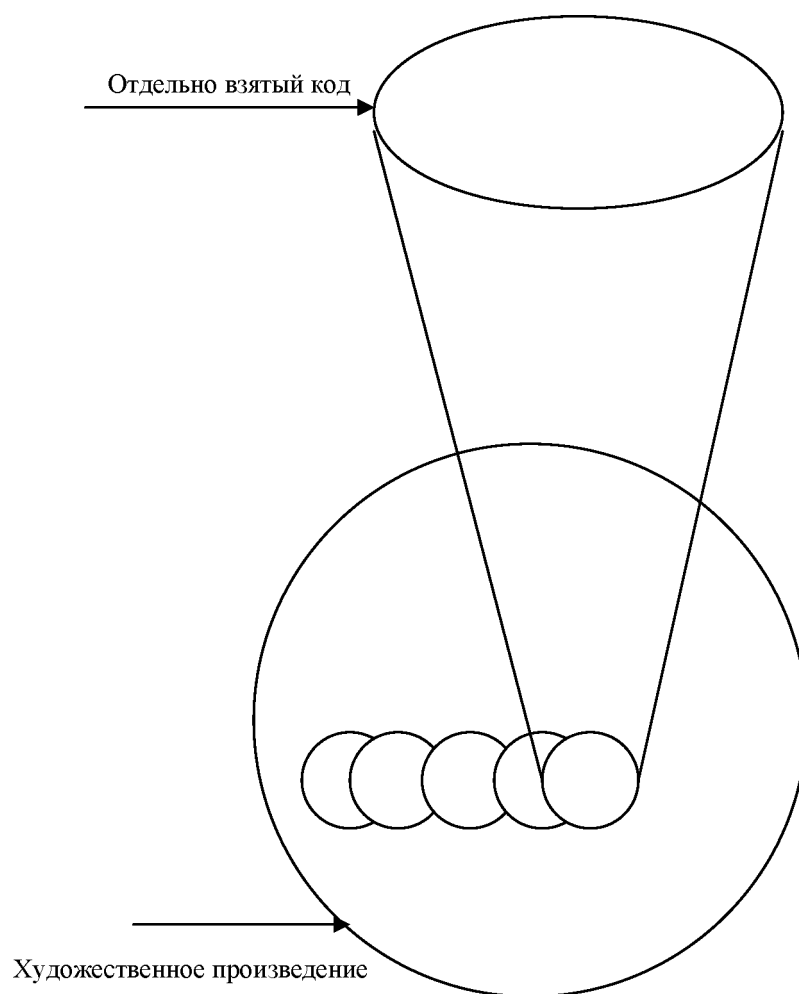

Рис. 2 Отображение отдельного кода художественной информации

В завершенном художественном произведении варианты имманентного события образуют целое, которое по отношению к имманентным процессам формирования есть некая завершенность в этом смысле – событие более высокого порядка. А по отношению к другим художественным произведениям, художественной культуре и жизни, способной взаимодействовать с ними по художественным законам, оно представляет собой открытую систему события. Так, любое художественное событие более высокого порядка может вступать во взаимодействие с другими, подобными ему, и образовывать новый смысл или обновленные, дополнительные варианты старого смысла. Стало быть, художественное произведение всегда является событием, не абсолютно, а лишь относительно завершенным – здесь проявляется открытость системы к новым взаимодействиям, к новым формам события. Однако это взаимодействие происходит уже не в сфере собственного искусства, а в области художественной культуры, где произведение в определенных условиях может даже утратить свою художественность и превратиться в исторический памятник.

Произведение увлекает за собой и читателя, и исследователя (который первично является просто читателем) умело построенным сюжетом, выразительно обрисованными характерами и т.п. Участвуя в судьбе его персонажей, подчиняясь его выверенной организации, воспринимающий совершенно бессознательно выбирает и всю его топику, а вместе с ней и тот порядок культуры, представлением которого является данное произведение. В процессе прочтения реципиент впитывает все культурные стереотипы, сфокусированные в произведении искусства слова. Художественный текст есть не что иное, как особо эффективный (ибо он обладает повышенной суггестивной силой) механизм для внушения подобных стереотипов, закодированных на языке определенной культуры. Следовательно, библиографический метатекст является памятью произведения, ко-

торое состоит из множества равноправных кодов, причем "помнит" культуру прошлого, настоящего и будущего. Особенно важной в связи с этим представляется идея культурного контекста. Эстетическое сознание с его способностью к бесконечному диалогическому общению с помощью ассоциаций обеспечивает уникальную возможность выхода в культурный контекст. По существу (и это очень принципиально) художник имеет дело не просто с определенной действительностью: он видит ее через многоликую призму культуры (национальной, региональной, европейской, восточной и т.п.). Именно в эстетическом акте как реакции на целое, в результате которого и создается целостность, осуществима универсальная связь людей с очеловеченным, культурным миром. В художественном произведении духовное реализуется через культурный контекст в сложной перекличке культурных сюжетов. Таким образом, вечное входит в художественное целое.

Так, в рекомендательном библиографическом указателе "Лишь слову жизнь дана" в обзоре, посвященном творчеству И.А.Бунина, мы находим тонкое ассоциативное сравнение при определении темы романа *"Жизнь Арсеньева"*: *"... это история становления творческой личности, прорастания в юном существе художественного дара. Образовать в себе из даваемого жизнью нечто истинно достойное писания – какое это редкое счастье и какой душевный труд". Это и роман о любви, и о "воспитании чувств"* [168, с.29]. Такая ассоциация понятна тем, кто знаком с конкретным кодом культуры, предполагающим текстуальное знакомство с романом Г.Флобера *"Воспитание чувств"*.

Примером применения кода культуры в обзоре, посвященном творчеству У.Коллинза в библиографическом эссе *"Тяжелые времена и большие надежды"* (герой английской литературы XIX в.), могут служить ассоциативные связи со словами А.С.Пушкина: *"... Граф Фоско считает себя сверхчеловеком, попирающим добродетель"*.

тель по праву сильного. Он и впрямь наделен железной волей и блестящим умом. Но без "чувств добрых" (которых ценность неоспоримая) он все-таки человек "частичный", обделенный. Выражаясь его языком – "недочеловек" [195, с.70].

Правильно выстроить хронотоп произведения позволяют субкоды культуры, в частности, хронологический. Датирование часто кажется само собой разумеющимся, естественным, объективным, но на самом деле оно представляет собой практику, глубоко обусловленную культурными правилами. И действительно, читателю будет трудно иметь представление о культурном хронотопе художественного произведения, если интерпретатором в библиографическом метатексте не будет раскрыт хронологический код произведения. Вот как представляется хронологический код в аннотации на роман С.Аллилуевой "Далекая музыка" [164, с.71].

"... Это третья из серии автобиографических книг дочери Сталина Светланы Аллилуевой (р. 1926 г.). Она написана в 1983 г. в Англии и повествует о пятнадцати годах с 1967 г. жизни автора в США. Эта книга заставляет забыть о ее родстве с "великим тираном" и заинтересовывает личность автора – сильной, умной, независимой женщины... "

В данном аннотационном тексте хронологический субкод тесно смыкается с историческим кодом. Это логично, так как хронологические рамки подразумевают определенную ситуацию времени, совокупность хронологических вех составляет сильный культурный код (исторически обусловленную манеру членить время в целях драматизации), социоисторический код позволяет связать смыслы художественного произведения с суммой знаний о нашем времени, нашем обществе, нашем государстве и т.д. На первый взгляд может показаться, что мы возводим в ранг кода предельно банальные детали художественного текста, но именно их столь очевидная банальность, незначительность и предполагает вхождение в состав кода,

который можно определить как корпус правил настолько расхожих, что мы их принимаем за определенные природные данности.

Код повествовательных действий или акциональный код. Смысл произведения "выкристаллизовывается" из первоначально смутных первых впечатлений о творении. Название произведения постепенно связывается с теми отношениями, которые составляют фабулу – основное содержание, где уже невозможно привнесение своих фантастических построений, а возможно лишь вслед за автором строить вербально-смысловой анализ, вычленивая глубинные смыслы, скрытые за внешним фактическим содержанием. Библиограф должен, не пересказывая сюжет, отделить главную мысль от фабульной оболочки, в сжатой, достаточно обобщенной форме дать ясную формулировку идеи. Примером применения акционального кода может служить следующий аннотационный текст на повесть Б.Е. Тумасова "Русь залесская": *"Как свидетельствует летопись, тверской князь Александр Михайлович призывал русских князей друг за друга и брат за брата стоять, оборонять русскую землю и всех православных христиан. В 1327 году он возглавил в Твери восстание против татар. Этим воспользовался Иван Калита, что и помогло ему получить ярлык на великое княжество. Таков драматический сюжет, заданный историей и разработанный в этой повести, которая написана в согласии с исторической наукой"* [184, с.18].

При составлении библиографического метатекста очень важно использование кода коммуникации. Но мы рассматриваем коммуникацию как особый код в системе автор – читатель, имеющий словесное выражение. Понятие «коммуникация» не охватывает в данном случае всех значений, содержащихся в тексте, данный код указывает на те отношения, которым автор придает форму обращений. Код коммуникации призван усилить диалог между автором и воспринимающим. Эти высказывания могут быть полностью пере-

несены в библиографический метатекст или интерпретированы в свои коммуникационные связи с реципиентом.

Примером использования кода коммуникации в аннотациях, обзорах, очерках и др. библиографических метатекстах являются диалогические отношения с читателем, такие как: *"...Вы заметили? Вам не скучно? Мы начали с социальных разоблачений, а вышли к проблемам общечеловеческим. В этом мы следуем по пути самого Мопассана. В своих произведениях писатель пытается разобратся в инстинктах и самых тонких движениях души человеческой. Порой он срывается в мистику, ибо он чувствует: объяснить, традиционно основываясь на разуме, что-то не все удастся..."* [87, с.12].

Символический код очень обширен. Наше понимание "символа" близко к психоаналитическому пониманию: символ – это некий языковой элемент, который позволяет увидеть, угадать некую иную площадку действия, нежели та, о которой прямо говорит высказывание. По определению Ю.М.Лотмана, символ связан "с идеей некоторого содержания, которое, в свою очередь, служит планом выражения для другого, как правило, культурно более ценного содержания"[175, с.776].

Символическому коду присущи такие свойства как образность (иконичность), мотивированность, комплексность, имманентная многозначность содержания, ему присуща универсальность в отдельно взятой культуре и культурах разных времен и народов. Декодирование символов в художественном произведении проходит через образ. Символический код в библиографическом метатексте есть знак, наделенный всей органичностью мифа и неисчерпаемой многозначностью образа. Предметный образ и глубинный смысл выступают в его структуре как два полюса, немислимые один без другого. Переходя в символ, образ становится прозрачным, смысл просвечивает сквозь него, будучи дан именно как смысловая глубина. В символах нет "...безразличия друг к другу значения и его обо-

значения, так же, как искусство состоит в связи, родственности и конкретной сплетенности значения и облика" [83, с.28].

Кодирование смысла с помощью символического кода, на наш взгляд, представлено в следующем аннотационном тексте: "... Роман Ч.Диккенса *"Повесть о двух городах"* посвящен эпохе Великой французской революции конца XVIII века. Кровь, камень, огонь – вот лейтмотив этой книги. Книги, которой Диккенс заклинал своих современников: ужасы террора (который всегда и любой – только кровавого цвета) не должны повториться на английской земле" [87, с.29].

С точки зрения структуры смыслового содержания символы представляются сложными знаками (именами) с единым комплексом в плане содержания, который создается сложением или совмещением значений. Образ (частное) и идея (абстрактное) поставлены в символическую связь, чтобы взаимно выражать друг друга. Абстрактная идея закодирована в конкретном содержании для того, чтобы выразить абстрактное через конкретное, но и конкретное кодируется абстрактным, чтобы показать его идеальный отвлеченный смысл. Элементы герменевтического кода очень дифференцированы: необходимо различать выдвижение загадки и её формулирование (изложение сути таинственного вопроса). Библиографическим метатекстом выдвигается загадка, например в обзоре, посвященном творчеству И.А.Бунина на рассказ писателя "Грамматика любви". Составителем следующим образом использован герменевтический код: "... любовь может быть чувственной, земной, романтической, возвышенной. Чем так поразила загадочная в своем обаянии Лушка помещика Хвоцинского? Но что за человек был этот Хвоцинский? Сумасшедший или просто какая-то ошеломленная, вся на одном сосредоточенная душа?" [168,с.29].

Аксиологический код – это ценностный статус произведения искусства слова. Ценность произведения – совокупный результат

всех его компонентов, а ценностное суждение о нем – результат обобщения того, что было добыто в процессе оценочно-мыслительного действия, библиографического анализа. При восприятии художественного произведения мы обязательно производим его оценку, ибо вне оценки восприятие его уже не будет восприятием как именно художественного произведения. И невозможно отрицать того, что, производя оценку художественного произведения, мы сравниваем его с другими произведениями, ибо только из сопоставления и может рождаться оценка. Для нас важно выявить, какую эстетическую ценность представляет то или иное произведение. Эстетическая ценность генетически связана с художественной. Отличие художественной ценности от эстетической в том, что она является ценностью для определенной цели, принадлежит произведению лишь с точки зрения эстетической ценности, реализованной в эстетическом предмете (художественном произведении).

Художественные же ценности выполняют служебную роль как в самом произведении искусства, так и вне его. Произведение искусства целиком ценностно. Оно состоит из аксиологически нейтральных и аксиологически валентных моментов. Первые, составляющие аксиологически нейтральный стержень произведения искусства слова, – это моменты, определяющие тот или иной вид искусства, его многослойность. Эти моменты в тех или других взаимосвязях выступают в соответствующем произведении искусства и конструируют его художественные ценности. Художественная ценность, таким образом, объединяет аксиологически нейтральные и аксиологически валентные элементы, представляет собой процесс перехода первых во вторые. Поэтому художественная ценность и есть средство для реализации эстетической ценности.

По утверждению М.Г. Вохрышевой, "библиографическая оценка связана с миром документов, который подвергается интерпретации и сравнительному оцениванию, в котором складываются

свои образы, эталоны, идеалы" [68,с.17]. Следует добавить, что это особенно важно для оценки литературного творения, которое обладает ярко выраженной спецификой художественной информации со своими образами, эталонами, идеалами.

Применение аксиологического кода вовсе не означает присутствия ярко выраженной оценки в аннотации или очерке, что противоречит самой природе библиографического метатекста, главной функцией которого является не оценить, а представить произведение искусства слова.

Примером прямой оценки служит следующий отрывок из библиографического обзора: «...Произведения Андрея Столярова, как правило, остросюжетны, отличаются наличием сложной интриги, овеяны духом мистики. Они мрачны по настроению, холодны, не эмоциональны. Романы автора несколько тяжеловесны и достаточно унылы... » [188, с. 67].

В нижепредставленном библиографическом метатексте аксиологический код представлен следующим образом: «...В творчестве О.С. Корабельникова большую роль играют мистика, миф, притча. Его художественный мир – это множество параллельных миров, где люди летают, животные разговаривают, а персонажи славянских мифов соседствуют с теми и другими. Автор вводит в подчеркнута реалистическую ткань повествования элемент необычного, иррационального, подчиняя то и другое общей теме – поискам человека истины. Фантаста во всех случаях привлекают грандиозные проекты и оригинальные гипотезы, независимо от их продуманности или правдоподобия. С художественной точки зрения романы О. Корабельникова малоинтересны; они написаны в традиционном для своего времени стиле и духе. Тем не менее длительное время он считался, наряду с И.Ефремовым, одним из корифеев русской фантастики... » [224, с. 77].

Приведенные выше примеры вряд ли могут заинтересовать читателя, во-первых, потому что мешают его свободе выбора, во-вторых, мешают умению мыслить, иметь свое мнение и суждение о прочитанном произведении. Их явная тенденциозность, снижающая достоинства художественного произведения, не может служить образцом для создания библиографического метатекста. Эти высказывания выпадают из логики объективного кодирования и не оставляют читателю права самому выносить оценки и суждения.

Представленная ниже схема иллюстрирует процесс библиографирования художественных произведений в логической последовательности: художественный текст – коды – библиографическая деятельность по декодированию смыслов – жанровое разнообразие библиографических метатекстов.

Для библиографического анализа коды важны как отправные точки "уже читанного", интертекстуальности. При этом у библиографического анализа двойственная функция: сначала происходит декодирование смыслов художественного текста, а затем кодирование с учетом специфики библиографического метатекста, который служит механизмом понимания между произведением и реципиентом. Это понимание диалогично прежде всего тем, что состояние предвосхищения удовольствия от встречи с прекрасным ищется и признается до горизонта собственного ожидания. Оно корректируется и расширяется посредством опыта "другого" (библиографа). Отмечая близость познавательно-когнитивного процесса современному эпистемологическому алгоритму с деятельной творческой организацией процесса создания библиографического метатекста, мы разработали технологический алгоритм поэтапного создания библиографического метатекста. Процесс декодирования смыслов первоисточника и их кодирование являются двумя взаимосвязанными компонентами библиографической деятельности по свертыванию художественной информации, начиная от восприятия и заканчивая

построением сложного структурно-содержательного образования – библиографического метатекста.

Он отражает последовательность этапов познавательной и профессионально-ориентированной деятельности по созданию библиографического метатекста (табл. 1).

**Таблица 1. Технологический алгоритм
создания библиографического метатекста**

Этапы когнитивно- креативной деятельности библиографа	Содержание библиографической деятельности
Восприятие текста	Организация и направленность библиографической деятельности на познание текста. Мобилизация существенных сил специалиста: зрения, эмоциональной сферы и др. Вхождение в интеллектуальный диалог с автором художественного текста (код культуры, акциональный код)
Осмысление и понимание	Работа в смысловом контексте. Операции анализа. Эмоциональное сопереживание с миром героев. Полилог с образной системой произведения. Соотнесенность с имеющимися знаниями по кодированию художественного текста (герменевтический код, символический код)
Выбор смыслов	Позиция выбора важных для метатекста смыслов художественного текста с учетом жанрового своеобразия. Выбор соответствующей лексики метатекста для сохранения авторского замысла и стиля художественного произведения (аксиологический код)
Креативная рефлексия	Обращение к исходным целям, первичным установкам и смыслам. Процесс свертывания информации, коррекция первичных выборов
Написание библиографическо- го метатекста	Преобразование исходных данных в библиографический метатекст в удобной, краткой, сжатой форме. Соблюдение требований актуальности, читательского интереса, доступности, образности, соразмерности, гармоничности и др. (код культуры, акциональный код, символический код, коммуникативный код)

2.4 Формирование умений по свертыванию художественной информации

Отраслевая библиографическая подготовка является неотъемлемой частью профессионального образования библиотекаря-библиографа. Предложенное представление о библиографическом метатексте позволяет выстроить особую методику обучения аннотированию художественных произведений. Новизна постановки вопроса и терминологического аппарата требует тонкой организации и дидактически обоснованного включения библиографического метатекста в программы читаемых курсов, разработки условий формирования знаний о библиографическом метатексте в профессиональном сознании.

С целью оценки и совершенствования умений и навыков библиографирования художественной литературы было проведено исследование среди студентов – будущих библиографов.

Гипотезой исследования явилось то, что знание структуры, жанрово-стилистических особенностей библиографического метатекста, умение выявлять коды художественной информации позволяют совершенствовать методику аннотирования художественной литературы, способствуют становлению профессионального ценностного отношения к произведению искусства слова.

В задачи эксперимента входило:

1. Выявить затруднения, возникающие у будущих специалистов в процессе аннотирования художественных произведений.
2. Экспериментально обосновать значение теории библиографического метатекста для аннотирования художественной литературы.
3. Рассмотреть уровни сформированности навыков и умений в их динамике.

Специалистам было предложено составить аннотационные тексты на четыре художественных произведения из различных жан-

ров художественной литературы: И.А. Бунин «Митина любовь» [М., 1984, 26 с.], Д.Л. Мордовцев «Москва слезам не верит» [М., 1993, 464 с.], А.Д. Столяров «Монахи под луной» [Звезда, 1992, №1], А.Л. Найман «Статуя командира» [Октябрь, 1999, №4]. При этом студентам предварительно было дано время для прочтения данных литературных текстов.

На первом, констатирующем этапе, студентам предлагалось написать аннотации на предложенные произведения, после чего составить анализ самозатруднений. На формирующем этапе будущим специалистам был прочитан курс по выбору, программа которого позволила студентам освоить знания по аннотированию художественной литературы с учетом специфики библиографического метатекста.

На втором этапе студентам было предложено написать аннотации на те же произведения с использованием полученных знаний. В результате эксперимента было получено 2592 аннотационных текста. Обработка данных самозатруднений позволила получить сводный самоанализ затруднений при составлении аннотаций, а также проследить динамику роста навыков и умений при аннотировании художественной литературы. Остановимся подробно на самоанализе затруднений (табл.2).

До спецкурса обобщение сведений об авторе вызвало сильные затруднения у 41% испытуемых, небольшие затруднения испытывали 36% опрошенных и только 23% участников эксперимента ответили, что не испытывают затруднений вообще. Анализ полученных на первом этапе эксперимента аннотаций показал, что сведения об авторе раскрыты недостаточно, а часто отсутствуют вообще. Однако эти сведения, на наш взгляд, являются необходимыми, так как художник выступает субъектом в диалоге "Автор (носитель слова) и понимающий", а аннотационный текст является установкой для читателя в этом диалоге.

**Таблица 2. Самоанализ затруднений
будущих специалистов при аннотировании
художественных произведений**

№ п/п	Характер умений	Степень затруднения					
		Сильно затрудняюсь		Испытываю небольшие затруднения		Не испытываю затруднений	
		до изуче- ния курса по выбо- ру	после изуче- ния курса по выбо- ру	до изуче- ния курса по выбо- ру	после изуче- ния курса по выбо- ру	до изуче- ния курса по выбо- ру	после изуче- ния курса по выбо- ру
1	Обобщение све- дений об авторе	41	9	36	20	23	71
2	Вычленение те- мы произведения	28	17	68	24	4	59
3	Поиск культур- ных ассоциатив- ных полей про- изведения	72	19	22	9	6	72
4	Мышление сим- волами и обра- зами	53	18	34	13	13	69
5	Определение пространствен- но-временного континуума про- изведения	54	15	34	17	12	68
6	Выделение сю- жетных линий произведения	49	22	38	11	13	67

Окончание табл. 2

7	Умение оставаться в рамках жанра	27	12	46	14	27	74
8	Постановка проблемы произведения	36	17	50	26	14	57
9	Способность выстроить обращения к читателю	76	21	17	8	7	71
10	Умение выделить художественные достоинства произведения	68	11	26	21	6	68
	Средний балл	50	17	37	16	13	67

Индивидуальность автора как творца получает совершенно особую объективацию, противоположную способу объективации героев. Если герои присутствуют в мире произведения в качестве персонажей, действующих лиц жизненной драмы (т.е. объективированы непосредственно), то автор объективирован опосредованно, через занимаемую им позицию "ценностной вненаходимости" (М.Бахтин). Он выражает себя через форму, в интонации, смысловой окраске, способе структурирования материала, несущем заряд энергии, свой избыток видения.

На втором этапе эксперимента количество сильно затрудняющихся сократилось на 32%, испытывающих небольшие затруднения – на 16%, а число не испытывающих затруднения увеличилось на 48%.

В процессе обучения было достаточно внимания уделено авторскому стилю как фактору раскрытия сведений об авторе. Поэтому будущие библиографы представляли автора не только чисто биографическими данными, но и с использованием элементов авторского стиля в библиографическом метатексте. Важно, что будущие

специалисты освоили умение донести до читателя посредством аннотации непринужденность речи, дробность детали, живописность стиля Бунина; внешнюю сдержанность стиля Мордовцева, скрывающую сильные и глубокие переживания и т.д.

Подтверждением использования авторского стиля в аннотации могут служить следующие библиографические метатексты, представленные на повесть И.А.Бунина "Митина любовь" до и после специального обучения.

I аннотация: *" В двадцатые годы И.А.Бунин создал несколько произведений, ставших новым словом не только в его творчестве, но и во всей русской литературе на неувядающую тему – любовь. У Бунина складывается своя философия любви. В это время проза Бунина приобретает необычайную лирическую выразительность, сближающую ее с поэзией. Радости и страдания первой любви в жажде счастья – вот лейтмотив данной повести".*

II аннотация: *"В книгах и в жизни все как будто раз и навсегда условились говорить или только о какой-то почти бесплотной любви, или только о том, что называется страстью, чувственностью. Его же любовь не похожа ни на то, ни на другое", – пишет И.А.Бунин о чувствах своего героя Мити. Истинная любовь редка, она настигает человека внезапно, как солнечный удар, поражает все его существо, и так же, как удар, совместный путь влюбленных не может быть долгим. Но зато и память о такой встрече неизгладима. Более того, лишь потеряв любовь, человек начинает ценить ее, понимает, что она-то и была его единственным счастьем. Почему такая загадочная любовь Мити? Что с ней произошло? Читатель узнает, только пережив данное чувство с главным героем".*

Анализ аннотаций показывает, что первый аннотационный текст построен по принципу описательности, носит более очерковый, литературоведческий характер. В библиографическом метатексте нет эмоционально-оценочного и экспрессивного компонентов. Поэтому вряд ли он вызовет живой интерес у воспринимающего.

Второй аннотационный текст более отвечает канонам построения аннотации как разновидности библиографического метатекста. Использование стиля И.А.Бунина, прямого цитирования помогает наиболее адекватному восприятию концепта авторского замысла. Применение герменевтического кода, кода культуры, кода коммуникации делает второй аннотационный текст ориентированным "на другого" – читателя, внутренняя мотивация которого совпадает с рассуждениями автора об истинной любви.

Исходя из специфики жанра, аннотационный текст не может дать развернутый портрет писателя, однако во многих аннотациях мы встретились с подробными описаниями творчества писателей. Так, в частности, представлен автор в аннотационном тексте на роман Д.Л.Мордовцева "Москва слезам не верит":

"Даниил Лукич Мордовцев (1830 - 1905) оставил после себя большое литературное наследство: исторические труды, публицистику, многочисленные романы и повести исторического содержания. Центральное место в них занимает история России, преимущественно допетровского времени. Человек демократических убеждений, он проявлял интерес к народным движениям, которые, по его мнению, вынесли на поверхность отечественной истории два противоположных, но в чем-то родственных типа - разбойника и святого подвижника. Так, период церковного раскола на Руси XVII в. и его центральных фигур – протопопа Аввакума, патриарха Никона и вождя происходившего в то же время крестьянского восстания Степана Разина – тема романа "Великий раскол" (1880) и повестей "Сидение раскольников в Соловках" (1880) и "За чьи грехи?" (1890). В повести "Мамаево побоище" (1881) Мордовцев описывает битву русских во главе с князем московским Дмитрием Донским с ханом Орды Мамаем. Среди героев повести – благославивший русское воинство Сергей Радонежский, схимники – витязи Пересвет и Ослябя".

Несомненно, эти сведения интересны, но они уводят читателя от представляемого произведения "Москва слезам не верит". Да-

вать столь полное описание творчества писателя уместнее в очерке, обзоре, нежели в аннотации.

Вышеуказанный пример показывает также неумение оставаться в рамках жанра. Этот момент вызвал сильное затруднение у 27% испытуемых, 46% студентов ответили, что испытывают небольшие затруднения, 27% не испытывают затруднений вообще. После первого написания многие аннотационные тексты были написаны в стиле очерка, им не хватало свойственной аннотации лаконичности, компактности, знания особенностей библиографического стиля.

На втором этапе эксперимента число студентов, испытывающих сильные затруднения в умении оставаться в рамках жанра, сократилось на 15%. Количество испытывающих небольшие затруднения уменьшилось на 32%, а число респондентов, не испытывающих затруднения вообще, возросло на 47%. Таким образом, после обучения аннотационные тексты были представлены в более сжатой, экономной знаковой системе, сохранившей информационную насыщенность и эмоциональную привлекательность.

Художественная информация, как известно, не поддается логическому истолкованию, ибо все подлинные произведения символичны, потому что их интуиция проникает за пределы исторического времени и реального пространства, и явления реальной действительности постигаются ими в символической, образной форме.

Умение выделять в произведении искусства слова, символы, образы и переносить их в библиографический метатекст вызвало сильные затруднения при первом написании аннотаций у большей части опрошенных: их численность составила 75%; небольшие затруднения испытывали 23% испытуемых, и только для 2% будущих библиографов данное умение не вызвало затруднений. Для преодоления данной трудности студентам в процессе обучения было предложено применение символического кода. Студенты получили следующие знания о сущности данного кода и его месте в алгоритме создания метатекста. Символический код есть метод символизации

переживаний образами. Символ призван объединить мир художественного творения и мир высшей метафизической реальности. Объединение в структуре библиографического метатекста символов двух планов достигается методом символического раскрытия концепта авторского замысла. Символический код дает специалистам возможность проникнуть за грань эмпирического мира, обнаружить потенциальный смысл явления. В структуре художественного образа главную роль играют механизмы идентификации и перенесения. Символический код при свертывании художественной информации выступает как метод творчества, метод изображения идей в образах, тем самым предопределяя оригинальность и эмоциональную убедительность библиографического метатекста.

На втором этапе эксперимента количество обучаемых, у которых данное умение вызывало сильные затруднения, сократилось на 35%, число испытывающих небольшие затруднения уменьшилось на 21%, а количество респондентов, не испытывающих затруднения, увеличилось на 56%. Итак, умение использовать символический код способствует развитию художественно-образного мышления у обучаемых, формирует образное мышление библиографа, направленное на выявление и представление образов в библиографическом метатексте. Художественно-образное мышление специалиста движется от монологичности к диалогичности, от однолинейности к полифоничности восприятия. Для библиографа это современный гуманитарный способ мышления, когда профессионал как бы входит в объект, предмет и процесс исследования, "вживаясь" в его логику и чувствуя себя чрезвычайно свободно именно потому, что он не осуществляет насилия внешней логикой над анализируемым объектом, а живет в нем, выявляя его концепт и формулируя его. Художественно-образное мышление библиографа это, прежде всего, деятельность, протекающая в системе художественной реальности, символы и образы которой должны быть закодированы в процессе порождения библиографического метатекста и раскрыты читателем в восприятии художественного творения.

Вот, например, как использован символический код при аннотировании романа А. Столярова "Монахи под Луной":

Главный герой романа – Страх. Пришедший из кровавых "тридцатых", страх этот опутывает разум людей в эпоху "застоя", лишает их воли, достоинства и даже человеческого лица. Он превращает коллектив в стадо, города в безликие населенные пункты, труд – в бессмысленную трату энергии".

Поиск культурных ассоциативных полей литературного произведения вызвал затруднения у большей части студентов – 72% от общей выборки, у 22% испытуемых данное умение вызвало небольшие затруднения, и 6 % опрошенных ответили, что не испытывают затруднений вообще. В общей методике аннотирования художественной литературы в курсе "Библиография художественной литературы и литературоведения" выявление ассоциаций, связанных с различными культурными смыслами, не затрагивается совсем. Поэтому та часть студентов, которая смогла провести параллели в диалоге культур, сделала это за счет опыта "уже читанного", общего кругозора, творческого мышления.

Ассоциации, основанные на знании кода культуры проявились как умения соотносить имеющиеся знания с анализируемым произведением. Данное умение сократило число обучаемых, испытывающих значительные трудности при поиске культурных ассоциаций, на 53%. Студентов, испытывающих небольшие затруднения, стало меньше на 13%. Количество опрошенных, которые совсем не испытывают затруднений, увеличилось на 56%.

Итак, произведение искусства слова – это текст в материальном плане завершённый, замкнутый и неизменный. Но исследователь акцентирует внимание не столько на материальной завершённости и замкнутости текста, сколько на границе произведения, т.е. отношении к другому произведению, к другому тексту, исторически меняющемуся контексту, вызывающему новые культурные ассоциации у читателя. Именно эти знания, применение кода культуры помогли студентке во втором аннотационном тексте провести парал-

лели между произведениями и героями разных жанров, художников, эпох. Так как сфера произведения искусства весьма разнообразна, решить проблему поиска ассоциативных полей произведения можно исходя из идеи необходимости анализа художественного творения в системе культуры. В данной идее сопряжены два принципиально существенных для понимания художественной ценности творения момента. Во-первых, акцент переносится на произведение искусства слова, а не на непосредственный творческий процесс художественной деятельности, поскольку анализ последнего подменяет аксиологический подход психологическим. Во-вторых, аксиологический подход предполагает, что творческий акт, воплощенный в произведении, должен быть понят библиографом посредством применения кода культуры, а не путем размышления над критическими статьями, трактатами, воспоминаниями, так как при этом специалист часто впадает в описательность.

Определение пространственно-временных характеристик аннотируемого произведения вызвало сильные затруднения у 54% испытуемых, небольшие затруднения – у 34% опрошенных, 12% не испытывали затруднений вообще. Наиболее распространенной ошибкой при определении пространственно-временных характеристик литературного произведения является прямое отождествление бытийной и художественной реальностей, сведение художественной правды к социологизму, однозначность и линейность критериев определения пространственных границ художественного текста, что приводит к неизбежной идеологизации временных границ творения.

Применение одного из субкодов – кода культуры, в частности хронологического, применение ранее введенного нами понятия "хронотоп художественного произведения" в процессе порождения библиографического метатекста значительно облегчает студентам определение пространственно-временного континуума художественного произведения. Об этом говорит самоанализ затруднений и качество полученных аннотационных текстов. Примером применения полученных в ходе обучения знаний могут выступать аннота-

ции, написанные на роман А. Столярова "Монахи под Луной" одной из студенток до и после обучения применению хронологического субкода.

I Аннотация: "... Действие романа не принадлежит к какому-то конкретному времени, определить его практически невозможно, запутанный сюжет и сплетение различных эпох предстоит распутать самому читателю".

II Аннотация: "... Действие романа А.Столярова происходит вне реального времени и пространства. В нем существует время, которое давно остановилось, оно называется Хронос. Существует день, который неуловимо повторяет самого себя. Это называется круговорот. В романе существует город, где сражаются чистые и нечистые. Он утопает в крапиве и лопухах. Это Ковчег. "Хронос! Круговорот! Ковчег!". Почему автор, как заклинания, повторяет эти слова, предстоит понять самому читателю".

Вышеприведенные примеры подтверждают, что литературное произведение представляет собой сложнейшую конструкцию различных хронотопов, находящихся в отношении диалога, выводящего смыслы за рамки собственного произведения – в мир автора и читателя. Поэтому категория хронотопа должна выступать не просто как классификатор мизансцен, задающих определенные сюжеты, а как основание, позволяющее разглядеть библиографу за каждой художественной реалией эмоциональный опыт данной эпохи, структуру этических смыслов творения.

Выделение сюжетных линий вызвало затруднения у 49% опрошенных, 38 % испытуемых ответили, что имеют небольшие затруднения, вообще не испытывали затруднений 13% опрошенных. Анализ аннотаций позволил сделать вывод о том, что определение сюжета является для студентов отвлеченным элементом аннотирования. Поскольку сюжет – это совокупность действий в том порядке, в каком они обобщены в произведении, в той связи, в какой даны в произведении сообщения о них, – то мало кто пытается перенести в аннотационный текст сюжет как загадку. Поэтому основная часть

студентов все-таки пересказывает сюжет в аннотации. Уместно разъяснить будущим специалистам, что в основе понятия "сюжет" лежит представление о событии. Событие – это ценностное поле произведения, где автор и герой, связанные диалогом, взаимно определяют, раскрываются, приобретают эстетическую значимость. Сюжет напрямую связан с кодом культуры и акциональным кодом. Поскольку наряду с семантической упорядоченностью текста имеет место и локальная, каждая из которых имеет свою понятийную границу, событие может реализоваться как иерархия событий более частных планов, как сюжет. В пределах одной и той же схемы культуры тот же самый эпизод, будучи помещен на различные культурные поля, может стать или не стать событием. На наш взгляд, определение сюжета в библиографическом метатексте невозможно в отрыве от персонажей. В рамках кода культуры можно выделить неподвижных персонажей и подвижных. Неподвижные принадлежат одному конкретному произведению, и переход за границы семантического поля для них запрещен. Подвижные персонажи выходят на пересечение границ культурных ассоциативных полей. Это Растиньяк, выбивающийся в люди, Ромео и Джульетта, переступающие "грань, отделяющую враждебные семьи", герой, порывающий с родителями, чтобы постричься в монахи и сделаться святым. Поскольку движение сюжета, событие – это пересечение той запрещенной границы, которую утверждает бессюжетная структура, то сюжет в библиографическом метатексте всегда может быть свернут в основной эпизод – пересечение основной типологической границы в его пространственной структуре. Уместнее элементы "сюжет" и "герой" в аннотационном тексте объединить в один – "Персонажи в сюжете".

Тема – это своего рода констатация, автор отразил такие-то характеры в таких-то ситуациях. В процесс обучения студенты уяснили, что тема сама по себе нейтральна. Строгого следования теоретическим определениям литературоведения вполне достаточно, чтобы не путаться в определении темы, проблемы, идеи. Но добавим, что это дело навыка, как и любой технологической

операции. Умение выделять тему произведения в курсе обучения мы пытались привить с помощью привлечения приемов литературоведения.

Количество испытуемых после обучения, имеющих сильные затруднения при определении темы, сократилось на 11%; испытывающих небольшие затруднения стало меньше на 44%; количество студентов, не имеющих затруднений, увеличилось на 55%.

С темой художественного произведения неразрывно связана его проблема. На первом этапе постановка проблемы произведения вызвала сильные затруднения у 36% опрошенных, 50% студентов ответили, что испытывают небольшие затруднения, не испытывали затруднения совсем 14% опрошенных. Поскольку в теме всегда есть проблема, проблематика обнаруживает авторский подход к теме и сопоставляет различные изменения ценности. Необходимо выделять проблемно-тематическое содержание как единый элемент. Это значительно облегчает выделение проблемы художественного текста у будущих специалистов.

Выявление художественных достоинств произведения искусства слова при первом аннотировании вызвало сильные затруднения у 68% испытуемых. 26% опрошенных ответили, что испытывают небольшие затруднения, и только 6% будущих специалистов показали, что не испытывают затруднений вообще.

Художественные достоинства произведения усиливают эмоционально-ценностный аспект профессионально-библиографического знания. При определении художественных достоинств произведений мера эстетического самосознания будущего специалиста проступает напряженнее, острее, яснее, осуществляется движение внутреннего диалога в контексте духа и идеи.

Эстетически уплотненное переживание мира, субъективность творца составляют сущность художественного произведения, которое подобно душе человека. Все ценности, заданные культурой, лишь тогда являются тканью произведения, когда они не задаются, не проповедуются, а растворяются в ценностном контексте опреде-

ленной личности. Это возможно только в акте эстетического созерцания библиографа, а не в процессе познания, поучения или самовыражения.

Важно развить умение будущего специалиста войти в процесс превращения мира жизни в мир искусства, разгадать их взаимопроникновение, тем самым понять феномен художественности. Данный феномен можно определить как художественные достоинства произведения. После обучения количество испытуемых с сильными затруднениями сократилось на 57%. Студентов, у которых возникли небольшие затруднения, стало меньше на 5%, а число не испытывающих затруднений возросло на 62%.

Необходимо научить различать истинно художественное произведение от литературных текстов, где на первый план выступает отображение действительности, а художественный мир оказывается второстепенным фактом.

2.5 Динамика уровней сформированности умений составления библиографического метатекста

Результаты исследования позволили выделить следующие уровни сформированности навыков и умений по созданию библиографического метатекста: репродуктивно-подражательный, поэлеметного анализирования и креативный. Критерии данных уровней представлены в табл.3.

Анализ библиографических метатекстов в соответствии с характеристиками уровней позволил сделать следующие выводы:

Репродуктивно-подражательный уровень характеризуется односторонним анализом и оценкой художественного произведения. Оценка ограничивается понятиями "хорошее произведение", "плохое произведение". Нет обоснованности, доказательности ценности произведения искусства слова. Для данного уровня характерно неумение выразить художественные достоинства произведения и постоянное обращение к "подобно" библиографического метатекста без критического осмысления.

**Таблица 3. Уровни сформированности умений составления
библиографического метатекста**

Название уровней	Критерии проявления навыков и умений	Критерии степени освоения понятий
Репродуктивно-подражательный	Интуитивное отношение к тексту, эмоциональное восприятие художественного текста, свертывание художественной информации в рамках образца, хаотичное изложение материала в анализируемом тексте, неумение оставаться в рамках заданного алгоритма	Освоение понятий на интуитивном уровне. Функциональная фиксированность на формальных примерах
Уровень поэлементного анализа	Выделение отдельных элементов текста, умение выделить наиболее значимые элементы, сбор фактов, построение связанных обобщений о произведении. Недостаточное владение технологией свертывания текста. Освоение приемов декодирования текста	Освоение понятий на уровне понимания, развитие ранее усвоенных знаний
Креативный	Трехуровневая рефлексия при восприятии художественного произведения, построение развернутого единого связного текста в соответствии с канонами жанра, представление произведения как ценности по алгоритму метатекста. Выбор приемов свертывания, адекватных исходному тексту	Освоение понятий в генетической взаимосвязи с методологическими и концептуальными знаниями библиографической науки

Репродуктивная деятельность (воспроизводящая, подражательная, исполнительная), характеризуется стремлением обучающихся понять, запомнить и воспроизвести знания, овладеть способом применения их по образцу. При аннотировании художественных произведений репродуктивно-подражательный уровень характеризует то, что обучаемый не проявляет инициативы в отыскании дополнительных смыслов художественного творения, его понимание однолинейно и однозначно.

Среди личных качеств библиографа, не позволяющих преодолеть репродуктивно-подражательный уровень восприятия художественной информации, можно выделить личностную тревожность, состояние собственной некомпетентности, страх перед непониманием художественного творения, неуверенность в правильности оценки художественного произведения и т.д. Репродуктивная позиция библиографа отличается тяготением к стереотипизации и стремлением составления библиографического метатекста через использование готовых средств, без ретроспективного анализа имеющихся знаний. Результат диагностирующего среза показал, что на первом этапе эксперимента на данном уровне находилось 56% опрошенных, после обучения количество студентов, оставшихся на репродуктивном уровне, уменьшилось на 49%.

Уровень поэлементного анализирования является промежуточным на подступах к креативному освоению библиографом художественной прозы. На данном этапе будущие библиографы в процессе свертывания художественной информации выделяют отдельные элементы аннотационного текста. Как показал анализ исследуемых аннотаций, часть испытуемых уделяют одинаковое внимание каждому элементу, в результате все существенные характеристики произведения искусства слова обладают равной информационной насыщенностью. Это мешает во-первых, оставаться в рамках жанра, во-вторых, построить аннотационный текст как связный, завершённый, целостный. На данном уровне специалист ещё не способен определить, в каком произведении больше внимания уделяется сведениям об авторе, в каком – сюжету или художественным достоинствам произведения. Каждое художественное произведение отражает мир действительности в своих творческих ракурсах. Важно научить всестороннему рассмотрению этих ракурсов, помочь преодолеть барьер оценки произведения с точки зрения отражения действительности по критериям верности, точности, правильности. Библиограф в большинстве случаев определяет произведение как идеальное.

Ему противостоит такой же абстрактный идеальный автор.

При таком понимании воспринимающий не может внести ничего своего, ничего нового в идеально понятое произведение, хотя для аннотационного текста важна точность отражения библиографируемого первоисточника. Точность предполагает совпадение вещи самой с собой. Однако для представления произведения искусства определение точности художественного творения, данное М.М.Бахтиным, может быть использовано библиографом в процессуальном поле свертывания художественной информации: "... точность – преодоление чуждости чужого без превращения его в чисто свое. Важнее всего здесь глубина – необходимость добраться, углубиться до творческого ядра личности, в котором она продолжает жить"[31, с.115].

Анализ аннотационных текстов показал, что неумение добраться до "глубины", "творческого ядра" лишают их экспрессии, эмоциональности, оригинальности, полноты изложения художественной информации. Такие аннотации относятся к уровню поэлементного анализа.

Преодолевая репродуктивный характер аннотирования художественных текстов, важно добраться до творческого вектора личности специалиста, которого должны отличать новое информационное мышление с мотивационно-оценочным отношением к своей деятельности.

Само создание библиографического метатекста – это решение творческой многоуровневой задачи, где эмоциональная оценка постепенно уступает место логическому моделирующему знаковому процессу. Продуктом такой деятельности является метатекст с его многогранными характеристиками.

По тонкому замечанию В.М.Бехтерева: "... для всякого творчества необходима та или иная степень одаренности и соответствующее знание, созидающее навыки в работе. Последнее развивает склонность в сторону выявления природных дарований, благодаря чему в конце возникает почти непреодолимое стремление или тяга к творческой деятельности" [39, с.40]. Творчество всегда направлено

на выявление скрытых внутренних связей изучаемого объекта. Поскольку таким объектом для профессионала является произведение искусства слова, креативное отношение библиографа проявляется в поисково-преобразовательной активности и реализуется в преодолении стереотипов, в продуктивном свертывании художественной информации вплоть до внесения новых знаний в библиографический метатекст.

Прагматическое, операционально-инструментальное освоение произведения искусства слова слишком ограничено незыблемыми канонами библиографирования художественной литературы. Значительно расширить свое непосредственное личностное проникновение в художественный текст сложно с помощью воображения, фантазии, мышления символами и образами, развивающимися в диалоге с произведением.

Воображение в данном случае работает в принципиально ином модуле контакта с художественной информацией, открывая новые значения и смыслы произведения искусства слова.

В работах, специально посвященных творчеству, отмечаются такие черты творческого мышления, как способность по-новому видеть уже известные факты и устоявшиеся суждения о них, ассоциативно связывать далеко стоящие друг от друга явления и процессы, гибкость мышления, умение преодолевать функциональную фиксированность. Все эти черты необходимы и для творческого мышления библиографа-профессионала в процессе свертывания художественной информации при создании библиографических метатекстов. Данную деятельность назовем методом создания креативного поля, где индивидуальное мышление специалиста вступает в диалог с автором и определяется множеством смысловых связей. Диалогичность данной деятельности заключается в вербальной природе, в тонком психологизме отношений, в богатстве содержания художественной информации.

На творческом уровне особое внимание уделяется рефлексии, выступающей как сознательное отслеживание собственной

мысли. Известны различные типы и уровни рефлексии: мировоззренческая, методологическая, нормативная, аксиологическая, психологическая, которые реализуются в таких операциях, как проверка, обоснование, выбор, предпочтение, оценка т.д. В данном контексте представляет интерес методологическая и аксиологическая рефлексия.

В самом общем смысле рефлексия – это направленность человеческой души на самое себя. Рефлексирующая деятельность будущего библиографа представляет собой оперирование с собственным сознанием по поводу прочитанного, порождающее в результате сложный симбиоз собственной мысли и голоса творца.

Рефлексирующее сознание библиографа контролирует процесс получения, построения, проверки знаний, критически осмысливает все этапы свертывания художественной информации, причем важно умение периодически выходить в рефлексивную позицию, вовремя пользоваться ею. Состояние "неусыпной рефлексии" скорее тормозит творческую деятельность, чем способствует ее развитию.

В библиографической деятельности по свертыванию художественной информации складывается рефлексия трех уровней:

I уровень – эмоциональное восприятие художественного текста, реакция на выраженную в тексте авторскую позицию;

II уровень – анализ собственной мысли по поводу прочитанного;

III уровень – выделение сегментов художественного произведения, необходимых и достаточных для создания библиографического метатекста.

Трехуровневая рефлексия прекрасно отражает психологическую специфику аннотирования художественной литературы, включающую анализ, синтез, обобщение, абстрагирование и конкретизацию. Таким образом, правомерно говорить о новом качестве аннотации, складывающемся в процессуальном поле свертывания художественной информации.

Исходя из вышесказанного, можно выделить следующие по-

казатели проявления рефлексивной позиции библиографа. **Первый показатель** – это критичность мышления при аннотировании художественного произведения. Если профессионал авторитарен, уверен в непогрешимости собственной точки зрения, не оставляет места для сомнений, то критичность мышления как предпосылка рефлексивной позиции не формируется. Уместно ввести в арсенал обучения созданию библиографических метатекстов прием "усомнения", который способствует проявлению рефлексивной позиции будущего специалиста.

Второй показатель рефлексивной позиции – это стремление к доказательности, убедительности в обосновании своей интерпретации художественного произведения. Если библиограф заменяет логическое обоснование своей интерпретации эмоциональным, поверхностным суждением о произведении искусства слова, то составленные им библиографические метатексты вряд ли будут способствовать позитивному ценностному отношению читателей к литературному творению.

Третий показатель – это умение поставить вопросы в процессе аннотирования художественной информации и дать на них ответ в исследуемом тексте по герменевтическим стандартам.

Четвертый показатель – стремление и способность построить диалог с читателем. Поскольку рефлексия – это дискуссия с самим собой, монолог при восприятии художественной информации ведет к торможению рефлексивно-оценочных процессов. Коммуникативный акт с читателем может быть реализован только если библиографический метатекст ориентирован на личность, способен вызывать чувства и эмоции у воспринимающего.

Пятый показатель – готовность к адекватной оценке библиографического метатекста. Очень важно как можно чаще специалисту выходить в рефлексивную позицию, которая является необходимой составляющей в структуре библиографической деятельности.

Итак, к основным чертам творческой деятельности библиографа в процессе порождения библиографического метатекста, на

наш взгляд, можно также отнести: легкость ассоциирования, оригинальность и диалектичность мышления, гибкость мышления, способность к оценочным действиям, способность к свертыванию художественной информации, способность к обобщению и др.

Готовность к творческому решению профессиональных задач аннотирования художественной литературы основывается не только на предметных, но и на методологических знаниях. Методологическое знание по сравнению с предметным отличается несравненно большей обобщенностью и широтой переноса. Библиографическая деятельность, построенная на базе методологических знаний, позволит будущему специалисту быстро осваивать новые для него области теории на практике. В ходе обучения важно повысить методологическую культуру студента за счет самостоятельного получения нового знания, путем постановки и решения творческих задач в данной области. Предметные знания в области библиографирования художественной информации приобретаются не путем заучивания в готовом виде, а путем их самостоятельного "открытия", "приобретения". Овладевая научной методологией, библиограф начинает мыслить с помощью ее принципов, и в этом отношении его мышление становится "принципиальным", отличающимся надситуативной активностью. Чтобы сформировать у будущих библиографов современное профессиональное мышление в области библиографирования художественной литературы, необходимо обучить их не столько методике аннотирования, сколько методологии решения творческих задач. Никакая самая изощренная методическая и текстологическая выучка не избавит библиографа от необходимости владеть методологией библиографической деятельности в целом.

Итак, методологический компонент является неотъемлемой частью профессиональной культуры библиографа. В предлагаемой методике аннотирования художественной информации синтез методологических и специальных знаний по теории библиографического метатекста позволил существенно повысить уровень навыков и умений обучаемых. Эмпирически фиксированными проявлениями по-

вышения профессиональной методологической культуры явились: применение в библиографировании художественной информации процедур, закрепленных за основными категориями и понятиями, образующими концептуальный каркас библиографической науки; стремление выявить единство и преемственность библиографического знания в области художественной литературы в его историческом развитии, ценностная установка на преобразование текстов на основе теории библиографического метатекста, рефлексия по поводу предпосылок, процесса и результатов собственной библиографической деятельности; понимание эвристических, мировоззренческих, гуманистических функций литературной библиографии.

Подобно другим личностным новообразованиям, методологическая культура специалиста формируется и проявляется в деятельности. Однако студенты обращаются к методологическому знанию не в любых, а в особых учебных ситуациях. Эти ситуации характеризуются преодолением противоречия между двумя познавательными стратегиями: той, которая уже стала достоянием обучающихся, и той, которая необходима для рационального решения принятой ими учебной задачи. Следовательно, ситуации, ведущие к усвоению студентами методологического знания, всегда проблемны, но эта проблемность лежит в области стратегий познавательной и практической деятельности.

В ходе обучения применению теории библиографического метатекста в аннотировании художественной информации использовался герменевтический подход, который включает в себя ряд последовательно разворачивающихся этапов: побуждение студентов к осознанию и разрешению заключенного в предъявленной им ситуации противоречия; обнажение непродуктивности решений, опирающихся на обыденный опыт, суждения здравого смысла, показ их односторонности, метафизичности; демонстрация путей продуктивного разрешения проблемной ситуации на основе требований диалектической логики; обобщение опыта работы над предложенным заданием и возможностей переноса усвоенной логики в различные

сферы библиографии. В этом плане следует подчеркнуть целесообразность постановки будущего библиографа в диалогическую позицию, требующую от него убедительного обоснования излагаемых им положений. Возникает потребность учесть возражения оппонентов, укрепить свои доводы за счет обращения к закономерностям библиографической науки в целом. Поэтому нужна большая работа по конструированию и внедрению такого рода ситуаций в процессе преподавания специальных дисциплин.

Формирование творческих качеств библиографа предполагает высокий уровень интеллектуальной сферы. Будущие специалисты анализируют и синтезируют художественную информацию. При этом они рефлексировать по поводу прочитанного, определяют место и значение художественного творения в современной социокультурной ситуации, определяют авторскую позицию, а также собственную позицию как читателя. С позиций современника, профессионала постигают духовный мир художника. В основе этих процессов лежат умения выделять художественные достоинства произведения, мыслить символами и образами, а также знание конкретных жанрово-стилистических особенностей библиографического метатекста.

Творческий уровень работы с текстом выявил ориентацию на индивидуально-личностное самовыражение, формирование пространственно-временных представлений, методологических знаний. Следует отметить также такие личностные качества, как ориентация на "другого", эмпатия, образное мышление, эстетическая культура, соотнесенность профессиональной культуры с общечеловеческой.

Предлагаемая методика удовлетворяет потребности той части специалистов, которые проявляют стойкий интерес к библиографированию художественной информации, имеют творческие задатки, стремление быть соавтором произведений в анализе и креативной деятельности по созданию библиографического метатекста.

Эффективными условиями создания библиографического метатекста являются фундаментальные знания, специальная технология обучения составлению библиографического метатекста, лич-

ностно-ориентированный характер обучения. Динамика такой подготовки нашла отражение в уровнях готовности специалистов к практической деятельности. Представление о библиографическом метатексте позволило совершенствовать методику аннотирования художественной литературы, о чем свидетельствуют аннотационные тексты, полученные после обучения. Введение отдельных элементов теории библиографического метатекста в курс "Библиография художественной литературы и литературоведения" позволило будущим специалистам существенно повысить уровень библиографирования художественной литературы, развить креативную деятельность. Поскольку только в процессе творчества самосознание будущего библиографа наполняется содержанием, обогащающим гуманитарное мышление, на основе которого собственно профессиональные категории воспринимаются осмысленно, лично значимо. Специалисты не только включаются, погружаются в конкретные технологические операции, но и осваивают механизм организации и конструирования библиографической деятельности в целом.

2.6 Особенности читательского восприятия библиографического метатекста в ценностном аспекте

Эстетическое восприятие произведения искусства слова складывается в недрах ценностного сознания, где мерилom выступают духовные абсолюты – истина, добро, красота. Поэтому процесс восприятия художественного произведения посредством библиографического метатекста мы рассматриваем в аксиологическом аспекте. Читательская перцепция библиографического метатекста создает ценностную ситуацию. Здесь теория ценности наталкивается на проблему свободы выбора, ибо для субъекта, с необходимостью "отрекающегося" от своей субъективности ради получения объективной истины, данная проблема является ключевой. Если у реципиента нет свободы выбора, невозможно возникновение ценностной

ситуации. Сам выбор есть специфическое проявление активности сознания. Принятие или непринятие произведения искусства слова посредством библиографического метатекста есть акт оценки, "проявление способности суждения". Выбор, внешний для других, имеет глубокую самообразовательную и самовоспитательную природу. Такой выбор определяется ценностными ориентациями, которые проявляются как личностные установки по отношению к существующим в обществе материальным и духовным ценностям. Приобщение к художественному творению имеет результат глубоко гуманистический – "ценностное уплотнение мира вокруг человека" (М. Бахтин).

Необходимо исходить из понимания библиографического метатекста как продукта, отражающего художественные ценности. Изучение произведения искусства слова как художественной ценности позволило выделить его сущностные характеристики, выявить конституирующую функцию художественного восприятия и тем самым глубже проникнуть в его творческую природу. Своеобразие художественной ценности обусловлено особенностями ее носителя – произведения искусства слова, создаваемого уникальной деятельностью, которая дополняет практическое и теоретическое освоение человеком действительности ее иллюзорным воссозданием, удваивающим реальное бытие художественно-образным квазибытием. И хотя плоды этой действительности измеряются теми же ценностными мерками, что явления реальной жизни, – эстетическими и нравственными, политическими и религиозными, экзистенциальными, – они потребовали особого к себе отношения, которое и проявилось в феномене художественной ценности.

Художественная форма есть воплощающий в себе диалектический синтез сознательного и бессознательного, необходимости и свободы, субъекта и объекта, выступающий как ценностное основание произведения искусства слова. Благодаря первообразу художественная форма – "всегда самооценка", ибо этот первообраз – критерий ее художественности.

Художественная ценность является видом общественной ценности и поэтому, как любая общественная ценность, "выступает во взаимосвязи трех элементов: художественной потребности, художественной деятельности и художественной предметности". Художественная ценность, существуя в онтологическом статусе "художественной предметности", реализуется через систему значений, "которая актуализируется в процессе восприятия – понимания, но не порождается им, а обуславливается наличием потребностей, а также объективными свойствами предмета восприятия. Именно в художественной потребности заключен сложный спектр "социального бытия" художественного произведения и через нее проясняется "конституирующая функция" художественного восприятия, уточняются, углубляются представления о реальном функционировании книги в читательской среде.

В исследованиях по социологии чтения уже неоднократно подчеркивалась необходимость анализа художественной потребности для изучения чтения художественной литературы. Применительно к художественной потребности проблема сводится к потреблению индивидом искусства; к сожалению, специальный анализ художественной потребности встречается довольно редко. Это понятие – одно из основополагающих в художественной литературе – оказалось на периферии философско-эстетических исследований. Как правило, анализируется понятие потребности вообще с незначительной долей размышления о специфике художественной потребности.

Выделение интегративности всех аспектов (сторон, смыслов) как сущностного качества содержания художественной ценности актуализировало необходимость анализа и художественной потребности как синтетической, интегральной характеристики личности. Художественную потребность можно рассматривать в единстве общего, особенного и единичного. Родовое содержание художественной потребности проявляется в ее духовном характере, в гносеологическом, нравственном, ценностном аспектах, определяемых сущ-

ностными характеристиками человека. Социокультурный аспект художественной потребности обусловлен конкретно-исторической и социальной определенностью личности, связанной с особенностями его мировоззрения, ценностей, убеждений. Своеобразие эмоционально-психологического переживания (самопознание, самовыражение, самоанализ), особенности эстетического отношения проступают в эмоционально-психологическом и эстетическом аспектах художественной потребности. Основанием, объединяющим все аспекты художественной потребности, является аксиологический аспект, прорастающий сквозь все составляющие художественной потребности.

Отправной точкой анализа может быть характер соотнесенности литературно-художественного интереса с художественной потребностью. С.А.Трубников, определяя связь литературно-художественного интереса с потребностью, опирался на диалектическую трактовку вопроса о связи интересов и потребностей С.Л.Рубинштейна: "Интересы могут возникать как результат осознания потребностей. Но нечто может уже представлять интерес, и еще не быть потребностью. Ещё один путь ведет от потребности к интересам. Интересы возникают иногда просто в результате осознания потребности, то у человека прокладывается также путь в обратном направлении: интересы, возникающие в конечном счете в связи – более или менее отдаленной и опосредованной – с потребностями, но не из них, затем, укореняясь в человеке, превращаются в его потребности" [221, с.387]. Как видно из этого положения, формирование интереса носит динамический характер, является процессом, а значит, имеет переходные, промежуточные состояния ситуационной заинтересованности, любознательности или даже любопытства, в доминанте которого лежит эмоциональный момент заинтересованности, связанной с сенсацией, модным именем в литературе, окололитературными толками и т.д., что должен учитывать библиограф при создании библиографического метатекста. С другой стороны, трактовка интереса как процесса показывает диалектическую взаи-

мосвязь и взаимообусловленность интересов и потребностей, возможность проявления интереса в разных формах.

Существует точка зрения, что интерес в общественном сознании может выступать в трех формах: осознанный интерес сам по себе как сознательная цель деятельности субъекта; интерес, проявляющийся в общественном сознании как "определитель" предмета отражения и способ отражения действительности (через призму интересов) и, наконец, интерес в преобразованном виде как ценность.

Литературно-художественный интерес как процесс, состоящий из разных фаз, проходящий путь от неразвитой неосознанной формы (дайте что-нибудь почитать) или состояния ситуационной заинтересованности до полного осознания, превращается в художественную потребность и становится основой ценности (задает поле значимостей – художественное произведение приобретает ценностные характеристики) и преобразуется в художественную ценность. Для изучения специфики восприятия библиографического метатекста нами было проведено экспериментальное исследование среди читательских групп. В исследовании приняли участие студенты гуманитарных специальностей: филологи, историки, социологи, культурологи Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, Мордовского педагогического института им. М.Е. Евсевьева, читатели Мордовской национальной универсальной библиотеки им. А.С. Пушкина и Самарской областной универсальной научной библиотеки. Всего в эксперименте было задействовано 620 человек (368 юношей и 252 девушки).

Для исследования читательского восприятия был избран метод семантического дифференциала, сочетающий в себе количественное и качественное индексирования значений при измерении отношения индивидуума к объектам, выявлении субъективно-личностного смысла. Таким объектом в рамках исследования выступает библиографический метатекст. Техника семантического дифференциала была разработана Ч. Осгудом в 1957 году и предназначалась для измерения различий в интерпретации понятий испытуе-

мыми. При этом имелось в виду то уникальное значение, которое данный предмет приобрел для обследуемого индивида в результате его жизненного опыта.

Исходными в данном методе являются: репертуар объективного оценивания (в рамках нашего исследования - библиографический метатекст) и совокупность конструкторов (заданных и выявленных). Конструктор – это истолкование, которое накладывается на реальность и имеет форму биполярных понятий. В функционировании конструктора обобщение и различение имеют место одновременно. Конструкторы, которые были заданы для качественного анализа метатекстов, явились единицей читательского восприятия, отношения, в которых соединены объективные сведения и их субъективная интерпретация. По результатам теоретического анализа была разработана биполярная шкала из 42 оппозиционных прилагательных (конструкторов), описывающих базовые потребности человека. Шкала составлялась с применением наиболее и наименее употребительных понятий по частотному словарю русского языка. По результатам теоретического анализа в нее были включены характеристики, описывающие ценностные ориентации, эмоциональную и эстетическую оценку библиографического метатекста, коммуникативный стиль, достоверность, содержательность, профессионализм. Таким образом, с помощью разработанной шкалы можно получить достаточно полную оценку восприятия образцов метатекстов.

Система критериев оценивания (конструкторов) для испытуемых была заданной, но испытуемым была предоставлена возможность дополнения определений-оценок своими собственными.

В поисках критериев оценивания мы обратились к высказываниям М.Г.Вохрышевой, которые представляются нам существенными и значительными в определении конструкторов. Психолингвистический анализ факторов, влияющих на оценки документа, осмыслен ею применительно к библиографированию и выявляет субъективно модальность, проявляющуюся не только в антитезе "плохое" – "хорошее", но и в более тонких суждениях. Они представляют

собой "оттеночные оценочные высказывания, в которых выявляется модус "важности" ("важно, что"), "нормативности положения вещей" ("естественно...", "как и следовало ожидать..."), "удивления" (в положительном или негативном смысле), "странности" (негативный оттенок), "неопределенности" ("возможно...") и др. [67, с.78].

Конструкты были выявлены путем анализа свободных описаний продуктов библиографической деятельности, бесед со студентами гуманитарных специальностей, аспирантами, молодыми преподавателями, библиотекарями-практиками, читателями научных и универсальных библиотек.

Из жанрового многообразия библиографических метатекстов для оценки выбрана аннотация, поскольку в ней наиболее четко проявляются механизмы воздействия на мотивационную, ценностную, эмоциональную сферы человека. Лаконичность жанра позволяет читателям за ограниченное время оценить большое количество аннотационных текстов.

Поскольку современный читатель получает совокупную метаинформацию о многообразии художественных произведений не только из библиографических рекомендательных пособий, справочников, энциклопедий, но и из рекламных буклетов издательств, книжных клубов, непосредственно из книги, испытываемым для сравнительного ценностного анализа было предложено три вида аннотаций: рекомендательная, рекламная и издательская. Читателю предлагалось сравнить эти аннотации, написанные на одно произведение. Всего для анализа каждому респонденту предстояло ознакомиться с пятнадцатью аннотациями на произведения прозы отечественных и зарубежных авторов.

Избранный метод семантического дифференциала послужил оптимальным средством, подтверждающим теоретико-сравнительный анализ аннотационных текстов. Также данный метод позволил выявить сущностные черты (конструкты) "идеального библиографического метатекста".

Выявленные на разных этапах исследования конструкты библиографического метатекста, предложенные респондентам, расположились на следующих полюсах.

Первый полюс составили следующие суждения: актуальная, продуманная, притягивающая, ненавязчивая, интересная, доступная, гармоничная, соразмерная, экспрессивная, красочная, художественная, образная, символическая, проблемная, предвосхищающая, ассоциативная, содержательная, социальная, правдивая, лирическая, женственная, интимная.

На противоположном полюсе, соответственно, были даны конструкты: дисгармоничная, тенденциозная, нудная, отталкивающая, холодная, вульгарная, старомодная, непрофессиональная, несооразмерная, равнодушная, неправдивая, сложная, абстрактная, пассивная, бедная, замкнутая, безлика, заискивающая, субъективная, описательная, запутанная, мужественная, агрессивная.

Рассмотрим предложенные выше конструкты в следующей таблице, дающей процентное соотношение читательских предпочтений (табл. 4).

По результатам анализа полученных оценок, биполярным шкалам и рейтингу, отдельным критериям были выявлены характеристики, наиболее значимые для читателей при оценке конкретных аннотационных текстов, отвечающие образу идеальной аннотации.

Рекомендательная аннотация описывается читателями в категориях когнитивного стиля и профессионализма. Читатели считают её актуальной (89), продуманной (84), проблемной (82). Также читатели высоко оценивают в рекомендательной аннотации принцип построения художественного образа. Респонденты отмечают, что аннотация достаточно символична. Однако установка на эмоциональную сдержанность придает оцениваемому аннотационному тексту нудность (69) и сложность (77).

Таблица 4. Характеристики, приписываемые

читателями образцам аннотаций разных видов в %

Рекомендательная
Актуальная 89
Продуманная 84
Художественная 82
Проблемная 82
Содержательная 81
Профессиональная 80
Символическая 78
Интересная 77
Сложная 77
Нудная 69

Издательская
Доступная 79
Продуманная 76
Экспрессивная 75
Образная 71
Несоразмерная 69
Бедная 69
Тусклая 68
Символическая 65
Художественная 63
Предвосхищающая 61

Рекламная
Эмоциональная 91
Притягивающая 82
Агрессивная 82
Красочная 81
Загадочная 79
Образная 79
Символическая 76
Вульгарная 75
Интимная 74
Женственная 69
Колоритная 67
Заносчивая 66
Доступная 65

Идеальная
Актуальная 89
Интересная 89
Продуманная 85
Притягивающая 85
Красочная 83
Содержательная 82
Профессиональная 80
Предвосхищающая 79
Эмоциональная 84
Загадочная 75
Художественная 73
Доступная 69
Интимная 57
Ненавязчивая 56

Рекламная аннотация получила высокую оценку в рамках коммуникативного стиля. Она признана эмоциональной (91) и притягивающей (82), однако в то же время агрессивной (82), вульгарной (75). По силе художественного воздействия рекламная аннотация описывается как образная (79), символическая (76), загадочная (79). Только данному виду аннотации читатели дают высокую оценку по оформлению, отметив, что она достаточно красочная (81). Достаточный вес в оценке занимает шкала мужественная – женственная,

что связывает конструкты – интимная (74), женственная (69) с имиджем гендерной нормы.

Издательская аннотация позитивную оценку получила по когнитивным критериям. Читатели отметили, что данный вид аннотации достаточно продуман, по образно-символическим параметрам она была выделена как образная (71), символическая (65), художественная (63). Эмоциональная оценка и коммуникативный дискомфорт определяются конструктами, которые подчеркивают бедность (69), тусклость (68), несоразмерность (69) аннотационного текста.

Образ **идеальной** аннотации складывается в читательском восприятии из следующих компонентов, отвечающих ценностным устремлениям читателей. Прежде всего, она высоко оценивается по качествам эмоционального впечатления. Читатели считали, что она должна быть эмоциональной (84), предвосхищающей (79), притягивающей (85). Также большое значение читатели уделяли достоверности, когнитивной новизне и неожиданности. Коммуникативный комфорт для респондентов в образе идеальной аннотации составили при воздействии эмоциональных конструктов интимность (57) и ненавязчивость (56) воспринимаемого текста.

Рейтинг конструктов оценки аннотаций позволил интерпретировать их в следующие факторы: коммуникативный, эмоциональный, художественной ценности, семантической адекватности и гендерный. Факторный анализ дал следующие результаты (рис.3).

Первый фактор – коммуникативный. Положительный полюс фактора составляют конструкты: ненавязчивая, доступная, притягивающая, диалогичная. Противоположенный полюс фактора составляют следующие конструкты: навязчивая, раздражающая, отталкивающая, монологичная.

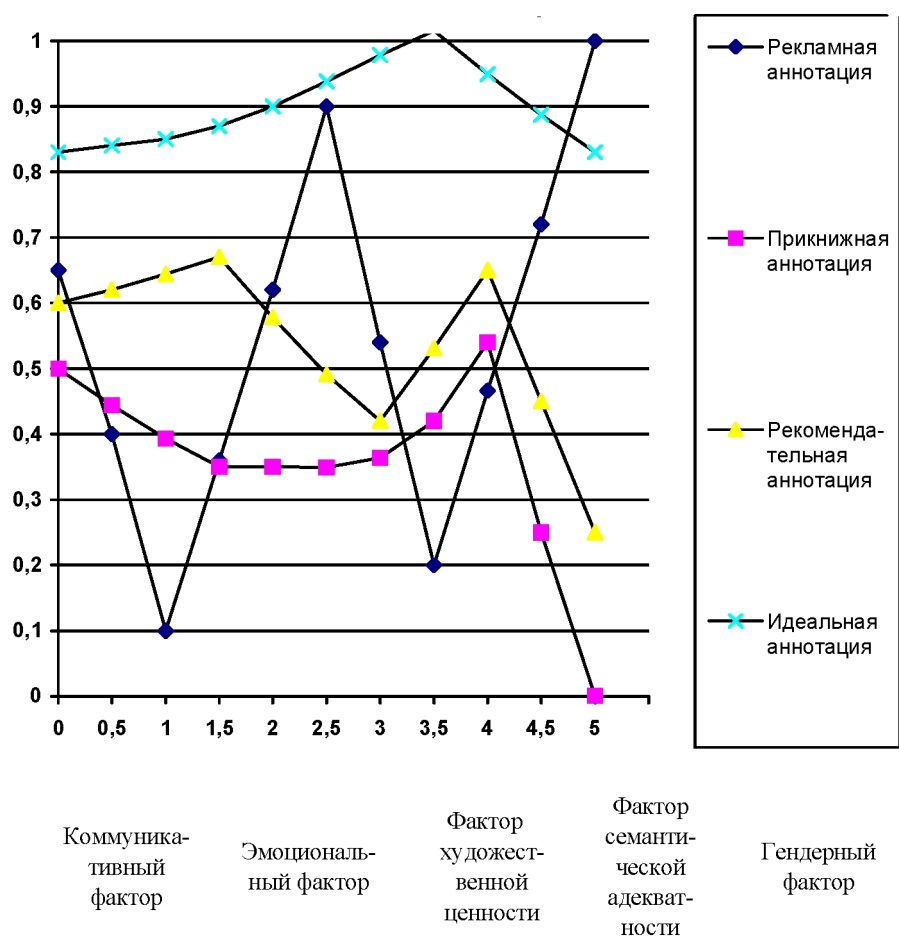

Рис. 3. Профили библиографических метатекстов в читательском восприятии

Фактор описывает коммуникативную установку, его можно интерпретировать как актуализацию потребности коммуникативного комфорта. Мерой прагматической ценности библиографического метатекста (в частности, аннотации) является результативность его

действенности, которая зависит не только от его содержательных структур, но и от того, насколько они обладают коммуникативным зарядом. К коммуникативно-прагматическим компонентам аннотационного текста можно отнести модальность, эмоциональность, акцентирование. В структуре библиографического метатекста данные компоненты образуют его коммуникативное ядро для того, чтобы привлечь к акцентируемому элементу особое внимание читателя.

Коммуникативно-прагматическими компонентами подтверждается ценностное отношение библиографа к художественному творению, передается его определенное субъективное отношение и т.д. Ярко выраженную коммуникативную роль играют элементы прямого общения, непосредственного обращения к читателю. По результатам эксперимента мы можем сделать вывод, что на уровне коммуникативной установки наибольшего эффекта достигла рекламная аннотация, меньшим коммуникативным зарядом обладают рекомендательная и издательская аннотации. Конструкты идеального образа аннотации говорят о большом значении для читателей коммуникативного комфорта, в котором аннотации должен быть присущ мягкий, минимально агрессивный коммуникативный стиль. При красочности, притягательности аннотация должна быть одновременно ненавязчивой.

Второй фактор – фактор эмоций. Он формирует полюса: веселая, добрая, открытая, смешная (чит.), дружественная (чит.) и, соответственно: грустная, агрессивная, обычная, пессимистическая, бедная, пассивная (чит.).

Эмоциональность ценностного отношения к произведению искусства слова вбирает в себя, втягивает индивидуума значительно более глубоко и полно, чем его познавательное отношение к миру и даже другие направления ценностной ориентации, – ведь эстетическое чувство есть наиболее сокровенная, интимная и неотрывная от индивидуальности форма субъективного.

Эмоциональность и оценочность – категории, безусловно, взаимосвязанные. Оценочность, представленная как соотнесенность

слова с оценкой, и эмоциональность, связанная с эмоциями, чувствами, не составляют разных компонентов значения, они едины. Конструкты данного фактора определяют эмоционально-чувственный мир читателя.

Переживания, возникающие в ценностной ситуации свободы выбора, отличаются от всех других тем, что их побуждает бескорыстный интерес субъекта к объекту (художественному творению). Духовно-бескорыстный характер эстетического переживания объясняется особенностями объекта восприятия и оценки, поскольку пробуждаемые библиографическим метатекстом эмоции носят альтруистический характер. Они сигнализируют о ценности художественного произведения, т.е. о его соответствии интересам нашего духа, гуманистическим устремлениям и мироощущению. Своеобразие эстетических эмоций состоит в том, что духовное переживание возбуждается не созерцанием объекта как такового, а в его соотношении с идеалом, ибо "только диалогическая соучастная установка принимает чужое слово всерьез" (М.Бахтин).

Данный фактор преобладает в "идеальной" читательской аннотации, в которой ищут предвосхищение, загадочность, хотят видеть её притягивающей и одновременно ненавязчивой.

Третий фактор – фактор художественной ценности. Положительный полюс фактора представлен конструктами: реалистическая, современная, модная, образная, лирическая, содержательная, соавторская, исповедальная (чит.), стильная (чит.), душевная (чит.).

На другом полюсе оказались: старомодная, нереальная, тусклая, абстрактная, бедная, описательная, заурядная.

Данный фактор определен конструктами, которые представляют произведение искусства слова в аннотационном тексте как художественную ценность. Фактор ярко показывает динамичность художественной ценности как отражение:

1) динамики художественной потребности субъекта, ценностного художественного отношения (личности, группы, социума, общества, человечества);

2) изменения исторического, социокультурного, ценностно-смыслового контекста бытия художественного произведения. "Произведение не равно себе, оно уменьшается и увеличивается в своей художественной ценности. Его масштаб, его значение в жизни человека, его структура меняются или поворачиваются другими сторонами, они открываются в зависимости от того художественного пространства, в котором произведение живет.

Эта подвижность не имеет ничего общего с релятивностью, так как сохраняется идейно-эстетическая определенность произведения" [250, с.64]. Проблемы "взаимопроницаемости" художественной ценности, художественной потребности, "окружающей среды", "пространства", "фона", "поля", "условий", "ассоциативного фонда" (т.е. внешнего и внутреннего контекста) существования художественного произведения имеют, на наш взгляд, прямой выход к определению места библиографических метатекстов в формировании бытия художественных произведений как художественных ценностей. "Контекст" как понятие, аккумулирующее сложный спектр явлений, обуславливающих мотивационный срез ценностного отношения, позволяет более глубоко проникнуть в установочный, ценностно-ориентированный аспект читательской деятельности. Художественная ценность, возникая на пересечении двух координат: содержания художественного текста и художественной потребности, при доминировании отдельных аспектов потребности реализуется в читательском восприятии как художественные ценностные значения произведения. Содержание же художественного произведения определяет его ценностный потенциал, который может быть "уже" художественной потребности или "шире" запроса читателя, либо относительно совпадать. Полное совпадение в принципе невозможно, тогда следует говорить о действительной потребности и об отсутствии подлинной необходимости в оценочном процессе.

Для исследования наибольший интерес представляет художественная ценность как родовой элемент ценностного отношения читателя к произведению искусства слова. Отличие художественной

ценности от всех других ее видов определяется иллюзорностью создаваемого в искусстве мира образов. Во всех сферах ценностного сознания оно фиксирует значение для человека различных форм реальности – природной, социальной, культурной. Искусство же, напротив, утверждает неподлинность, вымышленность, незавершенность, фантастичность своих образов. Этим художественная ценность отличается от эстетической ценности, которая характеризует всегда нечто реальное. М.С.Каган уточняет понимание интегративного характера художественной ценности: "Было бы величайшей ошибкой понимать интегративный характер ценности механически, как простое суммирование эстетических, нравственных, политических ценностей произведения искусства. Диалектическое ее понимание открывает смысл художественности как общего эффекта от взаимодействия эстетических и внеэстетических смыслов" [124, с. 30].

Конструкты фактора художественной ценности преобладают в рекомендательной аннотации, достаточно точно художественные значения перенесены по мнению респондентов в издательскую аннотацию, однако рекламная аннотация лишена почти полностью художественных достоинств.

Фактору художественной ценности читатели придают большое значение, что подтверждают конструкты идеального образа аннотации.

Четвертый фактор – фактор семантической адекватности. Он формирует полюса, включающие конструкции: познавательная, профессиональная, социальная, правдивая, продуманная, насыщенная, информационная, объективная, ассоциативная и, соответственно: субъективная, непрофессиональная, бездейственная, лживая, не продуманная, безлика, бессмысленная, тенденциозная, бесполезная.

В процессе восприятия библиографического метатекста не просто расширяется когнитивная сфера, но и происходит определенный контакт с непознанным художественным произведением.

Поэтому от того, насколько адекватно представлено произведение, зависит эффект библиографического метатекста как установки.

В интересующем ценностном отношении к художественному тексту существенно то, что замысел художника не может быть привнесен извне – аннотация может быть создана только на основе концепта произведения. Конструкты данного фактора несут в себе коннотативные смыслы аннотационных текстов – предвещательное, предвешание, предожидание знаковой конкретности, конреальности. Структура библиографического метатекста связывает проявленные смыслы произведения искусства слова в цельный текст, который является предвестником тех возможностей, в срезе которых образуется конкретная индивидуальность возможностей художественного творения. Следовательно библиографический метатекст определяет персональность текста как высказывания в триаде "возможное – текст – понимание".

Понимание художественного текста становится возможным в результате субъективации объективной истинной сущности данного текста его интерпретатором. Данный фактор описывает понимание восприятия библиографического метатекста в диалектическом движении, устанавливающем отношение между сообщением, оценкой, символом, художественным текстом как предметом понимания и социальным контекстом, обрамляющими предмет понимания. Аннотация является промежуточным результатом понимания, направленным на формирование в сознании читателя мысли, адекватной исходной мысли автора. Безусловно, полнота и глубина воздействия данного фактора зависят и от авторского искусства, и от интерпретации творения библиографом.

Думается, что А.А.Потебня, сказав: "Всякое понимание есть непонимание", не отрицал возможность понимания одного человека другим (для нас это диалог библиографа с читателем), а, наоборот, подчеркнул, что альтернативное понимание текста может быть обусловлено творческой работой читателя. Наибольший вес по данному фактору имеет рекомендательная аннотация. Читатели считают её

актуальной, продуманной, проблемной и содержательной, что доказывает высокий процент конфигурации её графика (см. рис. 3). Уступает рекомендательной по данному фактору прикнижная аннотация, и совсем незначительную часть конструкторов семантической адекватности читатели приписывают рекламной аннотации.

Фактор семантической адекватности нашел отражение и в идеальном образе аннотации, при эмоциональном и коммуникативном комфорте респонденты видят её актуальной, продуманной, содержательной.

Пятый фактор – гендерный, первый полюс которого составили конструкторы: мужественная, сильная, мобилизирующая, действенная, ясная, четкая, соразмерная, волнующая. Второй соответственно: женственная, расслабляющая, самоуверенная, легкомысленная, интимная (чит.), высокомерная (чит.).

Феномен выбора художественного произведения на основе библиографического метатекста имеет сложную психофизическую природу, заключающуюся в переработке информации. Мотивация выбора имеет рефлексивный характер с неоднократным возвратом к первоначальным источникам. Механизмы субъективных переживаний изучаются современными учеными с учетом половозрастных особенностей, именуемых в социальном аспекте гендером.

Культура и язык пронизаны гендерными отношениями, а гендер как социокультурная надстройка над биологической реальностью и как система социополовых отношений отражает внутренне противоречивое и одновременно динамичное соотношение мужского и женского начал.

Гендерные стереотипы складываются и закрепляются в обществе посредством институализации и ритуализации пола. Данный фактор представлен в аннотациях как воздействие образа (женственности) и силы стимула (мужественности).

На наш взгляд, гендерный концепт позволяет исследовать более широкий круг вопросов и взглянуть по-новому на знакомый феномен пола. Если категория *пол (sexus)* значим для анализа семан-

тики ряда лексических единиц, где пол является компонентом значения, то гендерные исследования в библиографировании открывают значительно более широкий круг вопросов, позволяют рассматривать конструирование мужской или женской идентичности как один из параметров библиографического метатекста, т.е. в рамках прагматики. В этом случае гендер осмысливается как конвенциональная сущность, в чем и состоит его главное отличие от пола как биологической категории.

Гендерный фактор доминирует в рекламной аннотации, и почти совсем не уделено внимания конструктам, связанным с имиджем гендерной нормы в рекомендательной и прикнижной аннотациях. Конфигурация графика "идеальной" аннотации (см. рис.3) выделяет гендерный фактор, апеллирующий непосредственно к интимной, сокровенной области чувств читателей.

Таким образом, мы можем скорректировать данные наших исследований по качественной характеристике разнонаправленных библиографических метатекстов и сделать следующие выводы.

Метод исследования, включающий по принципу дополнительности позитивные и негативные конструкты, позволил выявить ценностные установки аннотационных текстов, которые наиболее близки мироощущению читателей. При определении критериев аннотаций реципиенту было предоставлено право свободного выбора, но выбор не случаен: он определен ценностью вещей, которых он касается. Выбор – это ответ на уже имеющуюся ценность предмета. Всякий выбор есть одновременно признание одного и неприятие другого. Выбирая то или иное художественное произведение и отрицая остальные, реципиент делает выбор, т.е. поступок. Здесь индивидуальность читателя выступает не как случайно заданная неповторимость характера, определяемая его историей, психикой или генетикой, а как продукт сознательного выбора, решения, поступка. Читатель определяет свое бытие как сосуществование с тем, что он выбрал. Основная мотивация выбора состоит в ценностной ориентации индивида.

Предпочтение того или иного произведения другим обязательно переживается как все, что происходит с человеком. Библиографический метатекст выполняет в выборе две функции: во-первых, выявляет ценностное отношение поступающего к себе, к другим, к предмету поступка (художественному творению), во-вторых, воплощает эмоционально-волевой тон (смыслопереживание), который входит в мотивационно-побудительную, действующую и результирующую сферу поступка.

Ценностное отношение к другому обязательно сознательно, ибо суть его в выявлении смысла в процессе переживания. Этим переживанием смысла и определяется выбор реципиента, в котором происходит становление оценки. Результатом этой оценки станет, с одной стороны, новая ценность, нечто, чей смысл будет выявлен во внутреннем, сокровенном прочтении произведения искусства слова.

Образ "идеальной" аннотации, составленный читателем, выявляет широту читательских оценок и богатства духовных запросов.

Выделенные факторы позволяют сделать вывод, что воспринимающий субъект наделен "участным мышлением", "вчувствованием в другого" и преодолевает возникающие противоречия через проблему выбора. В рамках нашего исследования библиографический метатекст является пусковым механизмом как средоточие духовных, социальных, логических, эмоциональных, нравственных, эстетических смыслов произведения искусства слова.

Психологическая форма проявления ценностного отношения является переживанием, т.е. особого типа эмоциональным процессом, который зарождается на уровне обыденно-практического сознания и выходит на уровень осознаваемого, духовного чувства. Понятие "духовное" предельно точно определяет особенности того эмоционального процесса, который протекает в ценностной ситуации.

С учетом "идеального" образа аннотации можно сделать вывод, что рекомендательная аннотация при значительной когнитив-

ной новизне не создает коммуникативного комфорта с высоким эмоциональным зарядом, не обращена к гендерным стереотипам читателя. Следовательно, создателю данного вида аннотации нужно больше апеллировать к ценностной, эмоционально-чувственной сфере читателя.

Составителям издательской аннотации следует оживить аннотацию за счет яркости, красочности, эмоционального эффекта, сохранив её художественные и когнитивные достоинства.

Создателям рекламной аннотации с учетом читательских критериев при огромной притягивающей силе и эмоциональному воздействию следует убрать агрессивность и вульгарность, так как менталитету русского читателя свойствен мягкий, ненавязчивый, минимально агрессивный комфорт.

Этот образ, не притязающий на завершенную модель, может помочь специалистам скорректировать, уточнить, объяснить и т.д. наиболее важные моменты библиографического метатекста как целостного и систематизирующего явления. Интегративные свойства "идеального" библиографического метатекста как сложного, много-элементного образования создают целостную картину, наиболее совершенную и точную на этапе синтеза профессионального и читательского отражения объекта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обращение к проблеме библиографирования художественных текстов позволило выявить новые аспекты ее теоретического и практического осмысления. Активная ассимиляция библиографией современных достижений в области теории текста, аксиологии, герменевтики, а также благоприятная ситуация научного поиска в литературной библиографии создали предпосылки для теоретического обобщения и постижения сущностных начал библиографирования художественных текстов.

Библиографический метатекст есть информация, необходимая для адекватного восприятия и понимания первоисточника. Правомочность введения понятия подтверждается многообразием жанров библиографического метатекста, генетической связью с первоисточником.

Диалогическая природа связи "художественный текст – библиографический метатекст" раскрывается через систему перевода художественной информации в свернутый текст. Функционально это проявляется в концентрации смысла, отвечающей потребности читателей в краткой информации о первоисточнике, поскольку мышление на уровне смыслов выявляет самые существенные содержательные и художественные ценности. Замещающая функция проявляется в возможности замены ведущих смыслов произведения иными знаками и символами, что находит свое выражение в процессах кодирования и декодирования информации. Представительная функция проявляется в умении презентации художественного произведения, выносе его на суд читателя.

Профессиональное восприятие библиографа для построения технологии библиографического метатекста предполагает знание и использование кодов художественной информации. Код в том значении, в каком он существует в культуре, употребляется помогая устанавливать ассоциативные связи, идущие от одного сознания к другому в плане кодирования человеческого опыта. Система кодов

включает и техническую, и духовную стороны в тесной взаимосвязи и взаимозависимости. Код как вспомогательная форма выражения концепта авторского замысла органично входит в технологический алгоритм создания библиографического метатекста. Коды выступают пусковым механизмом построения движущейся целостности смыслов. Алгоритм, связанный с этапами познавательной деятельности, включает в свой контекст обозначенные и содержательно представленные в диссертационном исследовании коды. На этапе восприятия – это целевая направленность библиографической деятельности на познание текста с мобилизацией сущностных сил человека. В процессе осмысления осуществляется вхождение в диалог с автором, "вживание" в мир героев, эмоциональное сопереживание. На этапе понимания процесс анализа продолжается выявлением кодов художественной информации. Герменевтический код подводит к выбору важнейших, существенных смыслов, необходимых для адекватного толкования художественных текстов. Такая деятельность осуществляется на этапе выбора. Психологический механизм библиографической деятельности в этот момент носит рефлексрующий характер с постоянным обращением к исходным позициям и основаниям собственных действий, где все направлено на отбор средств, передающих своеобразие текста-оригинала. Творческий характер деятельности проявляется на этапе создания библиографического метатекста, требующего переноса образно-символической и содержательной информации в новый текст, выстраиваемый по законам библиографического жанра. Соразмерность и соотношение элементов в структуре библиографического метатекста, который существует как целостная внутренне организованная единица, обеспечивается в результате креативной деятельности библиографа.

Библиографический метатекст является собой результат обобщения того, что было добыто в процессе оценочно-мыслительного действия – библиографического анализа.

Готовность библиографического метатекста к функционированию в читательской среде осуществляется в библиографических

пособиях, справочниках, антологиях, библиографических энциклопедиях в системе "библиографический метатекст – читатель – художественный текст", где первичной информацией, предвосхищающей встречу с прекрасным, является библиографический метатекст. Такова диалектика когнитивно-креативной деятельности по освоению художественной информации и созданию библиографического метатекста.

Теоретическое обоснование библиографического метатекста и разработанный технологический алгоритм позволили выстроить обучающий вариант, требующий тонкой организации и дидактически обоснованного включения знаний о библиографическом метатексте в программы читаемых курсов.

Для переноса исследований в социокультурное пространство был выбран метод семантического дифференциала, основанный на биполярных понятиях. Эти противоположные понятия свободно выбирались читателями и присваивались аннотациям. Оценки по высшему рангу несли в себе положительные суждения и мнения, из которых складывался образ "идеальной" аннотации, необходимой современному читателю. Современный читатель представляет аннотационный текст актуальным, продуманным, притягивающим, доступным, эмоциональным, гармоничным, соразмерным, экспрессивным, художественным, красочным. Рейтинг конструкторов аннотаций позволил выделить пять факторов: коммуникативный, эмоциональный, художественной ценности, семантической адекватности, гендерный, учет которых необходим в библиографировании художественных произведений.

Этот образец аннотации может быть использован в алгоритме профессиональной библиографической деятельности с тем, чтобы внести коррекцию с учетом данного ранжирования в процесс библиографирования художественных произведений. Таким образом, выявлен синтез профессионального и читательского образа библиографического метатекста в системе "библиографический метатекст – читатель – художественный текст". Читательский образ

идеального библиографического метатекста позволяет обогатить как само представление о библиографическом метатексте, так и технологический алгоритм его создания. Дальнейшее исследование видится в освоении понятия библиографического метатекста, рассмотрении его взаимосвязи с ведущими понятиями библиографии, в необходимости обновления понятийно-терминологического аппарата литературной библиографии, совершенствовании библиографической деятельности по библиографированию художественных текстов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айгистов, Р.А. Оптимизация библиографического и справочно-информационного обслуживания российского книжного рынка на современном этапе [Текст] / Р.А. Айгистов // Книга и мировая цивилизация. – М.: Наука, 2004. – С. 265-269.
2. Александрова, Р.И. Использование художественной критической и публицистической литературы в курсе философии [Текст]/ Р.И. Александрова.– Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1989. – 99 с.
3. Алешина, Ю.Е. Проблемы усвоения ролей мужчины и женщины [Текст]/ Ю.Е. Алешина, А.С. Волович // Вопр. психологии. – 1991. - №4. – С.81-84.
4. Ананьев, Б.Т. Человек как предмет познания [Текст]/ Б.Т. Ананьев. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. – 339 с.
5. Анастаси, А. Психологическое тестирование. Кн. 1. [Текст]/ А. Анастаси; под ред. К.М.Гуревича, В.И. Лубовского. – М.: Педагогика, 1982. – 320 с.
6. Андреев, Н.А. Целостный анализ литературного произведения [Текст]/ Н.А. Андреев. – Минск: НП “Центр”, 1995. – 144 с.
7. Андреева, И.М. Интеграционные тенденции в литературной библиографии [Текст]: дис. ... канд. пед. наук/ И.М. Андреева. – М., 1985. – 315 с.
8. Андреева, Н.Е. Виртуальное справочное обслуживание читателей [Текст]/ Н.Е. Андреева // Мир библиографии. –2006. – № 2. – С. 18-21.
9. Анисимов, С.Ф. Духовные ценности: производство и потребление [Текст]/ С.Ф. Анисимов. - М.: Мысль, 1988. – 240 с.
10. Арнольдов, А.И. Введение в культурологию [Текст]/ А.И. Арнольдов. – М.: Наука, 1993. – 350 с.

11. Архангельский, Л.М. Моральные ценности и современность [Текст]/ Л.М. Архангельский.// Вопросы философии – 1983. – № 11. – С.88–93.
12. Астапович, А.О. О регулировании библиографической терминосистемы / А.О. Астапович // Мир библиографии. – 2006. – №3. – С. 22-26.
13. Астахова, Л.В. Библиография как научный феномен [Текст]: монография / Л.В. Астахова; МГУКИ. – М., 1997. – 338 с.
14. Антонова, С.Г. Книга по искусству. Вопросы типологии и издания [Текст]/ С.Г. Антонова. – М.:МГУП, 2004. – 108 с.
15. Ахметова, Г.Д. Тайны художественного текста: каким должен быть лингвистический анализ [Текст]/ Г.Д. Ахметова. – М.: Магистр, 1997. – 216 с.
16. Ашервуд, Б. Азбука общения или PUBLIC RELATION библиотеки [Текст]/ Б. Ашервуд. – М.: Либерея, 1995. – 176 с.
17. Бабичева, М.Е. Рекомендательно-библиографическая деятельность как функция библиотеки (На примере РГБ) / М.Е. Бабичева // Библиография. – 2007. – №5. – С. 24-27.
18. Бавин, С.П. Зарубежный детектив XX века (в русских переводах) [Текст]: попул. библиогр. энциклопедия / С.П. Бавин. – М.: Кн. палата, 1991. – 206 с.
19. Бавин, С.П. Литературная библиография (день нынешний и грядущий) [Текст]/ С.П. Бавин // Советское библиотековедение. – 1991. – № 3. – С. 48 – 53.
20. Бавин, С.П. Литературная рекомендательная библиография: динамика основных функций и жанрово-психологическая структура в современной социокультурной ситуации [Текст]: дис. ... канд. пед. наук в виде науч. докл. / С.П. Бавин. – М., 1996. –31 с.

21. Бавин, С.П. Обыкновенные истории (Людмила Петрушевская) [Текст]: библиогр. очерк/ С.П. Бавин. – М., 1995. – 36 с. – (“Процесс осмысления”).
22. Бавин, С.П. Популярная литературная библиография и информационная культура личности [Текст]: монография / С.П. Бавин. – М.: РГБ, 1996. – 92 с.
23. Бавин, С.П. Самовозрастающий Логос (Венедикт Ерофеев) [Текст]: библиогр. очерк / С.П. Бавин. – М., 1995. – 45 с. – (“Процесс осмысления”).
24. Бавин, С.П. Книги, которые читают все [Текст]: библиогр. очерки / С.П. Бавин, О.А. Гурболикова. – М.: Кн. палата, 1989. – 176 с.
25. Бавин, С.П. Судьбы поэтов Серебряного века [Текст]: библиогр. очерки / С.П. Бавин, И.В. Семибратова. – М.: Кн. палата, 1993. – 475 с.
26. Бавин, С.П. Рекомендательная библиография в РГБ на рубеже эпох [Текст]: эстетический комплекс / С.П. Бавин // Библиография, 2006. – №2. – С. 21-28.
27. Баженова, Е.А. Научный текст в аспекте политекстуальности [Текст]/ Е.А. Баженова. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2001. – 270 с.
28. Барсук, А.И. Психолого-педагогическая концепция библиографии [Текст]/ А.И. Барсук // Библиография, 1998. – № 6.– С.89 – 100.
29. Барт, Р. Избранные статьи. Семиотика. Поэтика [Текст]/ Р. Барт. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
30. Бахтин, М.М. и гуманитарное мышление на пороге XXI века[Текст]/ М.М. Бахтин.– Саранск: Изд-во МГУ им. Н.П. Огарева, 1995. – 244 с.
31. Бахтин, М.М. Проблемы поэтики Достоевского [Текст]/ М.М. Бахтин. – М.: Сов. Россия, 1979. – 276 с.

32. Бахтин, М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса [Текст]/ М.М. Бахтин.– М.: Худож. лит., 1990. – 356 с.
33. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества [Текст]/ М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1986. – 426 с.
34. Беляева, Л.И. Мотивы чтения и критерии оценки произведений художественной литературы у разных категорий читателей [Текст] / Л.И. Беляева // Художественное восприятие. – М., 1971. – С.162-175.
35. Бендас, Т.В. Гендерные исследования лидерства// Вопр. психологии [Текст]/ Т.В. Бендас. – 2000. – №1. – С. 87-96.
36. Берн, Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений. Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы [Текст]/ Э. Берн. – М.: Прогресс, 1988. – 162 с.
37. Беспалов, В.М. Изучение читательского восприятия как средство совершенствования личности [Текст]: дис. ... канд. пед. наук / В.М. Беспалов. – М., 1986. – 231 с.
38. Беспалова, Э.К. Формирование библиографической мысли в России (до 60-х годов XIX века) [Текст]: монография / Э.К. Беспалова; МГУКИ. – М., 1994. – 282 с.
39. Бехтерев, В.М. Объективная психология [Текст]/ В.М. Бехтерев. – М.: Наука, 1991. – 480 с.
40. Библер, В.С. Кант – Галилей – Кант. Разум Нового времени в парадоксах самообоснования [Текст]/ В.С. Библер. – М.: Мысль, 1991. – 317 с.
41. Библер, В.С. Культура. Диалог культур: (опыт определения) [Текст] / В.С. Библер: // Вопросы философии. – 1989. – №6. – С.31-39.
42. Библер, В.С. Михаил Михайлович Бахтин или поэтика культуры [Текст]/ В.С. Библер. – М.: Прогресс, 1991. – 203 с.

43. Библер, В.С. Мышление как творчество [Текст]/ В.С. Библер. – М.: Госполитиздат, 1977. – 203 с.
44. Библер, В.С. От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в XXI век [Текст]/ В.С. Библер. – М.: Политиздат, 1991. – 413 с.
45. Блюмкин, В.А. Нравственное воспитание: Философско-этические основы [Текст]/ В.А. Блюмкин. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1990. – 142 с.
46. Бодалев, А.А. Восприятие и понимание человека человеком [Текст]/ А.А. Бодалев. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – 19 с.
47. Бодалев, А.А. О взаимосвязи общения и отношения [Текст]/ А.А. Бодалев // Вопросы психологии. – 1994. – №1. – С.122-127.
48. Божович, Л.И. Психологические закономерности формирования личности в онтогенезе [Текст]/ Л.И. Божович // Вопросы психологии. – 1976. – №6. – С.45-53.
49. Болдырев, Н.Н. К лингвистическому обоснованию понятия гендерной интерпретации/ Н.Н. Болдырев, И.Г. Серова // Филологические науки, 2007. – №5. – С.41-50.
50. Большой толковый словарь русского языка [Текст]/ сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Наринт, 1998. – 1536 с.
51. Боров, Ю.Б. К методологии анализа литературного произведения// Целостный анализ литературного произведения [Текст]/ Ю.Б. Боров. – М.: Владос, 1986. – 401 с.
52. Борисова, О.О. Рекламно-информационные технологии библиотечной деятельности [Текст]: учеб.-практ. пособие / О.О. Борисова. – СПб.: Профессия, 2006. – 320 с.
53. Брудный, А.А. Психологическая герменевтика [Текст]/ А.А. Брудный. – М.: Лабиринт, 1998. – 336 с.

54. Бугрова, О.Л. О точности литературоведения и литературной библиографии: аспект взаимодействия [Текст]/ О.Л. Бугрова // Культура. Творчество. Человек: тез. Всерос. респ. науч. конф. Ч. II/ СГИИК. – Самара, 1991. – С. 75-76.
55. Буева, Л.П. Человек как высшая ценность и главное богатство общества// Человек в системе наук [Текст]/ Л.П. Буева. – М., 1989. – С.403-502.
56. Бурлачук, Л.Ф. Словарь-справочник по психодиагностике [Текст]/ Л.Ф. Бурлачук, С.М. Морозов. – СПб.: Питер Ком, 1999. – 528 с.
57. Бутенко, И.А. Особенности женского чтения [Текст] / И.А. Бутенко // Библиотекосведение. – 1982. – № 3. – С. 30-46.
58. Бутенко, И.А. Читатели и чтение на исходе XX в.: социол. аспекты / И.А. Бутенко. – М.: Наука, 1997. – 132 с.
59. Буянов, М.И. Внушение и женщины [Текст]/ М.И. Буянов; Рос. о-во медиков, литераторов. – М., 1994. – 160 с.
60. Валгина, Н.С. Активные процессы в современном русском языке [Текст]/ Н.С. Валгина. – М.: Логос, 2001. – 304 с.
61. Векшин, Г.В. Очерк фоностилистики текста: звуковой повтор в перспективе смыслообразования [Текст]: монография / Г.В. Векшин. – М.: МГУП, 2006. – 462 с.
62. Воробьева, К.И. Отечественная библиографическая психология: история, состояние, перспективы [Текст]: автореф. дис. ... д-ра психол. наук / К.И. Воробьева. – СПб., 1996. – 39 с.
63. Воротников, Ю.Л. Врожденные концепты, семантические кварки и смысловые исходы/ Ю.Л. Воротников // Филологические науки. – 2007. – № 3. – С. 47-53.
64. Воспитание чувств или Утраченные иллюзии: духовные искания героя французской литературы XIX века [Текст]: библиогр. эссе/ сост. В.В. Бондаренко; РГЮБ. – М., 1994. – 45 с.

65. Вохрышева, М.Г. Теория библиографии [Текст]: учеб. пособие/ М.Г. Вохрышева. – Самара: Изд-во СГАКИ, 2004. – 368 с.
66. Вохрышева, М.Г. Библиографическая деятельность: структура и эффективность [Текст]/ М.Г. Вохрышева. – М.: Кн. палата, 1989. – 199 с.
67. Вохрышева, М.Г. Библиография в системе культуры [Текст]/ М.Г. Вохрышева; СГИИК. – Самара, 1993. – 125 с.
68. Вохрышева, М.Г. Библиография и культура: грани взаимодействия [Текст]/ М.Г. Вохрышева // Библиотечно-библиографическая деятельность в системе социальных процессов. – Самара, 1993. – С.5-25.
69. Вохрышева, М.Г. Библиографоведение на границе веков [Текст]: методол. заметки / М.Г. Вохрышева // Библиография. – 1999. – № 6. – С. 4-14.
70. Вохрышева, М.Г. О библиографическом общении [Текст]/ М.Г. Вохрышева // Советская библиография. – 1983. – №3. – С.55–60.
71. Вохрышева, М.Г. Обоснование библиографического метода как общенаучного [Текст]/ М.Г. Вохрышева // Советская библиография. – 1984. – №3. – С. 9-15.
72. Вохрышева, М.Г. Основные аспекты изучения системы средств библиографической пропаганды художественной литературы [Текст]: дис. ... канд. пед. наук. / М.Г. Вохрышева. – М., 1973. – 326 с.
73. Вундт, В. Введение в философию [Текст]/ В. Вундт. – М.: Добросвет, 1998. – 354 с.
74. Выготский, Л.С. Педагогическая психология [Текст]/ Л.С. Выготский. – М.: Педагогика, 1991. – 480 с.
75. Выготский, Л.С. Психология искусства [Текст]/ Л.С. Выготский. – М.: Педагогика, 1987. – 344 с.
76. Гадамер, Х. К. Истина и метод: Основы филос. герменевтики [Текст]/ Х.К. Гадамер. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.

77. Гайдено, П.П. Время и вечность: парадоксы континуума [Текст]/ П.П. Гайдено // Вопросы философии. – 2000. – № 6. – С. 110-138.
78. Галеева, Н.Л. Жанровые и психологические особенности художественных текстов [Текст]/ Н.Л. Галеева // Актуальные проблемы психолингвистики: слово и текст. – Тверь, 1996. – С. 146-149.
79. Гальперин, И.Р. О понятии “текст” [Текст]/ И.Р. Гальперин // Вопросы языкознания. – 1974. – №6. – С.68-77.
80. Гегель, Г.В.Ф. Политические произведения [Текст]/ Г.В.Ф. Гегель. – М.: Политиздат, 1978. – 462 с.
81. Гиршман, М.М. Литературное произведение: теория и практика анализа [Текст]/ М.М. Гиршман. – М.: Высш. шк., 1991. – 160 с.
82. Гнатко, Н.М. Проблема креативности и явление подражания [Текст]/ Н.М. Гнатко; Ин-т психологии РАН. – М., 1994. – 45 с.
83. Гогоберидзе, Ф.Ю. Потребности, интересы, ценности как формирующие факторы ценностных ориентаций личности (Категориальный анализ) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Ф.Ю. Гогоберидзе. – Карачаевск, 1998. – 28 с.
84. Голубева, Н.Л. Деятельность детской библиотеки по подготовке родителей к семейному чтению как межличностному общению [Текст]: дис. ... канд. пед. наук / Н.Л. Голубева. – М., 1994. – 191 с.
85. Горбунов, А.М. Зарубежный роман XX века [Текст]: рек. библиогр. указ./ А.М. Горбунов ГБЛ. – М.: Книга, 1982. – 351 с.
86. Горбунов, А.М. Моделирование чтения художественной литературы в теории и практике рекомендательной библиографии для молодежи [Текст]/ А.М. Горбунов // Система рекомендательно-библиографической информации; МГИК. – М., 1981. – С.44-64.
87. Горбунов, А.М. Панорама веков: Зарубежная художественная проза от возникновения до XX в. [Текст]: попул. библиогр. энцикл./ А.М. Горбунов. – М.: Кн. палата, 1991. – 576 с.

88. Горбунов, А.М. Популярная библиографическая энциклопедия: Новое качество чтения [Текст]/ А.М. Горбунов // Советская библиография – 1991. – №1. – С. 17-25.
89. Горбунов, А.М. Фасетная классификация в литературной библиографии [Текст]/ А.М. Горбунов // Информационное общество: культурологические аспекты и проблемы: тез. докл. междунар. конф., Краснодар–Новороссийск, 17 – 19 февр. 1997 г. – Краснодар, 1997. – С. 320-322.
90. Гордукалова, Г.Ф. Документальный поток в библиографической деятельности: история, теория, технология освоения [Текст]: дис. ... д-ра пед. наук / Г.Ф. Гордукалова. – СПб., 1992. – 506 с.
91. ГОСТ 7.1–2003. Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления[Текст].- М. : Изд-во стандартов, 2004.– 36 с.
92. ГОСТ 7.9–95. Реферат и аннотация [Текст]. – М., 1996. – 5 с.
93. Григорьев, Б.В. Проблемы интерпретации [Текст]: монография / Б.В. Григорьев. – М.: Изд-во МПГУ, 1997. – 148 с.
94. Губарева, Т.Ю. Психолингвистический анализ понимания письменного текста [Текст]: дис. ... канд. филол. наук./ Т.Ю. Губарева. – М., 1997. – 186 с.
95. Гудков, Д.Б. Алгоритм восприятия текста и межкультурная коммуникация [Текст]/ Д.Б. Гудков // Язык, сознание, коммуникация. – М., 1997. – С. 114-127.
96. Гурболикова, О.А. Тайна Владимира Набокова [Текст]: Библиогр. очерки / О.А. Гурболикова. – М., 1995. – 249 с. – (“Процесс осмысления”).
97. Гуркова, В.Ю. Библиография художественно-эстетического комплекса как средство содействия эстетическому развитию студентов в вузовской библиотеке [Текст]: дис. ... канд. пед. наук. / В.Ю. Гуркова. – М., 1993. – 176 с.

98. Гурова, Р.Г. О методологии и методах исследования проблем воспитания [Текст]/ Р.Г. Гурова. – М.: Педагогика, 1989. – 68 с.
99. Гусева, Н.И. Вопросы интенсивности развития системы рекомендательных библиографических пособий эстетического комплекса [Текст]/ Н.И. Гусева // Проблемы совершенствования системы рекомендательно-библиографических пособий/ ГБЛ. – М., 1987. – С. 87-107.
100. Гусева, Н.И. Использование характеристики произведений художественной литературы в работе с молодыми читателями [Текст]/ Н.И. Гусева // Проблемы составления рекомендательных библиографических пособий и их использования в работе с читателями/ ГБЛ. – М., 1981. – С. 63-72.
101. Гусев, В.И. К соотношению философских и литературоведческих категорий в контексте современной интерпретации классики [Текст] / В.И. Гусев// Филолог. науки. – 2007. – С. 64-70.
102. Давыдов, В.В. Проблемы развивающего обучения [Текст]/ В.В. Давыдов. – М.: Педагогика, 1986. – 240 с.
103. Давыдова, М.И. В мире художественной литературы [Текст]/ М.И. Давыдов // Мир библиогр. – 1999. – № 4. – С. 71-74; 1999. – № 5. – С. 80-85.
104. Давыдова, М.И. Рекомендательная литературная библиография как средство формирования художественной культуры общества [Текст]: дис. ... д-ра пед. наук / М.И. Давыдова. – М., 1991. – 283 с.
105. Давыдова, М.И. Советское библиографоведение о теоретических и методических вопросах рекомендательной библиографии художественной литературы и литературоведения [Текст]/ М.И. Давыдова // Вопросы библиографоведения / МГИК. – М., 1978. – Вып.6. – С. 43-85.

106. Давыдова, М.И. Сохранить целостность и множить каналы распространения [Текст] / М.И. Давыдова // Вопросы библиографоведения. – 2002. – Вып. 11. – С. 33-40.
107. Депцова, Т.Ю. Применение герменевтического метода в библиографировании художественных текстов [Текст] / Т.Ю. Депцова // Аспирантский вестник Самарской губернии. – 2001. – № 1. – С.27-33.
108. Депцова, Т.Ю. Библиографическая интерпретация художественного текста по способу декодирования смысла [Текст] / Т.Ю. Депцова // Книга и мировая цивилизация. – М.: Наука, 2004. – С. 205-207.
109. Дворкина, М.Я. Информационное обслуживание [Текст]: социокультурный подход / М.Я. Дворкина. – М.: Профиздат, 2001. – 110 с.
110. Добрынина, Н.Е. Рекомендательно-просветительная ... [Текст]/ Н.Е. Добрынина // Библиография. – 1995. – №3. – С.10-15.
111. Дробницкий, О.Г. Ценность [Текст]/ О.Г. Дробницкий // Философский энциклопедический словарь. – М., 1989. – С. 73-75.
112. Дружинин, В.Н. Экспериментальная психология [Текст]/ В.Н. Дружинин. – М.: ИНФРА-М, 1997. – 256 с.
113. Дулатова, А.Н. Рекомендательная характеристика в литературном библиографическом пособии как носитель первичной информации [Текст]/ А.Н. Дулатова // Человек в мире искусства: Информационные аспекты: тез. докл. междунар. конф. КГИК. – Краснодар, 1994. – С. 351-353.
114. Елисеева, Ю.А. Коммуникативный универсум детского чтения [Текст]: дис. ... канд. филос. наук / Ю.А. Елисеева. – Саранск, 1998. – 164 с.
115. Еременко, Т.В. Отраслевые библиографии литературно-художественного комплекса как предмет вузовского преподавания [Текст]: дис. ... канд. пед. наук / Т.В. Еременко. – М., 1991. – 217 с.

116. Есин, А.Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения [Текст]: учеб. пособие / А.Б. Есин. – М.: Флинта; Наука, 1998. – 248 с.
117. Залесский, Г.Е. Психологические вопросы формирования убеждений [Текст]/ Г.Е. Залесский. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – 115 с.
118. Здравосмыслов, А.Г. Потребности, интересы, ценности [Текст]/ А.Г. Здравосмыслов. – М.: Политиздат, 1986. – 221 с.
119. Зимина, Л.В. Комментирование художественных текстов [Текст]: дис. ... канд. пед. наук / Л.В. Зимина. – М., 1992. – 196 с.
120. Зубов, Ю.С. Библиография как система свернутого знания [Текст]/ Ю.С. Зубов // Теоретико-методологические проблемы современного советского библиографоведения. – М., 1981. – С.23-41.
121. Иващенко, А.В. Нравственные ценности и особенности их освоения подростками [Текст]: А.В. Иващенко, Г.П. Савкина; МГПИ. – М., 1993. – 122 с.
122. Известия РАН. Сер. литературы и языка. – Т. 64. – №3. 2005. – №3. – С. 13-27.
123. Истрина, М.В. Аннотирование произведений печати [Текст]: метод. пособие / М.В. Истрина. – М.: Книга, 1981. – 48 с.
124. Каган, М.С. Философия культуры [Текст]/ М.С. Каган.– СПб.: Петрополис, 1996. – 416 с.
125. Каган, М.С. Философская теория ценности [Текст]/ М.С. Каган. – СПб.: Петрополис, 1997. – 205 с.
126. Каган, М.С. Эстетика как философская наука [Текст]/ М.С. Каган. – СПб.: Петрополис, 1997. – 544 с.
127. Кадькалова, Э.П. Основание интерпретации языка художественного текста[Текст]/ Э.П. Кадькалова // Исследования по художественному тексту. – Саратов, 1994. – С. 38-41.

128. Казакина, М.Г. Ценностные ориентации школьников и их формирование в коллективе [Текст]/ М.Г. Казакина. – Л.: Изд-во ЛГПИ, 1989. – 83 с.
129. Казакова, Н.В. Русская публицистика в социально–философском осмыслении приоритетных глобальных проблем [Текст]: дис. ... канд. филос. наук / Н.В. Казакова. – Саранск, 1999. – 170 с.
130. Карасев, О.В. Некоторые аспекты понимания текста [Текст]/ О.В. Карасев // Понимание как усмотрение и построение смыслов. – Тверь, 1996. – С. 3-7.
131. Карайченцева, С.А. Книговедение: литературно-художественная и детская книга. Издания по филологии и искусству [Текст]: учеб. для вузов / С.А. Карайченцева. – М.: МГУП, 2004. – 424 с.
132. Карпова Е.В. Коммерция текста в речевом штампе [Текст]/ Е.В. Карпова // Язык и стиль: межвуз. сб. науч. тр. – М.: МГУП, 2007. – С. 157-159.
133. Катаев, В.П. Проза Чехова: проблемы интерпретации [Текст]/ В.П. Катаев.– М.: Прогресс, 1979. – 196 с.
134. Квартерникова, Т.О. Информалогический подход к литературному процессу как объекту библиографирования [Текст]/ Т.О. Квартерникова // Человек, наука, искусство: тез. докл. междунар. науч. конф./ СГИИК. – Самара, 1996. – С. 400-402.
135. Киселев, В.С. Коммуникативная природа метатекстовых образований (На материале русской прозы конца XVIII – первой трети XIX века)// Изв. РАН. Сер. лит. и яз. – С. 13-26.
136. Кларин, М.В. Интерактивное обучение – инструмент освоения нового опыта [Текст]/ М.В. Кларин // Педагогика.– 2000. – № 7. – С. 12-18.
137. Клочко, О.И. Гендерная асимметрия социализации [Текст]: дис. ... канд. филос. наук / О.И. Клочко. – Саранск, 1999. – 167 с.

138. Книги по почте: 2000 (осень) [Текст]: прилож. к журн. "РИПОЛПОСТ". – М., 2000. – 32 с.
139. Книжность как феномен культуры [Текст]: материалы круглого стола // Вопр. философии. – 1994. – № 7/8. – С. 3-37.
140. Колядич, Т.М. Воспоминания писателей [Текст]: проблемы поэтики жанра: монография / Т.М. Колядич. – М.: Мегатрон, 1998. – 276 с.
141. Коптева, С.И. Развитие самопознания личности посредством художественной перцепции [Текст]: автореф. дис. ... канд. психол. наук. / С.И. Коптева. – Минск, 1997. – 16 с.
142. Корнилова, Т.В. Введение в психологический эксперимент [Текст] / Т.В. Корнилова. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – 199 с.
143. Коршунов, О.П. Библиографоведение. Общий курс [Текст]: учеб. / О.П. Коршунов. – М.: Кн. палата, 1990. – 232 с.
144. Коршунов, О.П. Как создать общую теорию библиографии? [Текст] / О.П. Коршунов // Библиогр. – 2000. – № 3. – С. 37-42.
145. Коршунов, О.П. Принципы библиографической деятельности [Текст] / О.П. Коршунов // Мир библиогр. – 2000. – № 5. – С. 11-13.
146. Красильникова, Н.В. Обучение чтению научного текста [Текст] / Н.В. Красильникова, Н.М. Лариохина. – М.: Изд-во МГУ, 1993. – 120 с.
147. Крейденко, В.С. Библиотечные исследования: Науч. основы [Текст] / В.С. Крейденко. – М.: Книга, 1983. – 143 с.
148. Кубанцева, И.А. Библиотечные кадры и система их подготовки в Мордовском округе [Текст] / И.А. Кубанцева // Книга и мировая цивилизация. – М.: Наука, 2004. – С. 105-107.
149. Кудина, Г.Н. Как развивать художественное восприятие у школьников [Текст] / Г.Н. Кудина. – М.: Мысль, 1988. – 149 с.

150. Кузичкина, Г.А. Библиографическая интерпретация художественных текстов [Текст]/ Г.А. Кузичкина // Книга и культура: тез. докл. междунар. науч. конф./ СГИИК. – Самара, 1994. – С. 175-177.
151. Кузнецов, В.Г. Герменевтика и гуманитарное познание [Текст]/ В.Г. Кузнецов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991. – 192 с.
152. Куманова, А.В. Форма библиографической информации в системе гуманитарного знания: Теоретико-методол. проблемы [Текст]: дис. ... д-ра пед. наук / А.В. Куманова. – СПб., 1996. – 799 с.
153. Курганов, С.Ю. Ребенок и взрослый в учебном диалоге [Текст]/ С.Ю. Курганов. – М.: Просвещение, 1989. – 127 с.
154. Кучуради, И. Оценка, ценности и литература [Текст]/ И. Кучуради // Вопр. философии. – 2000. – № 10. – С. 68-78.
155. Лауфер, Ю.М. К изучению сущности библиографической информации [Текст] / Ю.М. Лауфер // Советская библиогр. – 1982. – № 6. – С. 42-47.
156. Лауфер, Ю.М. Характерные черты литературной библиографической информации [Текст]/ Ю.М. Лауфер // Современные проблемы библиографии и библиографоведения: сб. науч. тр. Вып. 66/ МГИК. – М., 1985. – С. 44-56.
157. Левидов, А.М. Автор – образ – читатель [Текст]/ А.М. Левидов. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. – 360 с.
158. Левина, Е.Р. Психология восприятия художественной литературы [Текст]/ Е.Р. Левина. – М.: Мысль, 1989. – 57 с.
159. Лемов, А.В. Система, структура и функционирование научного термина: (на материале рус. лингвист. терминологии) [Текст]/ А.В. Лемов. – Саранск: Изд-во МГУ им. Н.П. Огарева, 2000. – 192 с.
160. Леонтьев, Д.А. Методика изучения ценностных ориентаций [Текст]/ Д.А. Леонтьев. – М.: Смысл, 1992. – 98 с.

161. Леонтьев, Д.А. Психология смысла [Текст]/ Д.А. Леонтьев. – М.: Смысл, 1999. – 488 с.
162. Леонтьев, Д.А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции [Текст]/ Д.А. Леонтьев // Вопр. философии. – 1996. – № 4. – С. 15-27.
163. Лефевр, В.А. От психофизики к моделированию души [Текст]/ В.А. Лефевр // Вопр. философии. – 1990. - № 7. – С.25-31.
164. Литература и искусство '92 [Текст]: попул. библиогр. справ./ РГБ. – М., 1994. – 132 с.
165. Лихачев, Б.Т. Философия воспитания [Текст]/ Б.Т. Лихачев. – М.: Прометей, 1995. – 286 с.
166. Лихачев, Д.С. Поэзия труда библиографа [Текст]/ Д.С. Лихачев // Библиография в моей жизни: сб. ст. – М., 1984. – С. 43-47.
167. Личность и сознание: Проблемы развития [Текст]. – Л.: Изд-во ЛГПИ, 1989. – 152 с.
168. Лишь слову жизнь дана: К 125-летию со дня рождения И.А. Бунина [Текст]: рек. библиогр. указ./ РГЮБ; сост. Г.А. Хакимова, С.Н. Морозов. – М., 1995. – 58 с.
169. Лихтарович В.А. Стилиевые тенденции как теоретико-литературное понятие [Текст]/ В.А. Лихтарович// Филолог. науки. – 2007. – №6.
170. Лобанова, Л.П. О языке науки в условиях глобализации [Текст]/ Л.П. Лобанова// Филолог. науки. – 2007. – С. 82-92.
171. Локалова, Н.П. Стадии овладения учениками литературным текстом [Текст]/ Н.П. Локалова // Начальная школа. – 1996. – № 7. – С. 75-80.
172. Лопатина, Н.В. Создание компьютерного аналога рекомендательного библиографического пособия по художественной литературе (Вопросы теории и методологии) [Текст]: дис. ... канд. пед. наук / Н.В. Лопатина. – М., 1996. – 252 с.

173. Лосев, А.Ф. Философия. Мифология. Культура [Текст]/ А.Ф. Лосев. – М.: Политиздат, 1991. – 525 с.
174. Лосева, Л.М. Как строится текст [Текст]/ Л.М. Лосева. – М.: Просвещение, 1980. – 96 с.
175. Лотман, Ю.М. О содержании и структуре понятия «художественная литература» [Текст]/ Ю.М. Лотман // О русской литературе. – СПб., 1997. – С. 774-778.
176. Максимов, А.М. Философия ценностей [Текст]/ А.М. Максимов. – М.: Высш. шк., 1997. – 175 с.
177. Мартыанова, И.А. Субъективация и объективация изображения, наблюдаемого в художественном тексте [Текст]/ И.А. Мартыанова // Актуализация семантико-прагматического потенциала языкового знака. – Новосибирск, 1996. – С. 129-135.
178. Мелентьева, Ю.П. Библиотека как институт социализации юношества [Текст]: дис. ... д-ра пед. наук / Ю.П. Мелентьева. – М., 1995. – 318 с.
179. Мельчик, А.Э. Больше думать о читателе (Об одной вредной тенденции в аннотировании книг) [Текст]/ А.Э. Мельчик // Библиогр. – 1986. – № 4. – С. 64-71.
180. Мельчук, И.А. Опыт теории лингвистических моделей “смысл - текст” [Текст]/ И.А. Мельчук. – М.: Наука, 1974. – 216 с.
181. Менегетти, А. Психология жизни [Текст]/ А. Менегетти. – СПб.: Петрополис, 1992. – 84 с.
182. Местергази, Е.Г. Специфика художественной образности в «документальной литературе» [Текст]/ Е.Г. Местергази // Филолог. науки. – 2007. – №1. – С. 3-13.
183. Метод диагностики межличностных отношений [Текст]: метод. рекомендации/ под ред. Л.Н. Собчик. – М.: Педагогика, 1990. – 56 с.
184. Мешков, В.М. Москва вековечная [Текст]: библиогр. энцикл. / В.М. Мешков. – М.: Кн. палата, 1997. – 670 с.

185. Микешина, Л.А. Специфика философской интерпретации [Текст]/ Л.А. Микешина // *Вопр. философии*. – 1999. – № 11. – С. 3-13.
186. Мильчин, А.Э. Культура книги: что делает книгу удобной для чтения [Текст]/ А.Э. Мильчин. – М.: Кн. палата, 1992. – 224 с.
187. Мильчин, А.Э. Методика редактирования текста [Текст]/ А.Э. Мильчин. – 3-е, изд., перераб. и доп. – М.: Логос, 2005. – 528 с.
188. Миронов, К.С. История России в поэзии и прозе [Текст]: библиогр. указ. ист.-худож. лит. XX в. / К.С. Миронов. – М., 1985. – 141 с.
189. Миронов, Г.Е. История государства Российского. XIX в. [Текст]: ист.-библиогр. очерки / Г.Е. Миронов. – М.: Кн. палата, 1995. – 734 с., ил.
190. Михнова, И.В. Теоретические предпосылки и методика формирования ядра юношеского чтения художественной литературы [Текст]: дис. ... канд. пед. наук / И.В. Михнова. – М., 1987. – 288 с.
191. Моргенштерн, И.Г. Тематическая библиография художественной литературы [Текст]: дис. ... канд. пед. наук / И.Г. Моргенштерн. – Л., 1963. – 534 с.
192. Моргенштерн, И.Г. Рекомендательная или популярная/ И.Г. Моргенштерн // *Вопросы библиографоведения*. – 2002. – Вып. 11. – С. 33-40.
193. Мудрик, А.В. Введение в социальную педагогику [Текст]: учеб. пособие для студентов/ А.В. Мудрик; Ин-т практ. психологии. – М., 1997. – 365 с.
194. Мурзин, Л.Н. Текст и его восприятие [Текст]: монография / Л.Н. Мурзин, А.С. Штерн. – Свердловск: Изд-во Свердлов. ун-та, 1991. – 171 с.
195. На вашу книжную полку: Книги по почте. № 2 [Текст]. – М., 1999. – 32 с.

- 196.Набатова, М.Б. Чтение и читательские интересы в исследованиях 90-х годов [Текст]/ М.Б. Набатова // Мир б-к сегодня. – 1996. – Вып. 2. – С. 13-31.
- 197.Невструева, Т.Х. Формирование ценностного отношения читателя к писателю как библиотечно-библиографическая проблема [Текст]: дис. ... канд. пед. наук / Т.Х. Невструева.– М., 1990. – 231 с.
- 198.Никифорова, О.И. Психология восприятия художественной литературы [Текст]/ О.И. Никифорова.– М.: Книга, 1972. – 152 с.
- 199.Никонорова, Е.В. Культура мира в информационно-библиографическом освещении [Текст]/ Е.В. Никонорова, В.А. Фокеев // Библиогр. – 2000. – № 4. – С.3-15.
- 200.Олейник, Л.Д. Индивидуальное самосознание и пути его формирования: автореф. дис. ... канд. философ. наук [Текст]/ Л.Д. Олейник. – Л., 1975. – 15 с.
- 201.Опыт экспериментального исследования восприятия искусства слова [Текст]/ Юный читатель 90-х годов/ РГЮБ. – М., 1995. – С.78-113.
- 202.Орешкина, Л.И. Диалог культур в профессиональном становлении личности учителя [Текст]: дис. ... канд. пед. наук / Л.И. Орешкина. – М., 1996. – 178 с.
- 203.Остапов, А.И. Библиотечная когнитология [Текст]: монография/ А.И. Остапов; КГАК. – Краснодар, 1995. – 331 с.
- 204.Петров, М.К. Язык, знак, культура [Текст]/ М.К. Петров. – М.: Наука, 1991. – 138 с.
- 205.Петровский, А.В. Категориальная система психологии [Текст]/ А.В. Петровский, В.А. Петровский // Вопр. психологии. – 2000. – № 5. – С. 3-17.
- 206.Полозова, Т.Д. Педагогика сотворчества и рекомендательная библиография [Текст] / Т.Д. Полозова // Библиогр. – 1995. – №1. – С.11-16.

- 207.Полянский, А.Н. Рекламное обращение как особый вид текстов рациональной и эмоциональной направленности / А.Н. Полянский // Язык и стиль: меж. сб. нац. тр. – М.: МГУП, 2007. – С. 283-305.
- 208.Пономарев, Я.А. Психология творчества и педагогика [Текст]/ Я.А. Пономарев. – М.: Педагогика, 1976. – 279 с.
- 209.Посталюк, Н.Ю. Творческий стиль деятельности: Педагогический аспект [Текст]: моногр. / Н.Ю. Посталюк. – Казань: Изд-во КГУ, 1989. – 207 с.
- 210.Потебня, А.Д. Мысль и язык [Текст]/ А.Д. Потебня // Хрестоматия по истории русского языкознания/ сост. Ф.М. Березин; под ред. Ф.П. Филина. – М., 1973. – С. 207-213.
- 211.Прыков, В.П. Французский литературный портрет XIX века [Текст]/ В.П. Прыков. – М.: Флинт – Наука, 1999. – 360 с.
- 212.Радзиховский, Л.А. Проблема диалогизма сознания в трудах М.М.Бахтина [Текст]/ Л.А. Радзиховский // Вопр. психологии. – 1985. – №6. – С. 103-116.
- 213.Ратманова, С.Б. Библиотекарь – читатель: грани межличностных взаимоотношений// Науч. и техн. б-ки. [Текст]/ С.Б. Ратманова. – 1993. – №2. – С.32-34.
- 214.Рахманалиев, Р. Культура чтения как книговедческая проблема [Текст]: История, теория, практика: дис. ... канд. филол. наук. / Р. Рахманалиев – М., 1986. – 264 с.
- 215.Резонова, В.М. Перспективы развития библиотек в информационном обществе / В.М. Резонова //Книга и мировая цивилизация. – М.: Наука, 2004. – С. 39-41.
- 216.Реформатский, А.А. Введение в языкознание [Текст]/ А.А. Реформатский; под ред. В.А. Виноградова. – М.: Амект Пресс, 2000. – 536 с.

- 217.Роджерс, К. Несколько важных открытий [Текст]/ К. Роджерс // Вестн. МГУ. Сер. 14: Психология. - 1990. - № 2. - С.61-65.
- 218.Розин, В.М. Психология и культурное развитие человека [Текст]: учеб. пособие/ В.М. Розин. - М.: Педагогика, 1994. - 144 с.
- 219.Розин, Я.А. К вопросу о природе ценностных явлений [Текст] / Я.А. Розин // Философ. науки. - 1989. - № 6. - С. 89-94.
- 220.Ромен, К. Сто персонажей мировой литературы: Путеводитель по океану мировой литературы [Текст]/ К. Ромен. - Челябинск: Урал LTD, 1997. - 508 с.
- 221.Рубинштейн, С.Л. Избранные философско-психологические труды: Основы онтологии, логики и психологии; [Текст]/ С.Л. Рубинштейн; Ин-т психологии РАН. - М.: Наука, 1997. - 462, [1] с.
- 222.Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии [Текст]/ С.Л. Рубинштейн. - СПб.: Питер, 1999. - 705, [5] с. - (Мастера психологии).
- 223.Руднев, В.П. Энциклопедический словарь культурологии XX в. [Текст]/ В.П. Руднев. - М.: Аграф, 2001. - 608 с.
- 224.Русская фантастика XX в. в именах и лицах [Текст]: справ./ под ред. М.И. Мещеряковой. - М., 1998. - 136 с.
- 225.Русь под игом. XIII - XV век [Текст]: библиогр. обзор/ сост. О.И. Мургина; РГДБ. - М., 1996. - 56 с.
- 226.Рыбина, Е.Ф. Библиография литературы для детей и юношества [Текст]/ Е.Ф. Рыбина. - М.: Изд-во МГУКИ, 1994. - 241 с.
- 227.Самсонова, А.Н. Роль установки в процессе понимания (на материале художественного текста) [Текст]: дис. ... канд. психол. наук / А.Н. Самсонова. - М., 1994. - 233 с.
- 228.Сапаров, М.А. Пространство и время художественного произведения [Текст]/ М.А. Сапаров. - М.: Прогресс, 1986. - 216 с.

- 229.Сафиуллина, З.А. Основы тестовой диагностики ценностных библиографических ориентаций читателей (на примере молодежи) [Текст]: дис. ... д-ра пед. наук / З.А. Сафиуллина.– М., 1993. – 386 с.
- 230.Сафиуллина, З.А. Ценностные библиографические ориентации читателей [Текст]/ З.А. Сафиуллина // Библиогр. – 1994. – № 5. – С.3-11.
- 231.Сахарова, Е.М. Судьбы замечательных произведений: Беседы о книгах [Текст]/ Е.М. Сахарова, И.В. Семибратова ; под ред. А.М. Горбунова.– М.: Книга, 1985. – 144 с.
- 232.Селиванова, В.И. Этюды об экстраполяции [Текст]/ В.И. Селиванова. – М.: Росвузнаука, 1992. – 224 с.
- 233.Семлен, Ж. Выход из насилия [Текст]/ Ж. Симлен // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. – М.: Прогресс, 1988. – 77 с.
- 234.Сергеев, Е.Д. Перевод с оригинала [Текст]/ Е.Д. Сергеев. – М.: Наука, 1980. – 116 с.
- 235.Симонов, В.П. Диагностика личности и профессионального мастерства преподавателя [Текст]/ В.П. Симонов.– М.: Междунар. пед. акад., 1995. – 192 с.
- 236.Симонов, В.П. Эмоции и воспитание [Текст]/ В.П. Симонов // Вопр. философии. – 1981. – № 5. – С.45.
- 237.Ситаров, В.А. Педагогика ненасилия [Текст]/ В.А. Ситаров, В.Г. Маралов. – М.: Изд-во МГПУ; Магистр, 1994. – 131 с.
- 238.Слободчиков, В.И. Реальность субъективного духа [Текст]/ В.И. Слободчиков // Человек. – 1994. – № 5. – С. 21-27.
- 239.Сляднева, Н.А. Библиографическая эвристика художественной литературы и литературоведения [Текст]: учеб. пособие/ Н.А. Сляднева; МГИК.– М., 1987. – 96 с.

- 240.Сляднева, Н.А. Библиография в системе универсума человеческой деятельности: Опыт системно-деятельностного анализа [Текст]: монография / Н.А. Сляднева; МГИК. – М., 1993. – 226 с.
- 241.Смелкова, З.С. Деловой человек: культура речевого общения [Текст]: пособие и слов.-справ. /З.С. Смелкова.– М.: Кубк-а, 1997. – 192 с.
- 242.Смирнов, Л.М. Анализ опыта разработки экспериментальных методов изучения ценностей [Текст]/ Л.М. Смирнов // Психол. журн. – 1996. – № 1. – С. 157-167.
- 243.Соколов, А.В. Проблема “библиография и информация”: современные тенденции и перспективы [Текст]/А.В.Соколов // Теоретико-методологические проблемы современного советского библиографоведения. – М., 1981. – С.19-23.
- 244.Солоненко, Л.В. Женское чтение вчера и сегодня [Текст]/ Л.В. Солоненко // Библиогр. – 1995. – № 6. – С. 14-20.
- 245.Солсо, Р.Л. Когнитивная психология [Текст]/ Р.Л. Солсо. – М.: Тривола, 1996. – 197 с.
- 246.Столин, В.В. Самосознание личности [Текст]/ В.В. Столин. – М.: Наука, 1983. – 286 с.
- 247.Столович, Л.Н. Красота. Добро. Истина: очерк истории эстетической аксиологии [Текст]/ Л.Н. Столович.– М.: Республика, 1994. – 464 с.
- 248.Сулинова, Д.Н. К проблеме жанра энциклопедии в литературной библиографии/ Д.Н. Сулинова // Вопр. библиографоведения.- 2002. – Вып. 11.
- 249.Сулейменова, Э.Д. Понятие смысла в современной лингвистике [Текст]/ Э.Д. Сулейменова. – Алма-Ата: Мектеп, 1989. – 160 с.
- 250.Талалаева, Е.В. Современные подходы к проблеме классификации ценностей [Текст]/ Е.В. Талалаева // Гуманитарные науки и

- образование: проблемы и перспективы/ МГУ им. Н.П. Огарева. – Саранск, 1995. – С. 284-288.
251. Тарасов, М.И. О текстовых кодах [Текст]/ М.И. Тарасов // Язык образования и образование языка: материалы междунар. науч. конф., Великий Новгород, 11 – 13 июня / Новгород. ГУ. – Новгород: Изд-во Новгород. ГУ, 2000. – С. 299-301.
 252. Трубников, С.А. Проблемы рекомендательной библиографии в свете марксистско-ленинского учения о ценности [Текст]/ С.А. Трубников // Современные проблемы развития рекомендательной библиографии; МГИК. – М., 1973. – С. 19-35.
 253. Тугов, Ю.М. О структуре рекомендательной библиографии [Текст]/ Ю.М. Тугов // Сов. библиогр. – 1971. – № 2. – С. 30-41.
 254. Турунен, Н. Метатекст как глобальная система и вопросы конструирования текста [Текст]/ Н. Турунен // Текст в аспектах межкультурной коммуникации: сб. науч. тр.; Перм. гос. ун-т. – Пермь, 2000. – С. 328-340.
 255. Тюрина, Л.Г. Теоретико-методологическое обоснование модели учебной книги для профессионального образования: историко-типологический и сравнительный анализ [Текст]: монография / Л.Г. Тюрина. – М.: МГУП, 2006. -148 с.
 256. Урусова, М.Н. Литературная рекомендательная библиография и популярное литературоведение [Текст] / М.Н. Урусова // Мир библиогр. – 2000. – № 5. – С. 23-26.
 257. Ускова, О.А. Метаязык бизнеса в пространстве русского языка/ О.А. Ускова//Филолог. науки. – 2007. – №4. – С. 69-80.
 258. Федотов, В.В. Рациональная организация умственного труда [Текст]/ В.В. Федотов. – М.: Экономика, 1987. – 110 с.
 259. Филиппова, М.М. Непрямая коммуникация и средства создания двусмысленного дискурса/ М.М. Филиппова// Филолог. науки. – 2007. – № 1. – С. 60-70.

- 260.Фокеев, В.А. Библиографический факт [Текст]/ В.А. Фокеев // Сов. библиогр. – 1991. – № 6. – С. 21-29.
- 261.Фокеев, В.А. Библиографическое знание: (Теоретико-методол. исслед.) [Текст]: дис. ... д-ра пед. наук / В.А. Фокеев.– М., 1986. – 552 с.
- 262.Фокеев, В.А. Новый подход к процессам реферирования и аннотирования [Текст]/ В.А. Фокеев // Сов. библиогр. – 1987. – № 1. – С. 62-67.
- 263.Фокеев, В.А. Сущность библиографии – познание, коммуникация, ориентация [Текст]/ В.А. Фокеев // Сов. библиогр.– 1991. – № 6. – С. 42-43.
- 264.Фокеев, В.А. Определение библиографии и ее «четырёхугольная формула» / В.А. Фокеев // Библиография. – 2006. – №4. – С. 32–38.
- 265.Фокеев В.А. Национальная программа поддержки и развития чтения: библиографический аспект / В.А. Фокеев // Библиография.– 2007. – № 5. – С. 8-24.
- 266.Фомин, А.Г. Библиография как дисциплина вспомогательная для литературоведения [Текст]/ А.Г. Фомин // Избранное.– М., 1975. – С.125-139.
- 267.Хмельницкая, С.Г. Особенности оценки молодежью информации в книге [Текст]/ С.Г. Хмельницкая // Библиографическая характеристика художественного произведения как средство активизации чтения молодежи/ ГБЛ. – М., 1978. – С. 66-74.
- 268.Холодная, Т.А. Психология интеллекта: Парадоксы исследования [Текст]/ Т.А. Холодная. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1997. – 382 с.
- 269.Художественный текст: Структура. Язык. Стил [Текст]/ под ред. И.А. Роговой. – СПб.: Изд-во СПб ун-та, 1993. – 182 с.
- 270.Хохлогорская, Е.Л. Чтение и язык СМИ: проблема медиалингвистического кризиса / Е.Л. Хохлогорская // Язык и стиль: меж. сб. науч. тр. – М.: МГУП, 2007. – С. 461.

- 271.Цветаева, М. И. (1892 – 1941): библиогр. очерк [Текст]/ М.И. Цветаева // РГБ; Отд. исслед. чтения, пропаганды книги и рек. библиогр.; авт.– сост. И.В. Семибратова. – М., 1994. – 27, [4] с.
- 272.Целмс, Е.М. Художественная ценность и социокультурный контекст [Текст]/ Е.М. Целмс // Художественно-эстетические ценности в системе культуры. – Саранск, 1990. – С. 5-8.
- 273.Человек нового мира: Проблемы воспитания [Текст]/ под ред. Е.Ф.Сулемова, В.П.Коломийца. – М.: Изд-во МГУ, 1989. – 235 с.
- 274.Черникова, Н.В. Оценочная коннотация в структуре актуализированных лексических единиц [Текст]/ Н.В. Черникова // Язык и стиль: меж. сб. науч. тр. – М.: МГУП, 2007. – С. 417-425.
- 275.Чикина, Л.К. Лингвистика текста [Текст]: учеб. пособие/ Л.К. Чикина; МГУ им. Н.П.Огарева. – Саранск, 1986. – 84 с.
- 276.Чтение и развитие творческих потенций личности [Текст]// Юный читатель 90-х годов/ РГЮБ. – М., 1995. – С. 14-21.
- 277.Шайгородский, Ю.И. Психологические особенности ценностных ориентаций девочек и мальчиков подросткового возраста [Текст]: дис. ... канд. пед. наук / Ю.И. Шайгородский. – М., 1992. – 212 с.
- 278.Шалашова, З.П. Приключения и путешествия [Текст]: рек. указ. лит. / З.П. Шалашова. – М.: Книга, 1979. – 128 с.
- 279.Шевандрин, Н.И. Психодиагностика: коррекция и развитие личности [Текст]/ Н.И. Шевандрин. – М.: Владос, 1998. – 512 с.
- 280.Шевченко, И.С. Проблемы восприятия текста как социокультурного феномена [Текст]/ И.С. Шевченко // Бахтинские чтения. – Орел, 1997. – С. 125-128.
- 281.Шрейдер, Ю.А. Утопия или устройство [Текст]/ Ю.А. Шрейдер // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. – М.: Прогресс, 1990. – С. 7-8.

- 282.Шрейдер, Ю.А. Человеческая рефлексия и две системы этического сознания [Текст]/ Ю.А. Шрейдер // Вопр. философии. – 1990. – № 7. – С. 32-42.
- 283.Штайн, К.Э. Метапозтика - «размытая» парадигма [Текст] / К.Э. Штайн // Филолог. науки. – 2007. – № 6.
- 284.Штайнер, Р. Вопросы воспитания как социальный вопрос [Текст]/ Р. Штайнер. – Калуга: Духовное познание, 1992. – 108 с.
- 285.Штейнер, Р. Очерки познания Гетеовского мировоззрения [Текст]/ Р. Штейнер. – М.: Парсифаль, 1993. – 144 с.
- 286.Шутенко, Л.И. Строение и развитие профессионального самосознания учителя [Текст]: дис. ... канд. пед. наук / Л.И. Шутенко. – М., 1994. – 241 с.
- 287.Энциклопедия литературных героев: Зарубежная литература XX в. [Текст]. – М.: Олимп; АСТ, 1998. – 688 с.
- 288.Энциклопедия русской жизни: роман и повесть в России второй половины XVIII – начала XX в. [Текст]: рек. библиогр. справ./ сост.: Е.М. Сахарова, И.В. Семибратова. – М.: Кн. палата, 1988. – 400 с.
- 289.Эпштейн, М.Н. Итерпретация [Текст]/ М.Н. Эпштейн // Краткая лит. энцикл. Т.9 . – М., 1978. – С. 330.
- 290.Якобсон, П.М. Психология и художественное восприятие [Текст]/ П.М. Якобсон // Художественное восприятие. – М., 1971. – С. 76-81.
- 291.Ядов, В.А. Социологическое исследование. Методология, программа, методы [Текст]/ В.А. Ядов. – М.: Прогресс, 1972. – 316 с.
- 292.The Art of Reading: Contexts for Writing. Second edition/ Eric Gould, Robert DiYanni, etc. [Text]. – New York: McGraw-Hill Inc., 1990. – 695 p.
- 293.Barthes, R. Critique et Verte [Text]/ R. Barthes. – P.: Seuil, 1987. – 189 p.

- 294.Barthes, R. *Plasir du Texte* [Text]/ R. Barthes. – P.: Seuil, 1973. – 154 p.
- 295.Heidegger M. *Was heiBt ?* [Text]/ M. Heidegger. – Tubingen, 1954. – 237 p.
- 296.Hoeson Van, H.B., Walter F.K. *Bibliography. Praktical, enumerative, historical: an introduction manual* [Text]/H.B. Hoeson Van. – New York; London: Charlea Scribner's Son's, 1928. – XIII; 519 p.
- 297.Schleiermacher, Fr. *Werke Auswahl in vier Banden. B. 4.* [Text]/ Fr. Schleiermacher/ – Berlin, 1911. – 229 p.
- 298.Shera, J.H. *Foundation of a theory of bibliography* [Text]/ J. H. Shera, M.E. Egan // *Essays on bibliography– Netuchen*, 1975. – P.48 – 62.
- 299.Shindryaeva, N. *Knowledge organization as a problem of bibliographic tool structure* [Text]/ N. Shindryaeva // *Knowl. org.–* 1993. – N4. – P.200.
- 300.Shoemaker, R.H. *Bibliography: (general)//Bibliography: current state and future trends* [Text]/ R.H. Shoemaker. – Urbana; Chicago; London, 1967. – P. 4 –10.
- 301.Stillings, H.A. *Cognitive science: An Introduction* [Text]/ H.A. Stillings. – Cambridge (Mass.), 1987. – 533 p.
- 302.Stores, R. *Bibliographical control and service* [Text]/ R. Stores. – London: Andre Deutsch, 1965. – 125 p.
- 303.Stokes, R. *The function of bibliography* [Text]/ R. Stokes. – London: Andre Deutsch, 1969. – 174 p.
- 304.Summerfield, J. *Texts and Contexts. A Contribution to the Theory and Practice of Teaching Composition* [Text]/ J. Summerfield, G. Summerfield – New York: Random House,1986. – 304 p.
- 305.Tensell, T. *The state of bibliography today* [Text]/ T. Tensell // *The papers of the Bibliog. soc. of America.* – 1979. – Vol.73, N 3. – P. 289-304.

306. Williamson, D. Bibliography: historical, analytical descriptical [Text]/ D. Williamson. – London: Clive Bingly, 1967. – 129 p.
307. Wyer, J.I. Practical bibliography [Text]/ J.I. Wyer.– Boston: The Boston book CO, 1902. – 9 p.
308. Wyner, B.S. Introduction to bibliography and reference work a guide to materials and sources [Text]/ B.S. Wyner. – 4th rev. ed. – New York: Libraries unlimited, 1967. – 310 p.

Научное издание

Депцова Татьяна Юрьевна

**ТЕХНОЛОГИЯ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СВЕРТЫВАНИЯ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИИ**

Монография

Редактор Н.С. Куприянова

Компьютерная верстка Т.Е. Половнева

Подписано в печать 25.12.2008 г. Формат 60х84/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ. л. 10,0.

Тираж 100 экз. Заказ . Арт. С - 2/08.

Самарский государственный аэрокосмический университет.

443086 Самара, Московское шоссе, 34.

Изд-во Самарского государственного аэрокосмического университета.

443086 Самара, Московское шоссе

